

**ДОКЛАД КОМИССИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**

о работе ее пятнадцатой сессии

6 мая — 12 июля 1963 года

**ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ • ВОСЕМНАДЦАТАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ № 9 (A/5509)**

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

ДОКЛАД КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

о работе ее пятнадцатой сессии

6 мая — 12 июля 1963 года

ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ

**ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ • ВОСЕМНАДЦАТАЯ СЕССИЯ
ДОПОЛНЕНИЕ № 9 (A/5509)**

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Нью-Йорк • 1963

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации.

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Главы</u>	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
I. ОРГАНИЗАЦИЯ СЕССИИ	1—8	1
А. Члены Комиссии и их участие в работе сессии	2—3	1
В. Должностные лица	4—6	1
С. Повестка дня	7—8	1
II. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ	9—17	3
А. Введение	9—16	3
В. Проект статей о международных договорах	17	4
III. ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ УЧАСТИЯ В ГЕНЕРАЛЬНЫХ МНО- ГОСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ, ЗАКЛЮЧЕН- НЫХ ПОД ЭГИДОЙ ЛИГИ НАЦИЙ	18—50	42
IV. ХОД РАБОТЫ ПО ДРУГИМ ИЗУЧАЕМЫМ КОМИССИЕЙ ВОП- РОСАМ	51—66	50
А. Ответственность государств	51—55	50
В. Правопреемство государств и правительств	56—61	50
С. Специальные миссии	62—65	51
D. Отношения между государствами и межправительственными ор- ганизациями	66	52
V. ДРУГИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМИССИИ	67—80	53
А. Сотрудничество с другими учреждениями	67—70	53
В. Программа работы, время и место следующей сессии	71—75	53
С. Условия изготовления и распространения документов, кратких отчетов и переводов	76—78	53
D. Задержки с опубликованием Ежегодника	79	54
E. Представительство на восемнадцатой сессии Генеральной Ас- самблеи	80	54
Сноски к докладу Комиссии международного права		55

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Доклад г-на Роберто Аго, председателя подкомитета по вопросу об ответствен- ности государств	58
II. Доклад г-на Манфреда Ляхса, председателя подкомитета по вопросу о право- преемстве государств и правительств	60

Глава I

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕССИИ

1. С 6 мая по 12 июля 1963 г. в Европейском отделении Организации Объединенных Наций в Женеве происходила пятнадцатая сессия Комиссии международного права, образованная на основании резолюции 174 (II) Генеральной Ассамблеи от 21 ноября 1947 г. согласно Положению о названной Комиссии, приложенному к этой резолюции и впоследствии измененному. В настоящем докладе описывается работа, выполненная Комиссией на этой сессии. В главе II доклада содержатся двадцать пять статей, относящихся к недействительности и прекращению международных договоров. Глава III касается вопроса о расширении участия в генеральных многосторонних договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций. В главе IV описан ход работы над другими вопросами, находящимися на рассмотрении Комиссии. Глава V посвящена некоторым административным и прочим вопросам.

А. ЧЛЕНЫ КОМИССИИ И ИХ УЧАСТИЕ В РАБОТЕ СЕССИИ

2. В состав Комиссии входят, в качестве членов ее, следующие лица:

Роберто АГО (Италия)
Жильберто АМАДО (Бразилия)
Милан БАРТОШ (Югославия)
Герберт У. БРИГГС (США)
Марсель КАДЬЕ (Канада)
Эрик КАСТРЕН (Финляндия)
Абдулла ЭЛЬ-ЭРИАН (Объединенная Арабская Республика)
Тесилими О. ЭЛИАС (Нигерия)
Андре ГРО (Франция)
Эдуардо ХИМЕНЕС де АРЕЧАГА (Уругвай)
Виктор КАНГА (Камерун)
Манфред ЛЯХС (Польша)
ЛЮ Цзе (Китай)
Антонио де ЛУНА-ГАРСИА (Испания)
Луис ПАДИЛЬЯ-НЕРВО (Мексика)
Радабинод ПАЛ (Индия)
Анхель М. ПАРДЕС (Эквадор)
Обед ПЕССУ (Дагомея)
Шабтай РОЗЕН (Израиль)
Абдул Хаким ТАБИБИ (Афганистан)
Сенджин ЦУРУОКА (Япония)
Григорий Иванович ТУНКИН (Союз Советских Социалистических Республик)

Альфред ФЕРДРОСС (Австрия)
Сэр Хэмфри УОЛДОК (Соединенное Королевство
Великобритании и Северной Ирландии)
Мустафа Камиль ЯСИН (Ирак)

3. За исключением г-на Виктора Канга все члены Комиссии участвовали в ее заседаниях.

В. ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА

4. На 673-м заседании 6 мая 1963 г. Комиссия избрала следующих должностных лиц:

Председателем - Эдуардо Химинеса де Аречага
Первым заместителем председателя - Милана Бартоша

Вторым заместителем председателя - Сенджина Цуруока

Докладчиком - сэра Хэмфри Уолдока

5. На 677-м заседании 10 мая 1963 г. Комиссия назначила Редакционный комитет под председательством первого заместителя председателя. В состав Комитета вошли следующие лица: Милан Бартош, председатель, Роберто Аго, Герберт У. Бриггс, Абдулла Эль-Эриан, Андре Гро, Луис Падилья-Нерво, Шабтай Розен, Григорий Иванович Тункин, сэр Хэмфри Уолдок. Во время сессии состоялось двенадцать заседаний этого Редакционного комитета.

6. На 710-м заседании, состоявшемся 28 июня 1963 г., присутствовал Юриконсульт Константин Ставропулос. Директор Кодификационного отдела Правового бюро Лян Юе-ли представлял Генерального Секретаря и выполнял функции секретаря Комиссии.

С. ПОВЕСТКА ДНЯ

7. В утвержденную Комиссией повестку дня пятнадцатой сессии входили следующие пункты:

1. Международные договоры
2. Вопрос о расширении участия в генеральных многосторонних международных договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций (резолюция 1766 (XVII) Генеральной Ассамблеи)
3. Ответственность государств: доклад Подкомитета

4. Правопреемство государств и правительств:
доклад Подкомитета
5. Специальные миссии
6. Отношения между государствами и межправительственными организациями
7. Сотрудничество с другими учреждениями

8. Время и место шестнадцатой сессии
 9. Другие вопросы
8. В течение этой сессии состоялось сорок девять заседаний Комиссии. Она рассмотрела все стоявшие на ее повестке дня вопросы.

Глава II

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

А. ВВЕДЕНИЕ

СВОДКА СВЕДЕНИЙ О РАБОТЕ КОМИССИИ

9. На своей четырнадцатой сессии Комиссия приняла, в предварительном порядке, часть I проекта статей о международных договорах, состоящую из двадцати девяти статей о заключении, вступлении в силу и регистрации международных договоров. В то же время Комиссия постановила, в соответствии со статьями 16 и 21 Положения о Комиссии, представить этот проект, через Генерального Секретаря, правительствам на отзыв. Комиссия постановила, далее, продолжить изучение права международных договоров на своей следующей сессии, установить очередность рассматриваемых вопросов и приступить на указанной сессии к вопросам о действительности и сроке действия международных договоров.

10. Как «действительность», так и «срок» международных договоров были предметом докладов предыдущих специальных докладчиков. Вопрос о «действительности» трактовался сэром Гершем Лаутерпахтом в статьях 10—16 его первого доклада о международных договорах¹ и при пересмотре им статьи 16 в его втором докладе², а сэром Джеральдом Фицморисом — в его третьем докладе³. Вопрос о «сроке» не разбирался ни в одном из двух докладов сэра Херша Лаутерпахта, но был подробно изложен во втором докладе сэра Джеральда Фицмориса⁴. Будучи перегружена работой над другими вопросами, Комиссия не рассматривала ни одного из этих докладов, но само собой разумеется, полностью учла их содержание.

11. На настоящей сессии Комиссии специальный докладчик представил доклад (A/CN.4/156 и Add.1—3) о материально-правовой действительности, сроке и прекращении международных договоров. Кроме того, Комиссия имела в своем распоряжении меморандум, составленный Секретариатом, и содержащий отношения к международным договорам постановления резолюций Генеральной Ассамблеи (A/CN.4/154). Она рассмотрела доклад специального докладчика на 673—685, 687, 711, 714, 716, 718 и 720-м заседаниях и приняла предварительный проект статей по ука-

занным вопросам. Этот проект приводится, вместе с примечаниями к соответствующим статьям, в настоящей главе. Изучая эти вопросы, Комиссия пришла к заключению, что статьи о «материально-правовой действительности» международных договоров удобнее изложить в форме указания различных оснований, по которым договоры могут становиться недействительными, а статьи о «сроке и прекращении» — в форме указания различных оснований, по которым договоры могут прекращаться. Вследствие этого Комиссия решила изменить наименование этой части своего труда по международным договорам и озаглавила ее «Недействительность и прекращение международных договоров». Так, поэтому, и назван проект статей, приводимый в настоящей главе.

12. Как указано в пункте 18 ее доклада за 1962 год⁵, Комиссия предполагает составить на своей следующей сессии в 1964 году проект группы дальнейших статей, которые должны относиться к применению и значению международных договоров. После того как будет закончено составление всех трех проектов статей о международных договорах, Комиссия рассмотрит вопрос о том, следует ли слить их в один проект конвенции или кодифицировать регулирующие международные договоры право в ряде связанных друг с другом конвенций. В соответствии с решением, принятым ею на своей предыдущей сессии, Комиссия составила настоящий предварительный проект как вторую самодовлеющую группу статей, тесно связанных со статьями части I, которые уже представлены правительствам на отзыв. Поэтому настоящий проект озаглавлен «Международные договоры — Часть II». Вместе с тем Комиссия, отнюдь не предвосхищая своего решения по вопросу о том, какая форма должна быть, в конечном счете, придана ее труду по международным договорам, нашла более удобным, вместо того чтобы начинать в настоящем проекте нумерацию статей заново, продолжить нумерацию, начатую в предыдущем проекте. Таким образом первой статье в теperешней группе присвоен номер 30.

13. Согласно статьям 16 и 21 Положения о Комиссии, последняя постановила препроводить через Генерального Секретаря свой проект относительно недействительности и прекращения международных договоров правительствам на отзыв.

* Сноски к Докладу Комиссии международного права см. на стр.55.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЛАГАЕМОГО ТЕПЕРЬ ПРОЕКТА ГРУППЫ СТАТЕЙ

14. Настоящий проект группы статей относится к обширным вопросам о недействительности и прекращении международных договоров, но в непосредственной связи с вопросом о прекращении международных договоров рассматривается и вопрос о приостановлении действия таких договоров. Этот проект статей не содержит, однако, никаких постановлений относительно проблемы о том, как отражается на международных договорах открытие военных действий, хотя в таких случаях возникает вопрос как о прекращении, так и приостановлении действия международных договоров. Комиссия полагала, что изучение этой проблемы неизбежно повлечет рассмотрение вопроса о том, как отражаются постановления Устава об угрозе применением и применении силы на правомерности открытия тех или иных военных действий, но не считала, что этим вопросом нецелесообразно заниматься в рамках ее теперешней работы над международными договорами. В этом проекте статей не затронут и другой вопрос — о последствиях прекращения международной личности государства, поскольку речь идет о прекращении международных договоров. Как разъяснено ниже — в пункте 3 ее комментария к статье 43 — Комиссия не видела возможности выработать какие-либо полезные постановления по этому вопросу без учета проблемы преемства государств в правах и обязательствах по международным договорам. Принимая во внимание свое решение изучить отдельно вопрос о правопреемстве государств и правительств и рассмотреть в связи с ним также вопрос о преемстве в правах и обязательствах по международным договорам, Комиссия пока не включала в проект статей о прекращении международных договоров никаких положений о прекращении международной личности государства. Она решила рассмотреть соответствующий вопрос на одной из последующих сессий, когда продвинется вперед ее работа по изучению правопреемства государств.

15. При обсуждении вопроса о недействительности международных договоров Комиссия рассмотрела тот случай, когда постановления последующего договора противоречат постановлениям предыдущего, а при обсуждении вопроса о прекращении международных договоров — рассмотрела подобный же случай косвенного прекращения одного договора вступлением в другой, когда постановления этого другого договора противоречат постановлениям первого. Некоторые члены Комиссии полагали, что в обоих случаях возникает вопрос толкования и очередности в применении международных договоров, а не об их действительности или прекращении. Другие члены Комиссии высказывали сомнения в том, что эти случаи можно рассматривать исключительно с точки зрения толкования и применения. Комиссия решила отложить рассмотрение обоих этих случаев до своей следующей сессии, когда в ее распоряжении будет

новый доклад ее специального докладчика, относящийся к применению международных договоров, и в результате этого рассмотрения окончательно установить место касающихся этих случаев постановлений в проекте статей о международных договорах.

16. Данный проект статей временно разбит на шесть разделов, а именно: I) общие постановления, II) недействительность международных договоров, III) прекращение международных договоров, IV) особые правила применения разделов «II» и «III», V) процедура и VI) юридические последствия недействительности, прекращения или приостановления действия международных договоров. Определения, содержащиеся в статье I части I, применимы также и к части II, и включать новые определения, которые относились бы к этой последней части было признано ненужным. В статьях, изложенных Комиссией в этой части, имеются, так же как в статьях части I, элементы прогрессивного развития, равно как и элементы кодификации международного права.

17. Ниже приводятся принятые Комиссией по предложению специального докладчика текст проекта статей 30—54 и комментарии.

В. ПРОЕКТ СТАТЕЙ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ

Часть II

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПРЕКРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

РАЗДЕЛ I — ОБЩИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 30

Презумпция действительности, сохранения силы и действия международного договора

Каждый международный договор, заключенный и вступивший в силу в соответствии с постановлениями части I, считается имеющим силу и действующим в отношении любого государства, ставшего участником этого договора, если недействительность, прекращение или приостановление действия этого договора не является результатом применения настоящих статей или если от этого договора не отступился, в порядке применения этих статей, определенный его участник.

Комментарий

Материально-правовые постановления настоящей части проекта статей о международных договорах относятся исключительно к тем случаям, когда по той или иной причине международный договор считается недействительным или прекращенным, или же

приостановлено его действие. Поэтому Комиссия полагала, что желательно подчеркнуть в общих постановлениях в начале настоящей части, что любой международный договор, заключенный и вступивший в силу в соответствии с постановлениями предыдущей части, должен считаться имеющим силу и действующим, если его недействительность или прекращение, или приостановление его действия не вытекает из постановлений настоящей части.

РАЗДЕЛ II — НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Статья 31

Постановления внутренних законов относительно полномочий на заключение международных договоров

Когда согласие какого-либо государства на обязательность для него международного договора изъявлено таким представителем, который считался, в силу постановлений статьи 4, облеченным необходимым полномочием, то обстоятельство, что не было соблюдено постановление внутреннего закона этого государства относительно полномочий на заключение международных договоров, не влечет за собой недействительности изъявленного его представителем согласия, если нарушение его внутреннего закона не было очевидным. За исключением этого последнего случая, государство может взять обратно изъявленное его представителем согласие, только если на это соглашаются другие участники договора.

Комментарий

1) Ограничения, устанавливаемые конституциями для осуществления права заключать международные договоры, принимают различные формы⁶. В некоторых конституциях имеется в виду лишить главу исполнительной власти права заключать международные договоры вообще или международные договоры определенной категории без предварительного согласия законодательного органа. В других предусматривается, что международные договоры не имеют силы закона в государстве, если не «утверждены» или не подтверждены в каком-то порядке законодательным органом. В третьих содержатся основные законы, которые могут быть изменены только в особом порядке изменения конституции и которые, таким образом, косвенно устанавливают ограничения права главы исполнительной власти заключать международные договоры. Юридически возможно проведение во внутреннем законе различия между теми категориями постановлений, которые устанавливают конституционные ограничения права правительства заключать международные договоры,

и теми, которые ограничивают только право правительства применять международный договор как внутренний закон государства без того или иного подтверждения этого договора законодательной властью. Можно считать, что первые относятся фактически к праву главы исполнительной власти заключать международные договоры, а вторые — только к праву проводить такие договоры в жизнь после их заключения. Данная статья относится к вопросу о том, насколько подобные конституционные ограничения могут отражаться, с точки зрения международного права, на действительности согласия на международный договор, изъявленного таким должностным лицом государства, которого можно было считать уполномоченным на изъявление этого согласия. По этому вопросу мнения расходятся.

2) По мнению одной группы ученых⁷, международное право предоставляет внутреннему закону каждого государства решение вопроса о том, какие органы и в каком порядке должны определять и изъявлять волю государства связать себя международным договором, и основные законы, регулирующие определение и изъявление согласия государства на международный договор, всегда должны приниматься во внимание при рассмотрении вопроса — обязывает ли соответствующее государство данный международный акт подписания, ратификации, акцепта, подтверждения или присоединения. С этой точки зрения, внутренние законы, ограничивающие право государственных органов заключать международные договоры, должны считаться частью международного права и, таким образом, вызывать недействительность или, по крайней мере, оспоримость всякого согласия на международный договор, данного в международном плане в нарушение конституционных ограничений. Должностное лицо, действующее с целью связать свое государство обязательствами в нарушение конституции, не имеет никаких полномочий, ни с точки зрения международного права, ни с точки зрения внутреннего закона, на изъявление согласия этого государства на международный договор. Если стать на эту точку зрения, то возникнет такое положение вещей, при котором другие государства не вправе будут опираться на полномочие принимать за соответствующее государство обязательства, которое можно считать принадлежащим главе государства, премьер-министру, министру иностранных дел и т.д. согласно статье 4. Им придется в каждом случае удостоверяться в том, что постановления конституции соответствующего государства нарушены не были, или рисковать тем, что договор впоследствии окажется недействительным. Вытекающее из этой теории ослабление прочности международных договоров менее важно, по мнению сторонников этой теории, чем необходимость поддержания при помощи международного права демократических принципов заключения международных договоров.

3) В 1951 году сама Комиссия приняла статью,

основанную на этой точке зрения⁸. Однако некоторые члены Комиссии очень критически отнеслись к идее включения конституционных ограничений в международное право, а Помощник генерального секретаря по правовым вопросам высказал опасения по поводу тех трудностей, которые возникали бы в результате для депозитариев. При обсуждении вопроса на соответствующей сессии было указано, что в основу решения Комиссии положены не юридические принципы, а убеждение в том, что никакой другой нормы государства не примут.

4) Вторая группа ученых⁹, исходя из идеи включения конституционных ограничений в международное право, признает необходимость некоторых оговорок к соответствующей теории, для того чтобы не была подорвана прочность международных договоров. По мнению этой группы, честное отношение к вещам требует, чтобы принимались во внимание только общеизвестные конституционные ограничения, знакомства с которыми можно разумно ожидать от государств. Согласно этой точки зрения, государство, оспаривающее действительность международного договора по конституционным основаниям, может ссылаться только на те постановления конституции, которые всем известны или о которых легко было узнать, наведя соответствующую справку. Некоторые из ученых, принадлежащих к этой группе, находят далее, что государство, ссылающееся на постановления своей конституции с целью аннулировать свою подпись на международном договоре, ратификацию такого договора и т.п., обязано компенсировать другого участника договора, «добросовестно опиравшегося, без какой-либо вины с его стороны, на предполагаемое полномочие обычного конституционного органа государства»¹⁰.

5) Компромиссное решение, основанное на первоначальной гипотезе недействительности, согласно международному праву, противоречащей конституции подписи на международном договоре, ратификации такого договора и т.д., представляет известные трудности. Если какое-либо ограничение, установленное внутренним законом государства, должно считаться, согласно международному праву, ограничивающим полномочие главы государства или какого-либо другого должностного лица государства на изъявление согласия этого государства на международный договор, то неясно, на основании какого принципа «общеизвестное» ограничение имеет в этом отношении силу, а «необщеизвестное» — не имеет. По внутреннему закону государства юридическое значение ограничений обеих категорий состоит в том, что они лишают соответствующее должностное лицо полномочия на заключение международного договора. Равным образом, если содержащееся во внутреннем законе ограничение имеет, согласно международному праву, значение, лишающее определенное должностное лицо государства полномочия принимать за это государство обязательства, то очевидно нельзя считать это государство ответст-

венным, в международном плане, за убытки, причиненные совершенной этим должностным лицом без надлежащего полномочия подписью на международном договоре, ратификацией такого договора и т.д. Если первая подписал на договоре, ратификация его и т.д. не обязывают соответствующее государство в виду отсутствия полномочия, то все последующие относящиеся к договору действия должностных лиц государства очевидно также не могут, с юридической точки зрения, быть вменены государству.

6) Еще значительно — практические трудности, так как во многих случаях совершенно невозможно провести ясное различие между общеизвестными и необщеизвестными ограничениями. Правда, теперь имеются сборники конституций различных государств и существует однотомное издание Организации Объединенных Наций — «Laws and Practices concerning the Conclusion of Treaties» [«Законы и практика, относящиеся к заключению международных договоров»], в основу которого положены сведения, сообщенные значительным числом государств. К сожалению, однако, ни эти тексты конституций, ни информация, предоставляемая Организацией Объединенных Наций, совершенно не достаточны для того, чтобы обеспечить иностранным государствам возможность выяснить, с какой-либо степенью определенности, подпадает ли определенный международный договор под какое-либо постановление конституции. Некоторые постановления могут толковаться субъективно. Таково, например, постановление, согласно которому «политические» или «особо важные» международные договоры должны представляться законодательному органу. Из текста некоторых законов не ясно, к чему относятся ограничения — к полномочиям на заключение международных договоров или к силе и значению таких договоров согласно внутреннему закону. Однако даже в тех случаях, когда соответствующие постановления кажутся несложным и точными, внешняя ясность и очевидность ограничений могут быть очень обманчивы. В большинстве тех случаев, когда в самой конституции содержатся строгие и точные, по-видимому, ограничения, признается, тем не менее, необходимым предоставление главе исполнительной власти широкой свободы заключать международные договоры в упрощенной форме, не соблюдая установленного внутренним законом строгого порядка, причем такое осуществление права заключать международные договоры согласуется с буквой закона либо в порядке толкования, либо путем установления известной политической договоренности. Далее, конституционная практика, касающаяся международных договоров упрощенной формы, имеет тенденцию к известной гибкости, и вопрос о том, соблюдать ли в отношении определенного договора порядок, установленный конституцией, становится, при таких обстоятельствах, объектом политического решения главы исполнительной власти, а его решение может впоследствии оспариваться в законодательном органе или в судебных учреждениях. Таким образом, хотя во многих случаях несомненно можно считать,

что определенное постановление является общеизвестным и что соответствующий международный договор подпадает под это постановление, во многих других случаях ни иностранное государство, ни само национальное правительство не могут заранее предвидеть, с какой либо степенью определенности, будет ли, в случае спора, данный договор признан подпадающим, согласно внутреннему закону, под соответствующее ограничение, и признает ли какой-либо международный судебный орган соответствующее постановление внутреннего закона «общеизвестным» и «ясным» с точки зрения международного права.

7) Третья группа ученых¹¹ считает, что международное право предоставляет каждому государству решать, какие органы и в каком порядке должны определять его намерение заключить международный договор, а само учитывает только внешнее изъяснение этого намерения в международном плане. Согласно этой точке зрения международное право определяет порядок и условия изъяснения государствами, в международном плане, своего согласия на международные договоры, а также регулирует условия, при которых различные категории государственных учреждений и должностных лиц признаются полномочными действовать в этом порядке от имени своих государств. Поэтому, если должностное лицо, которое, согласно международному праву, полномочно обязывать свое государство, изъявило в установленном порядке согласие этого государства на какой-либо международный договор, этот договор считается, согласно международному праву, обязательным для этого государства. Согласно этой точке зрения, несоблюдение требований внутреннего закона может повлечь за собой недействительность международного договора в качестве внутреннего закона и вызвать ответственность соответствующего должностного лица, согласно внутреннему закону, за юридические последствия. Некоторые из этих ученых¹² смягчают жесткость этого правила в тех случаях, когда государство-контрагент фактически знало о несоблюдении внутреннего закона или когда отсутствие конституционного полномочия было настолько явным, что это государство должно считаться знавшим о нем. Это компромиссное решение, которое исходит из примата международных норм, касающихся заключения международных договоров, не вызывает тех логических трудностей, которые связаны с компромиссом, предлагаемым другой группой. Поскольку, по мнению этой третьей группы, основной принцип заключается в том, что государство вправе предполагать правомочность действий, совершаемых в пределах полномочий, принадлежащих определенному должностному лицу согласно международному праву, достаточно логичен вывод, что государство не может исходить из подобного предположения, если оно знает или юридически должно считаться знающим, что в конкретном случае этих полномочий не существует.

8) Постановления международных судебных органов и практика государств, если они и не имеют вполне решающего характера, подкрепляют очевидно положение, основанное на мнении третьей группы. Надо признать, что международная судебная практика не очень обширна. В арбитражном решении Кливленда¹³ (1888 г.) и в решении по делу Жоржа Пинсона¹⁴ (1928 г.) этот вопрос фактически не разрешается, но содержатся замечания, указывающие на то, что постановления конституций считаются имеющими отношение к действительности международных договоров с международной точки зрения. Вместе с тем, в решениях по франко-швейцарскому спору о таможах¹⁵ (1912 г.) и по делу Рио-Мартин¹⁶ (1924 г.) содержатся определенные постановления арбитров об отказе учесть ссылки на нарушение конституционных ограничений и о признании действительными соответствующих протокола и обмена нотами, а в решении по делу Мецгера¹⁷ содержится замечание в том же смысле. Далее, в тех высказываниях, которые содержатся в решениях по делам о Восточной Гренландии¹⁸ и о Свободных зонах¹⁹ и не имеют прямого отношения к нашему вопросу, имеются очевидно указания на то, что международное судебное учреждение не склонно было бы производить дальнейшие исследования, когда речь идет о таком должностном лице государства, которое предполагается, согласно международному праву, имеющим полномочие обязывать свое государство (в упомянутых делах это были министр иностранных дел и представитель в международном судебном процессе).

9) Что касается практики государств, то целый ряд дипломатических инцидентов внимательно разобран в недавно вышедшем труде²⁰. Разумеется, в некоторых из этих случаев имели место заявления о том, что определенные международные договоры были недействительны по конституционным основаниям, но ни в одном из этих случаев подобное заявление не было признано правильным другой стороной в споре. Далее, в трех случаях (принятие Люксембурга в Лигу Наций, инцидент с Политисом и присоединение Аргентины) Лига Наций, по-видимому, действовала на основании того принципа, что согласие, данное в международном плане таким должностным лицом государства, которое предполагается имеющим надлежащее полномочие, не становится недействительным в результате последующего установления отсутствия у этого должностного лица полномочия обязывать свое государство. Затем, в одном случае депозитарий (правительство Соединенных Штатов) исходил очевидно из предположения, что внешне правильное уведомление о присоединении к соглашению может быть аннулировано ввиду отсутствия конституционного полномочия только в случае согласия других участников соглашения²¹. Далее, представители государств не имеют обыкновения допрашивать, при заключении международных договоров, друг друга относительно их конституционных полномочий на подписание договора или

депонирование ратификационных грамот, грамот об акцепте и т.д. Правда, в деле о Восточной Гренландии Дания признала, что постановления конституции Норвегии имели в принципе значение для определения последствий декларации Илена, хотя и оспаривала значение этих постановлений при конкретных обстоятельствах данного дела. Верно, также, что на семнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи одним из представителей в Шестом комитете было высказано беспокойство по поводу того, что некоторые места в докладе Комиссии очевидно косвенно выражали мнение, направленное, в общем, против применения постановлений конституции при разрешении международно-правового вопроса об изъявлении государством своего согласия. Однако практика государств очевидно приняла совсем другое направление.

10) То мнение, что невыполнение постановлений конституций не должно, как правило, считаться обстоятельством, лишающим силы согласие, изъявленное в надлежащей форме органом или должностным лицом, которые предполагаются имеющими полномочие на изъявление такого согласия, подкрепляется, по-видимому, также двумя другими соображениями. Во-первых, именно для того, чтобы дать каждому правительству возможность как следует обдумать определенный международный договор, прежде чем решать, следует ли соответствующему государству принимать в этом договоре участие, а также для того, чтобы дать ему возможность учесть постановления конституции государства, международное право предусматривает несколько относящихся к заключению международных договоров процедур (ратификацию, акцепт и подтверждение). Если в договоре предусмотрено, что он подлежит ратификации, акцепту или подтверждению, то из этого следует, что участвовавшие в переговорах государства сделали все, что можно было от них разумно ожидать, для соблюдения демократических принципов заключения международных договоров. Вряд ли имеются разумные основания ожидать, чтобы после этого каждое правительство следило за тем, как поступает с этим договором каждое другое правительство в своем внутреннем плане. Ведь высказывание каких бы то ни было сомнений в том, что другое правительство поступает, во внутренней своей сфере, согласно конституции, определенно считались бы недопустимым вмешательством в его дела. Это соображение относится также и к случаям присоединения, когда правительство имеет полнейшую возможность изучить договор и соблюсти требования конституции, прежде чем совершать какое-либо действие в международном плане с целью заявить о присоединении своего государства к этому договору. Если договор приобретает обязательную силу по подписанию, то, опять-таки, именно правительство дает разрешение воспользоваться этим порядком. Цель договора известна правительству еще до начала переговоров, и, при современных способах сношений, ему, как правило, известно содержание договора до того, как его представитель

приступает к подписанию. Больше того, в случае необходимости, его представителю может быть предписано подписать договор «ad referendum». Следует признать, что в тех случаях, когда договор становится обязательным по подписанию, а особенно в тех, когда речь идет о договоре упрощенной формы, риск нарушения постановлений конституции по недосмотру может быть несколько больше. Однако даже в этих случаях правительство располагает необходимыми способами контролировать действия своего представителя и выполнять все требования конституции. Другими словами, в любом случае ответственность за любое нарушение постановлений конституции при заключении международного договора должна лежать на правительстве соответствующего государства.

11) Второе соображение заключается в том, что большинство дипломатических инцидентов, во время которых государства ссылались на требования своих конституций как на основание для признания международного договора недействительным, относилось к тем случаям, когда государства желали освободиться от своих договорных обязательств по совершенно другим причинам. Далее, в большинстве этих случаев другая сторона в споре возражала против мнения, что на несоблюдение постановлений конституции можно впоследствии сослаться как на основание для признания недействительным договора, заключенного представителями, которые считались имеющими от своего государства полномочие на его заключение. Если после заключения договора правительство встречается с подлинными конституционными затруднениями и возбуждает соответствующий вопрос немедленно, оно, как правило, имеет возможность устранить вытекающие из конституции препятствия внутренними мерами и получить, тем временем, если это необходимо, надлежащие отсрочки от других участников договора. В подобных случаях затруднения часто возникают очевидно не потому, что вопрос возбуждается в законодательном органе, согласие которого не было испрошено, а потому, что он возбуждается в суде, где по конституционным основаниям оспаривается сила международного договора как внутреннего закона²². Если правительство сталкивается с тем фактом, что суды не признают, по относящимся к конституции основаниям, какой-либо международный договор действительным, оно обычно старается урегулировать свое положение по такому договору, принимая соответствующие меры во внутреннем или в международном плане.

12) Некоторые члены Комиссии были того мнения, что международное право должно в достаточной мере учитывать внутренний закон, чтобы признавать, что именно внутренний закон определяет, какие органы компетентны в данном государстве осуществлять право на заключение международных договоров. С этой точки зрения всякий международный договор, заключенный каким-либо органом или представителем, не имевшим, согласно внутреннему закону,

права его заключить ввиду несоблюдения каких-либо постановлений этого закона, будет недействителен вследствие деффефективности согласия по применению этого внутреннего закона. Однако большинство членов Комиссии полагало, что при действии такого правила сложность и неопределенность применения постановлений внутреннего закона о заключении международных договоров будут ставить под слишком большую угрозу прочность международных договоров. Принимая во внимание это соображение и практику международных судебных учреждений, а также данные относительно практики государств, большинство членов Комиссии полагало, что в основу данной статьи должен быть положен тот принцип, что несоблюдение какого-либо постановления внутреннего закона относительно полномочий на заключение международных договоров не отражается на действительности согласия, данного в надлежащей форме каким-либо органом или должностным лицом государства, компетентным, согласно международному праву, давать такое согласие. При этом некоторые члены Комиссии стали на ту точку зрения, что нежелательно ослаблять каким-либо образом этот основной принцип, допуская какие-либо исключения из него, и предпочитали, чтобы государство считалось принявшим на себя соответствующие обязательства в силу согласия своего органа или представителя во всех случаях, когда это согласие представляется данным в надлежащей форме. Другие, принадлежавшие к большинству, члены комиссии, искренно присоединяясь к тому мнению, что несоблюдение внутреннего закона относительно полномочий на заключение международных договоров не отражается, в принципе, на согласии, должным образом изъясленном в соответствии с нормами международного права, находили, что можно допускать исключение в тех случаях, когда нарушение внутреннего закона относительно полномочий на заключение международных договоров является совершенно очевидным. Они имели в виду случаи, подобные имевшим место в прошлом, когда глава государства заключал международный договор на свой собственный риск, в нарушение совершенно ясного постановления конституции. Они не считали, что допущение такого исключения умалит значение основного принципа, так как находили, что другие государства не вправе утверждать, будто они полагались на согласие, данное при подобных обстоятельствах. Эта точка зрения и выражена в статье 31.

13) Таким образом эта статья предусматривает, что, если согласие государства на обязательность для него договора было изъяснено каким-либо органом или представителем, наделенным, в силу международного права, необходимым полномочием на это, сила этого согласия не может, как правило, быть оспорена на том только основании, что не был соблюден внутренний закон. Утверждать, что согласие было недействительным, можно только в том случае, когда нарушение указанного закона

было «очевидным». В статье 4, на которую делается ссылка в тексте соответствующего пункта, установлены условия, при которых от определенных органов и должностных лиц государства не требуется представления каких-либо доказательств наличия у них полномочия на ведение переговоров и заключение международных договоров, и условия, при которых от них представление таких доказательств требуется. Из этой статьи следует, что соответствующий орган или должностное лицо должно считаться имеющим, по международному праву, соответствующее полномочие, когда согласно статье 4 не требуется никаких доказательств такого полномочия или когда были представлены конкретные доказательства наличия такого полномочия.

14) Во второй фразе этой статьи просто делается логический вывод из нормы, изложенной в первой фразе. Этот вывод заключается в том, что, за исключением случаев, когда нарушения являются очевидными, согласие, должным образом данное в соответствии с нормами международного права, но в нарушение постановления внутреннего закона, может быть взято обратно, только если на это соглашается другой участник или другие участники договора.

Статья 32

Отсутствие полномочия обязывать государство

1. Когда представитель какого-либо государства, который не может, согласно постановлению статьи 4, считаться облеченным необходимым полномочием на изъяснение согласия своего государства на обязательность для последнего какого-либо международного договора, совершает, тем не менее, какое-либо действие с целью изъяснить согласие этого государства, действие такого представителя не имеет никакого юридического значения, если не будет впоследствии прямо или косвенно подтверждено его государством.

2. Когда данное какому-либо представителю полномочие на изъяснение согласия его государства на обязательность для последнего какого-либо международного договора обставлено определенными ограничениями, несоблюдение им этих ограничений не влечет за собой недействительности изъясненного им от имени своего государства согласия на договор, кроме тех случаев, когда об этих ограничениях его полномочия было сообщено другим договаривающимся государствам.

Комментарий

1) Статья 32 относится к тем случаям, когда

представитель действует с целью обязать свое государство, не имея на это полномочия. Возможны две категории таких случаев. Во-первых, представитель, который не может, согласно международному праву, считаться облеченным полномочием обязывать государство в соответствии с постановлениями статьи 4 и, вместе с тем, не имеет специального полномочия от своего правительства, может, по ошибке или из усердия, заключить от имени этого государства какой-либо международный договор. Во-вторых, представитель, который имеет, согласно международному праву, необходимое полномочие, может получить от своего правительства прямые инструкции, ограничивающие это полномочие в конкретном случае. Случаи обеих этих категорий не часты, но иногда встречаются на практике²³.

2) Если договор не приобретает обязательной силы без последующей ратификации, акцепта или подтверждения, то всякое превышение представителем своего полномочия при установлении текста договора будет предметом рассмотрения на последующих этапах — при ратификации, акцепте или подтверждении. Соответствующее государство может тогда сделать определенный выбор — отклонить установленный его представителем текст или же ратифицировать, акцептовать или подтвердить международный договор. Во втором случае оно неизбежно будет считаться подтвердившим акт, совершенный его представителем без полномочия, и, следовательно, устранившим последствия первоначального отсутствия полномочия. Поэтому данная статья относится только к тем случаям, когда полномочие отсутствует при совершении представителем определенного акта с целью окончательно зафиксировать согласие своего государства принять на себя соответствующие обязательства. Другими словами, она относится только к тем случаям, когда при отсутствии полномочия происходит подписание международного договора, приобретающего обязательную силу по подписании, или когда представитель, уполномоченный на обмен или депонирование обязывающих грамот при определенных условиях или с определенными оговорками, превышает свое полномочие, не соблюдая этих условий или не делая этих оговорок при обмене или депонировании соответствующей грамоты.

3) Пункт 1 этой статьи относится к тем случаям, когда у представителя нет никакого полномочия на заключение международного договора. В 1908 году, например, посланник Соединенных Штатов в Румынии подписал две конвенции, не имея на это никаких полномочий²⁴. Что касается одной из этих конвенций, то его правительство не давало ему никаких полномочий вовсе, а что касается другой, то он получил письменные полномочия, создав у своего правительства впечатление, будто собирается подписывать совершенно другой международный договор. Далее, заключенная в Стресе конвенция о наименованиях сыра была подписана в 1951 году определенным делегатом от имени как Норвегии,

так и Швеции, тогда как он, оказалось, имел полномочие только от Норвегии. Фактически в обоих этих случаях международный договор подлежал ратификации, но эти примеры могут служить указанием на то, какого рода положения могут иметь место на практике. Другим случаем, в котором может возникнуть тот же вопрос и с которым гораздо вероятнее можно встретиться на практике, является тот, когда соответствующее должностное лицо имеет полномочие на заключение какого-нибудь определенного международного договора, но выходит за пределы своего полномочия, соглашаясь на неразрешенное расширение или изменение этого договора. В качестве примера можно сослаться на сделанную Персией во время дебатов в Совете Лиги попытку добиться признания недействительным Эрзрумского договора 1847 г. на том основании, что представитель Персии превысил свои полномочия, приняв определенную объяснительную записку при обмене ратификационными грамотами²⁵.

4) В тех случаях, когда никакого полномочия на заключение договора не существует, представляется в принципе ясным, что соответствующему государству должно принадлежать право не признавать действительным совершенный его представителем акт, что и предусмотрено в пункте 1. Вместе с тем, представляется одинаково ясным, что, несмотря на отсутствие у представителя соответствующего полномочия, государство впоследствии может подтвердить его действия и, таким образом, изъявить свое согласие на обязательность для него международного договора. Далее, государство будет признано сделавшим то же самое косвенно, если оно будет ссылаться на постановления договора или иными своими действиями указывать, что считает совершенный его представителем акт действительным.

5) Пункт 2 относится к другой категории случаев, когда представитель имеет полномочие на заключение договора, но это полномочие ограничено определенными инструкциями. Комиссия находит, что для обеспечения прочности международных сделок следует считать за правило, что определенные инструкции, данные государством своему представителю, имеют ограничивающее его полномочие значение для других государств, только если об этих инструкциях было каким-то надлежащим путем сообщено другим государствам до вступления в договор соответствующего государства. О том, что государства действуют именно на основании такого правила, свидетельствует то обстоятельство, что они очень редко пытаются добиваться признания действий своих представителей недействительными, ссылаясь на секретные ограничения полномочий этих представителей. Например, в 1923 году имел место инцидент с подписью венгерского представителя на резолюции Совета Лиги, и венгерское правительство пыталось добиться признания совершенного этим представителем акта недействительным путем толкования письменных полномочий этого представи-

теля, а не путем ссылки на то, что ему были даны определенные инструкции, ограничивающие осуществление этих полномочий. Далее, Совет Лиги очевидно определенно придерживался той точки зрения, что государство не может отказываться признать действительными действия, совершенные его должностным лицом в пределах прав, вытекающих из его письменных полномочий. Поэтому, согласно пункту 2, никакие определенные инструкции не должны отражаться на изъявленном представителем согласия на международный договор, если о них не сообщено другим договаривающимся государствам.

Статья 33

Обман

1. Если какое-либо государство было побуждено к вступлению в международный договор обманом поведением другого договаривающегося государства, оно может ссылаться на то, что его согласие на обязательность для него этого договора является недействительным вследствие обмана.

2. При условиях, указанных в статье 46, ответственное государство может ссылаться на то, что вследствие обмана является недействительным его согласие только на те определенные части договора, к которым этот обман относится.

Комментарий

1) Не зарегистрировано, по-видимому, ни одного случая, когда какое-либо государство настаивало на признании международного договора недействительным или денонсировало международный договор, ссылаясь на то, что его побудил вступить в этот договор обман другой стороны. Ученые упоминают только об одном случае, когда этот вопрос вообще обсуждался. Речь шла о договоре Вебстера-Ашбуртона 1842 г. о северо-восточной границе между Соединенными Штатами и Канадой²⁶. Это был, однако, случай непредъявления Соединенными Штатами важной географической карты при таких обстоятельствах, при которых трудно было сказать, что существовала юридическая обязанность предъявить ее, и Великобритания не утверждала, что непредъявление этой карты было равносильно обману.

2) Ясно, что случаи, когда правительства прибегают к умышленному обману для того, чтобы добиться заключения определенного международного договора, должны быть очень редки, а всякое недобросовестное искажение существенных фактов, вызывающее существенное заблуждение, во всяком случае подпадает под постановления следующей статьи, относящейся к заблуждению. Поэтому некоторые члены Комиссии считали, что нет никакой действи-

тельной необходимости в отдельной статье, которая относилась бы специально к обману, и предпочитали объединить постановления об обмане и заблуждении в одной статье. В конце концов Комиссия нашла, что лучше оставить постановления об обмане и заблуждении в разных статьях. Обман, когда он имеет место, подрывает самый корень соглашения и имеет несколько иное значение, чем ненамеренное искажение фактов или заблуждение. Он не только лишает силы согласие контрагента на условия соответствующего соглашения — он совершенно разрушает самую основу взаимного доверия между сторонами.

3) Комиссия встретила с некоторыми затруднениями при редактировании этой статьи. Понятие обмана известно большинству систем права, но содержание этого понятия не во всех системах одинаково. Так, вряд ли французский термин «dol» имеет точно то же значение, что и английский «fraud», и, во всяком случае, не всегда правильно переносить понятия из гражданского права в международное без всяких изменений. Далее, ввиду отсутствия прецедентов, нельзя найти, ни в практике государств, ни в практике международных судебных учреждений, никаких руководящих указаний на то, какое содержание должно иметь понятие обмана в международном праве. Некоторые члены Комиссии находили, что, при таких обстоятельствах, желательно сделать попытку точно установить признаки обмана в праве международных договоров. Взяла, однако, верх та точка зрения, что лучше изложить, по возможности, в наиболее ясной форме, общую концепцию обмана по праву международных договоров, имея в виду, что точное определение понятия может быть выработано на практике и в решениях международных судебных органов.

4) В этой статье, в той форме, которая ей теперь придана, употреблено английское выражение «fraud» и французское «dol», так как это — наиболее подходящее из существующих на соответствующих языках терминов для обозначения того принципа, к которому эта статья относится. То же можно сказать и о слове «dolo» в испанском тексте статьи. Воспользовавшись этими терминами, Комиссия не имела в виду сказать, что все признаки обозначаемых ими понятий внутригосударственного права обязательно существуют и в праве международном. В этой статье указан тот широкий принцип, который обозначается каждым из этих терминов, а не детали применения этого принципа во внутригосударственном праве. Таким образом, термины, употребленные в каждом из трех текстов, должны были, по замыслу, иметь одинаковое содержание и значение в международном праве. Поэтому-то, для того чтобы обозначить те обстоятельства, которые влекут за собой недействительность согласия по этой статье, Комиссия выбрала выражение, не являющееся специальным юридическим термином и имеющее, в пределах возможного, эквивалентное значение — *fraudulent conduct*,

conduite frauduleuse и conducta fraudulenta. Этими выражениями имелось в виду обозначить всякое ложное заявление, искажение фактов или иные обманные действия, которые побуждают какое-либо государство дать свое согласие на международный договор — согласие, которого это государство, не будь этих обстоятельств, не дало бы.

5) Является, очевидно, общепризнанным, что обман не влечет за собой недействительности договора *ipso facto*, но дает пострадавшей стороне право сослаться, если она желает, на то, что данное ей согласие является недействительным вследствие обмана. В этой статье и изложено соответствующее постановление.

6) Согласно пункту 2 в случаях обмана применяется принцип раздельности постановлений международного договора. Общее постановление относительно этого принципа изложено в статье 46. Комиссия полагала, что в тех случаях, когда обман относится только к определенным постановлениям договора, потерпевшая сторона может, по своему усмотрению, сослаться на то, что вследствие этого обмана недействительно ее согласие либо на весь договор, либо на те определенные постановления, к которым обман относится. Вместе с тем, даже в случаях обмана разделение договора может быть допущено только при условиях, указанных в статье 46, так как было бы нежелательно поддерживать договорные правоотношения на основе урезанного договора, постановления которого применялись бы к различным его участникам очень не одинаково.

Статья 34

Заблуждение

1. Государство может сослаться на то, что его согласие на обязательность для него международного договора является недействительным вследствие заблуждения относительно существования этого договора, если это заблуждение касалось такого обстоятельства или положения вещей, которое это государство считало существовавшим в то время, когда заключался этот договор, и которое было главной причиной его согласия на обязательность для него этого договора.

2. Пункт 1 настоящей статьи не подлежит применению, если соответствующее государство своим собственным поведением способствовало заблуждению или если оно могло его избежать, а также если обстоятельства были таковы, что это государство должно было знать о возможности заблуждения.

3. При условиях, указанных в статье 46, на заблуждение, относившееся только к каким-либо

определенным постановлениям международного договора, можно сослаться как на основание недействительности согласия соответствующего государства в отношении одних только этих постановлений.

4. Если относительно существования международного договора никакого заблуждения не существует, но имеет место ошибка в редакции текста, эта ошибка не затрагивает действительности договора, и в таком случае применяются статьи 26 и 27.

Комментарий

1) Во внутригосударственном праве заблуждение занимает довольно важное место как обстоятельство, вследствие которого исчезает реальность согласия на договор. Однако вряд ли можно себе представить, чтобы некоторые категории известных внутригосударственному праву заблуждений — например, заблуждение в субъекте — могли играть какую-нибудь роль в области международных договоров. Точно так же в некоторых категориях международных договоров и, в особенности, в договорах нормативных, очевидно мало вероятны такие заблуждения в объекте, которые отражались бы на формировании согласия, хотя, вообще говоря, подобные заблуждения и не являются невозможными. Далее, процесс заключения международного договора имеет такой характер, что опасность заблуждения по важным вопросам существования сводится к минимуму. Поэтому такие случаи, когда делались ссылки на относящееся к существу договора заблуждение, отражающееся на действительности договора, были не часты.

2) Почти во всех зарегистрированных случаях речь шла о заблуждениях, относившихся к области географии, и большинство из них относилось к ошибкам в географических картах²⁷. В некоторых случаях затруднения устранялись заключением новых договоров. В других — было признано, что заблуждение отражалось не на действительности, а на применении договора, и вопрос разрешался путем арбитражного разбирательства. Эти примеры подтверждают, что заблуждения могут затрагивать действительность международных договоров или их применение, но не дают ясного руководства, поскольку речь идет о принципе, регулирующем последствия заблуждения в отношении материально-правовой действительности международных договоров.

3) Однако последствия заблуждения обсуждались в Постоянной Палате Международного Правосудия по делу Восточной Гренландии и в Международном Суде — по делу о храме. В первом из этих дел²⁸ Норвегия утверждала, что, когда датский посол просил норвежского министра иностранных дел заявить, что Норвегия не будет возражать против распространения датским правительством своих политиче-

ских и экономических интересов на всю Гренландию, норвежский министр не давал себе отчета в том, что это означало также распространение на всю Гренландию датского режима монополии, и поэтому Норвегия считала, что ее согласие удовлетворить просьбу Дании было недействительно вследствие заблуждения. Суд ограничился указанием на то, что министр иностранных дел дал определенный и безоговорочный ответ. Суд не признал, очевидно, что в данном случае имело место существенное заблуждение. Судья Анцилотти, также считая, что в этом случае не было заблуждения, разъяснил, далее, следующее: «Однако, даже если исходить, на минуту, из предположения, что г-н Илен заблуждался относительно тех результатов, которые может иметь распространение датского суверенитета, то следует признать, что это заблуждение не имело такого характера, чтобы оно могло вызвать недействительность соглашения. Когда делается ссылка на заблуждение, заблуждение должно быть извинительным, а вряд ли кто-нибудь может допустить, что какому-либо правительству не известны юридические последствия расширения суверенитета . . .»²⁹

4) В первой стадии дела о храме³⁰ Суду было указано на то, что, «делая в 1950 году заявление согласно постановлению о признании юрисдикции Суда обязательной, Таиланд исходил из ошибочной точки зрения на значение своего предыдущего заявления 1940 г. и, поэтому, воспользовался теми словами, которые, как было указано в деле Израиля против Болгарии, были недостаточны для того, чтобы повлиять на его заявление о признании юрисдикции Суда в 1950 году. По этому поводу Суд разъяснил следующее: «Всякое подобное заблуждение было бы заблуждением в праве, но, так или иначе, Суд не считает, что в данном деле действительно идет речь о заблуждении. Далее, основное юридическое значение заблуждения, в тех случаях, когда заблуждение существует, заключается в том, что оно может отразиться на реальности согласия, которое считалось имевшим место. Суд не может усмотреть в данном деле никакого такого обстоятельства, которое могло бы, так сказать пост фактум и с обратной силой, отразиться на реальности согласия, поскольку Таиланд признает, что им это согласие было дано, и подтверждает, что он определенно желал дать это согласие». Ссылка на заблуждение была сделана также и во второй стадии процесса, когда дело рассматривалось по существу. Это заблуждение, которое относилось к области географии, имело место при особых, так сказать, обстоятельствах. Никакого заблуждения не существовало при заключении первоначального договора, в котором стороны согласились о том, что в определенном районе границей должна служить линия определенного водораздела. Заблуждение относилось к тому акту, который Суд признал последующим косвенным соглашением об изменении условий этого договора. Таиланд принял географическую карту, которая была добросовестно составлена с целью делимитации гра-

ницы в соответствующем районе, но указанная на ней линия не совпадала с упомянутым водоразделом. Оставив без последствий заявление Таиланда, что принятия им этой географической карты не имело значения вследствие заблуждения, Суд разъяснил следующее: «Согласно установленной норме права ссылка на заблуждение не может служить основанием для признания недействительным какого-либо согласия, если сторона, которая делает эту ссылку своим собственным поведением способствовала заблуждению или могла его избежать, а также если обстоятельства были таковы, что эта сторона должна была знать о возможности заблуждения»³¹.

5) Решения по делу о Восточной Гренландии и по делу о храме проливают свет на вопрос о том, каковы условия, при которых заблуждение не разрушает реальности согласия, а не о том, каковы условия, при которых оно разрушает эту реальность. Единственным дальнейшим руководящим указанием, которое может быть найдено в решениях Суда, является, пожалуй, содержащееся в решении по делу о концессиях Мавроматиса³², но оно относится к концессии, а не к международному договору. В этом решении Суд нашел, что заблуждение относительно обстоятельства, не составляющего условие соглашения, не является достаточным для того, чтобы лишить силы согласие на международный договор, и всеми, очевидно, признается, что, для того чтобы лишить силы такое согласие, заблуждение должно относиться к обстоятельству, которое стороны считают главной причиной их согласия на договор.

6) Комиссия установила, что по некоторым системам права проводится различие между обоюдным заблуждением и односторонним, но не сочла правильным проводить такое различие в международном праве. Поэтому данная статья в такой же мере относится к заблуждению одной лишь стороны, как и к обоюдному заблуждению — заблуждению обеих сторон.

7) В пункте 1 изложена общая норма, согласно которой можно ссылаться на то, что согласие недействительно вследствие заблуждения относительно существа договора, если это заблуждение касается такого обстоятельства или положения вещей, которое считалось существовавшим в то время, когда договор заключался, и которое было главной причиной согласия на договор. Предусматривая требование, чтобы заблуждение касалось «обстоятельства или положения вещей», Комиссия не имела в виду исключить возможность такого заблуждения в праве, которое, при известных обстоятельствах, может делать согласие недействительным. Независимо от того, что заблуждение в праве может относиться к смешанным вопросам права и факта, не всегда легко бывает провести границу между вопросами права и вопросами факта, и можно себе представить такие случаи, когда заблуждение в праве отражается на согласии. Например, могут быть сомнения в том,

*Принуждение, применяемое лично
к представителям государства*

насколько заблуждение относительно районного или местного обычая следует считать заблуждением в праве или заблуждением в факте с точки зрения данной статьи, если принять во внимание высказывания Суда относительно доказывания регионального или местного обычая³³. Опять-таки, ясно, по-видимому, что заблуждение относительно внутригосударственного права должно, с точки зрения права международного, считаться заблуждением в факте.

8) Согласно пункту 1, какое-либо заблуждение может отражаться на значении согласия только в том случае, если это заблуждение является существенным в том смысле, что оно относится к обстоятельству, служившему главной причиной изъявления согласия на соответствующий договор. Далее, даже такое заблуждение не делает международный договор автоматически недействительным, но дает той стороне, согласие которой на договор было вызвано заблуждением, право сослаться на это заблуждение как на основание недействительности ее согласия. Вместе с тем, если соответствующая сторона сослалась на недействительность ее согласия вследствие заблуждения, то в результате считается, что договор был недействителен с самого начала (*ab initio*).

9) Согласно пункту 2, исключение из правила составляют те случаи, когда соответствующая сторона в какой-то мере сама виновата в своем заблуждении. Это исключение изложено в той форме, которой воспользовался Суд в своем решении по делу о храме — в той фразе, которая уже приведена выше — в пункте 4.

10) Согласно пункту 3, в случаях заблуждения применяется принцип раздельности постановлений международных договоров. Комиссия полагала, что нежелательно разрушать весь договор в тех случаях, когда заблуждение относится только к каким-либо определенным постановлениям и когда эти постановления отделены от остальных при условиях, указанных в статье 46. Если принятие соответствующих постановлений не было существенным условием согласия сторон на соответствующий договор в целом, то, по-видимому, юридически правильно и желательно допустить выделение таких постановлений из договора.

11) В пункте 4 затронут, во избежание каких-либо недоразумений, вопрос, которому были посвящены статьи 26 и 27, а именно вопрос не о заблуждениях относительно существа договора, а об ошибках в буквальном содержании текста. В этом пункте просто подчеркнута, что такие ошибки не отражаются на действительности согласия и что они подпадают под постановления статей 26 и 27 об исправлении ошибок в текстах международных договоров.

1. Если представители какого-либо государства принуждаются действиями или угрозами, направленными против них лично, к изъявлению согласия этого государства на обязательность для него какого-либо международного договора, изъявление такого согласия не имеет никакого юридического значения.

2. При условиях, указанных в статье 46, государство, к представителю которого было применено принуждение, может сослаться на то, что вследствие этого принуждения является недействительным его согласие только на те определенные постановления договора, к которым это принуждение относилось.

Комментарий

1) Все, очевидно, согласны с тем, что принуждение или угрозы принуждением представителей, направленные против них лично — другими словами, против них как индивидов, — и имеющие целью заставить их подписать, ратифицировать, акцентовать или подтвердить международный договор, безусловно дают соответствующему государству право сослаться на недействительность этого договора³⁴. В истории было несколько случаев, когда применялось, с целью добиться подписания или ратификации международного договора, принуждение не только к участникам переговоров, но и к членам законодательных учреждений. В Гарвардском проекте к таким случаям отнесены следующие³⁵: в 1773 г. польский сейм был окружен с целью заставить его членов согласиться на договор о разделе; в 1905 г. корейский император и его министры подверглись принуждению с целью добиться от них согласия на договор о защите; в 1915 г. войска Соединенных Штатов окружили гаитянского национальное собрание с целью заставить членов этого собрания ратифицировать определенную конвенцию. Правда, в некоторых случаях нельзя, может быть, провести определенную грань между принуждением главы государства или министра, как средством принуждения самого государства, и таким принуждением, которое направлено против них лично. Например, в 1939 году к президенту Гаха и министру иностранных дел Чехословакии было применено нечто, напоминающее пытку, для того чтобы заставить их подписать договор об учреждении германского протектората над Богемией и Моравией, но, вместе с тем, имели место и серьезные угрозы в отношении государства. Тем не менее, хотя эти две формы принуждения могут иногда применяться вместе, между ними существует

различие с юридической точки зрения. Поэтому Комиссия поместила относящиеся к ним постановления в отдельные статьи.

2) Данная статья относится к принуждению отдельных представителей «лично». Этим словом имеется в виду обозначить любую форму принуждения или угрозы принуждением представителя, относящуюся к нему как к индивиду, а не как к органу его государства. Оно обозначает, таким образом, не только угрозы против его личности, но и угрозы разрушить его карьеру оглашением обстоятельств, указывающих на его неразборчивость в частной жизни, а равно и угрозы причинением вреда члену семьи такого представителя с целью оказать давление на последнего.

3) Комиссия уделила внимание вопросу о том, должно ли принуждение представителя, в отличие от принуждения государства, делать международный договор *ipso facto* ничтожным или же оно должно только давать соответствующему государству право ссылаться на принуждение его представителя как на основание недействительности согласия этого государства на соответствующий договор. Комиссия пришла к выводу, что принуждение представителя государства к заключению международного договора является обстоятельством такой важности, что в этой статье должна быть предусмотрена абсолютная недействительность полученного таким образом согласия на договор.

4) С другой стороны, если принуждение было применено к представителю с целью заставить его согласиться только на определенные постановления договора, и эти постановления отделимы от остальных при условиях, указанных в статье 46, то представляется логичным предоставление потерпевшей стороне права считать, если она желает, что принуждение делает недействительным ее согласие только на одни эти постановления. В противном случае потерпевшая сторона может оказаться вынужденной отказываться от ссылки на принуждение ее представителя, относившееся к одной части договора, для того чтобы не утратить преимуществ, вытекающих из другой части.

Статья 36

Принуждение государства угрозой применения или применением силы

Всякий международный договор, заключение которого было следствием угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций, является ничтожным.

Комментарий

1) Согласно классической доктрине, которая существовала до Пакта Лиги Наций, на действитель-

ности международного договора не отражалось то обстоятельство, что этот договор был следствием угрозы силы или ее применения. Эта доктрина была, однако, просто отражением общего отношения международного права той эпохи к правомерности применения силы при разрешении международных споров. Начиная с Пакта Лиги и Парижского пакта все больший и больший авторитет стало приобретать мнение, согласно которому впредь не следовало признавать действительность таких договоров. Это мнение было подкреплено и консолидировано подтверждением уголовного характера агрессивной войны в статутах союзных военных трибуналов, учрежденных для суда над военными преступниками стран Оси, совершенно определенным запрещением угрозы силой или ее применения, содержащимся в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, и практикой самой Организации Объединенных Наций. Комиссия находит, что указанные обстоятельства дают основание для вывода, что недействительность международного договора, являющегося следствием неправомерной угрозы силой или ее неправомерного применения, есть принцип, составляющий *lex lata* в современном международном праве.

2) Правда, некоторые авторитеты, не оспаривая морального значения этого принципа, колеблются признать его нормой права. Их доводы сводятся к тому, что признание этого принципа как нормы права может открыть возможность уклонений от международных договоров, поощряя необоснованные ссылки на принуждение, и что такая норма будет неэффективна, поскольку угроза или принуждение, вынудившие какое-либо государство вступить в определенный договор, заставят его также и выполнять этот договор, независимо от того, считается этот договор, согласно объективному праву, действительным или недействительным. Хотя и важно, может быть, учитывать эти затруднения, Комиссия находит, что это — затруднения такого рода, что учет их не должен быть причиной исключения из настоящих статей того принципа недействительности, который вытекает из самых основных постановлений Устава, ибо значение Устава в международном договорном праве, так же как и в других отраслях международного права, мы не можем в настоящее время подвергать сомнениям.

3) Если понятие принуждения ограничить угрозой применения силы и применением силы в нарушение принципов Устава (а Комиссия полагает, что его следует ограничить таким образом), то возможность злоупотреблений, под благовидными предложениями, этим основанием недействительности будет очевидно не больше, чем в случаях обмана или заблуждения, или же в случаях требования о прекращении договора ввиду его нарушения или ввиду коренного изменения обстоятельств. Некоторыми членами Комиссии было высказано мнение, что в данной статье следовало указать, что понятие принуждения охватывает любые другие формы давления — например, угрозы удуше-

ния экономики страны. Комиссия, однако, решила определить принуждение как «угрозу силой или ее применение в нарушение принципов Устава» и находит, что вопрос о том, какие именно действия подпадают под это определение, должен быть разрешен на практике при толковании соответствующих постановлений Устава.

4) Далее, если государства и могут иногда иметь вначале успех, достигая той цели, ради которой они прибегают к угрозам силой или к ее применению, то, опять-таки, при теперешних условиях нельзя исходить из предположения, будто не должна иметь ни смысла, ни эффективности норма, согласно которой договор, являющийся следствием применения подобных противоправных средств, считается недействительным. Существование, универсальный характер и эффективное функционирование Организации Объединенных Наций сами по себе обеспечивают необходимую обстановку для применения нормы, изложенной в данной статье.

5) Комиссия находит, что эта норма должна быть изложена по возможности в простой и категорической форме. Поэтому данная статья гласит: «Всякий международный договор, заключение которого было следствием угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава Организации Объединенных Наций, является ничтожным». Изложенные в Уставе принципы относительно угрозы силой или ее применения являются, по мнению Комиссии, нормами общего международного права, имеющими теперь универсальное применение. Поэтому было признано юридически правильным и целесообразным изложить эту статью языком принципов Устава. Вместе с тем Комиссия воспользовалась словами «нарушение принципов Устава», а не «нарушение Устава», для того чтобы не создавать впечатления будто эта статья должна применяться только к членам Организации Объединенных Наций.

6) Комиссия считает, далее, что международный договор, являющийся следствием угрозы силой или ее применения в нарушение принципов Устава, должен считаться ничтожным, а не только оспоримым. Содержащиеся в Уставе запрещения угроз силой или ее применения являются нормами международного права, в соблюдении которых юридически заинтересовано каждое государство. Даже если возможно такое положение, при котором какое-либо государство, освободившись от влияния угрозы силой или ее применения, пожелает выполнять договор, вырванный от него подобными средствами, то, по мнению Комиссии, необходимо считать такой договор ничтожным — недействительным с самого начала. Таким образом соответствующее государство сможет принять решение о сохранении договора, находясь в положении правового равенства в отношении другого государства. Если, поэтому, договор будет оставлен в силе, то будет иметь, в сущности, место заключение нового договора, а не признание действительным договора, добытого средствами, нару-

шающими самые основные принципы Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 37

Международные договоры, противоречащие императивным нормам общего международного права (jus cogens)

Является ничтожным международный договор, противоречащий такой императивной норме общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, имеющей такой же характер.

Комментарий

1) Мнения ученых расходятся по вопросу о том, признает ли международное право существование в его составе норм, имеющих характер *jus cogens*, т.е. таких норм, от которых никаких отступлений не допускается. Некоторые ученые, считая, что действие даже наиболее общих норм международного права все-таки не является универсальным, отрицают, что какую-либо норму было бы правильно считать *jus cogens*, от которого отдельные государства не вправе отступать по соглашению между собой³⁶. Однако, насколько бы международное право все еще ни было несовершенно, труднее и труднее становится обосновать мнение, будто, в конечном счете, не существует такой нормы, от обязанности применять которую государства не могли бы освободить себя посредством договора. В самом деле, существование в международном праве норм, имеющих характер *jus cogens*, предполагается теми нормами Устава, которыми запрещается применение силы³⁷. Поскольку это так, Комиссия находит, что при кодификации права международных договоров ей следует исходить из того положения, что в настоящее время существуют нормы и принципы, от которых государства не вправе отступать посредством договорных соглашений.

2) Не так легко, однако, формулировать соответствующее правило, так как до сих пор не существует никакого общепризнанного критерия, на основании которого можно было бы установить, какие именно общие нормы международного права имеют характер *jus cogens*. Далее, нельзя отрицать, что большинство общих норм международного права не имеет такого характера и что государства могут посредством договоров освобождать себя от обязанности применять их. Общие нормы о дипломатических сношениях, например, требуют, чтобы для дипломатических представителей устанавливался определенный режим, и запрещают совершение в отношении дипломатов определенных действий. Однако эти нормы общего международного права не препятствуют отдельным государствам заключать между собой соглашения об

изменении режима, который должен, на основе взаимности, устанавливаться ими для представителей друг друга. Таким образом, мы зашли бы слишком далеко, если бы сказали, что всякий международный договор, постановления которого противоречат какой-либо норме общего международного права, является ничтожным.

3) Нормы, имеющие характер *jus cogens*, — недавнего происхождения, а международное право находится в процессе быстрого развития. Комиссия считала, что правильно предусмотреть, в общей форме, что международный договор является ничтожным, если он противоречит норме *jus cogens*, с тем, чтобы полное содержание этого правила было разработано в практике государств и международных судебных органов. Некоторые члены Комиссии полагали, что полезно, может быть, указать, для иллюстрации, некоторые наиболее очевидные и лучше всего установившиеся нормы *jus cogens*, для того чтобы выявить на этих примерах общую природу и содержание того правила, которое содержится в данной статье. Были упомянуты следующие примеры: а) договор, направленный на неправомерное применение силы вопреки принципам Устава; б) договор, направленный на совершение какого-либо иного действия, имеющего, согласно международному праву, уголовный характер; в) договор, направленный на совершение каких-либо действий (например, на работорговлю, пиратство или геноцид), в борьбе с которыми каждое государство призвано участвовать, или договор, представляющий собой попустительство в отношении таких действий. Другие члены Комиссии высказали ту точку зрения, что, если привести примеры, создается нежелательное впечатление, будто содержание этой статьи относится только к тем случаям, когда речь идет о действиях, являющихся, согласно международному праву, преступлениями. В качестве возможных других примеров были упомянуты договоры, нарушающие права человека или принцип самоопределения. Однако Комиссия решила не включать никаких примеров норм *jus cogens* по двум соображениям. Во-первых, упоминание некоторых из договоров, являющихся ничтожными вследствие нарушения или нормы *jus cogens*, может, даже при самой тщательной редакции, вызвать неправильное понимание позиции в отношении других договоров, не упоминаемых в этой статье. Во-вторых, если бы Комиссия сделала попытку составить, хотя бы и на основе отбора, перечень таких норм международного права, которые должны считаться имеющими характер *jus cogens*, то ей пришлось бы, может быть, заняться продолжительным изучением вопросов, лежащих за пределами данных статей.

4) Поэтому в этой статье просто предусматривается, что является ничтожным договор, «противоречащий такой императивной норме общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, имеющей такой же характер». Из этого постановле-

ния ясно, что предусматриваемая в данной статье недействительность договора имеет место только в тех случаях, когда норма, которой договор противоречит, является такой императивной нормой общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений даже по соглашению между соответствующими государствами. С другой стороны, было бы определено неправильно считать даже нормы *jus cogens* неприкосновенными и не подлежащими изменениям в свете новых обстоятельств. Ввиду того что всякое изменение какой-либо нормы *jus cogens* теперь будет, вероятнее всего, осуществляться путем включения соответствующего постановления в какой-либо генеральный многосторонний международный договор, Комиссия считала, что из текста данной статьи должно быть ясно, что генеральный многосторонний международный договор, устанавливающий новую норму *jus cogens*, не будет подпадать под эту статью. Для того чтобы не оставалось сомнений по этому поводу, в этой статье норма *jus cogens* определяется как такая императивная норма общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений «и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, имеющей такой же характер».

5) Комиссия рассмотрела вопрос о том, должна ли недействительность, являющаяся результатом применения данной статьи, распространяться на весь договор, или же допустимо отделение противоправных постановлений от остальной части договора при условиях, указанных в статье 46. Некоторые члены Комиссии были того мнения, что нежелательно требовать разрушения всего договора в тех случаях, когда только одна и, при этом, небольшая часть его противоречит норме *jus cogens*. Однако другие члены Комиссии стали на ту точку зрения, что нормы *jus cogens* имеют такое фундаментальное значение, что, если стороны заключают договор, в котором имеются отдельные постановления, противоречащие уже существующей норме *jus cogens*, этот договор должен считаться полностью недействительным. В таком случае стороны могут сами изменить этот договор таким образом, чтобы привести его в соответствие с объективным правом, и, если они этого не делают, объективное право должно применить санкцию недействительности ко всему правоотношению в целом. Эта точка зрения и взяла верх в Комиссии. Данная статья, поэтому, не допускает отделения противоправных постановлений от остальной части договора в случаях, подпадающих под ее постановления.

РАЗДЕЛ III — ПРЕКРАЩЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Статья 38

Прекращение международных договоров в силу их собственных постановлений

1. Международный договор прекращается в силу одного из своих постановлений:

а) по наступлении указанного в этом договоре срока или по истечении указанного в нем периода времени,

б) по наступлении указанного в этом договоре отменительного условия,

с) по наступлении любого другого события, которое, согласно этому договору, влечет за собой его прекращение.

2. Если какой-либо участник двустороннего международного договора денонсирует этот договор согласно его постановлениям, этот договор прекращается в день вступления в силу денонсации.

3. а) Если какой-либо участник многостороннего международного договора денонсирует этот договор или откажется от него согласно его постановлениям, этот договор перестает применяться к этому участнику со дня вступления в силу денонсации или отказа.

б) Многосторонний международный договор прекращается, если число его участников сокращается ниже минимума, установленного в этом договоре для сохранения его силы. Такой договор не прекращается, однако, вследствие одного того обстоятельства, что число его участников оказывается меньше минимума, установленного в нем для вступления его в силу.

Комментарий

1) В большинстве новейших международных договоров содержатся постановления, в которых либо указывается срок или день прекращения договора или же условие или событие, по наступлении которого договор прекращается, либо предусматривается право денонсировать договор или отказаться от договора. В этих случаях прекращение международного договора наступает в силу постановлений самого этого договора, и вопрос о том, как и когда это происходит, является, в сущности, вопросом толкования и применения договора. В данной статье изложены основные нормы, регулирующие прекращение международных договоров в силу применения их собственных постановлений.

2) Соответствующие постановления договоров весьма различны³⁸. Во многих договорах предусматривается, что они остаются в силе в течение определенного числа лет или до наступления определенного срока или события. В других предусматривается прекращение договора при наступлении отменительного условия. В различных договорах устанавливаются определенные периоды времени весьма различной продолжительности. Периоды от одного года до двенадцати лет — обычное явление. Однако иногда встречаются более продолжительные периоды — до двадцати, пятидесяти и даже девяноста

десяти лет. Более обычны в современной договорной практике международные договоры, в которых указывается довольно краткий первоначальный период их существования (например, пять или десять лет), но предусматривается сохранение ими силы после истечения этого периода, когда возникает право денонсации договора или отказа от него. Соответствующие постановления обычно имеют форму либо указания на сохранение силы договора на определенное время и предоставления права денонсации договора с предупреждением за шесть или двенадцать месяцев, либо возобновления договора на последовательные новые сроки в несколько лет с предоставлением участникам права денонсации или отказа, при условии предупреждения за шесть месяцев до истечения каждого такого срока. В некоторых договорах не указывается никакого срока, а просто предусматривается право денонсировать договор или отказаться от договора с обязательным предупреждением или без такового. Иногда договор, в котором указан один определенный срок его продолжительности — например, пять или десять лет, — предусматривает право денонсации или отказа даже в течение этого срока.

3) В пункте 1 изложены нормы, регулирующие время прекращения договора в силу применения различных категорий постановлений о прекращении, встречающихся в международных договорах. Некоторые члены Комиссии полагали, что эти нормы очевидны и что нет необходимости приводить их. Однако Комиссия нашла, что, хотя эти нормы и вытекают из соответствующих постановлений договоров, они имеют регулятивный характер, и, поэтому, им следует отвести место в кодификационной конвенции. Некоторые члены Комиссии полагали, что содержащиеся в подпункте с слова «по наступлении любого другого события» имеют то же значение, что и употребленные перед этим слова «по наступлении. . . отменительного условия». Поскольку, однако, постановления, предусматривающие прекращающее договор «событие», не всегда имеют форму условия, было признано, что лучше включить подпункт с, как гарантию против ссылок на то, что какие-либо случаи не были предусмотрены.

4) В пунктах 2 и 3 предусматриваются те случаи, когда договор прекращается в силу применения постановления, предусматривающего право его денонсировать или отказаться от него. Если это — только один из конкретных случаев прекращения договора вследствие наступления отменительного условия, то этот случай имеет особое значение по двум соображениям. Во-первых, это — условие, по наступлении которого договор прекращается по воле отдельного участника. Во-вторых, соответствующее постановление является чрезвычайно обычным в многосторонних договорах. Совершенно ясно, что денонсация двустороннего договора прекращает самый договор, как и предусмотрено в пункте 2. Вместе с тем, денонсация многостороннего договора

одним из его участников или отказ одного из участников от такого договора нормально не прекращает этого договора. В результате просто прекращается применение такого договора к соответствующему участнику. Эта общая норма изложена в подпункте а пункта 3.

5) В некоторых случаях многосторонний договор, который может быть денонсирован или от которого можно отказаться, предусматривает прекращение самого этого договора, если в результате денонсации или отказа число участников сокращается ниже определенного числа. Например, Конвенция о политических правах женщин³⁹ предусматривает, что действие ее «прекращается со дня вступления в силу денонсации, после которой число сторон в Конвенции оказывается меньше шести». В некоторых случаях минимальное число остающихся участников, необходимое для сохранения договора, еще ниже — например, пять для Таможенной конвенции о временном ввозе коммерческих перевозочных средств⁴⁰ и три для Конвенции об обмере и регистрации судов, обслуживающих внутреннее судоходство⁴¹. В других, пожалуй менее распространенных, случаях для сохранения силы договора требуется большее число. Совершенно ясно, что такого рода постановлениями устанавливаются, в действительности, отменительные условия, и, как указано в подпункте б пункта 3, договор прекращается, когда число его участников сокращается ниже установленного минимума.

6) Возникает другой вопрос — утрачивает ли автоматически силу многосторонний договор, вступление которого в силу было поставлено в зависимость от ратификации, акцепта и т.д. по крайней мере определенным числом государств, если впоследствии число участников становится меньше этого минимума в результате денонсаций или отказов от договора. Более правильным, думается, является мнение⁴², согласно которому сокращение числа участников ниже того минимума, который был предусмотрен для вступления договора в силу, не обязательно имеет такой результат. Соответствующие постановления договора относятся исключительно к условиям вступления его в силу, и, если участвующие в переговорах государства желают, чтобы минимальное число участников, устанавливаемое для этой цели, оставалось постоянным условием сохранения договором силы, то для них легко и естественно предусмотреть это. Правда, в некоторых случаях договор, устанавливающий низкий минимум для своего вступления в силу, устанавливает тот же минимум и для прекращения договора. Однако не существует соответствующей общей практики, и показательно, очевидно, то, что в тех случаях, когда устанавливается более высокий минимум — например, в десять или двадцать участников — подобные условия не являются обычным явлением. Так или иначе, если число участников, необходимое для вступления договора в силу, так велико, то очевидно нежелательно, чтобы действие договора прекращалось вследствие сокраще-

ния числа участников ниже этого числа. Если остающиеся участники не желают сохранять договор в силе при сократившемся числе участников, они сами могут прекратить его, совместно или раздельно, осуществив свое право денонсировать этот договор или отказаться от него. Поэтому в подпункте б пункта 3 предусмотрено, далее, что договор не прекращается «вследствие одного того обстоятельства», что число его участников оказывается ниже минимума, установленного для вступления его в силу.

Статья 39

Международные договоры, не содержащие постановлений относительно их прекращения

Международный договор, не содержащий постановлений относительно его прекращения и не предусматривающий ни денонсации, ни отказа от него, не допускает ни денонсации, ни отказа, если из характера этого договора и обстоятельств его заключения или из заявлений его участников не вытекает, что его участники желали допустить возможность денонсации или отказа. В этом последнем случае любой участник договора может его денонсировать или отказаться от него, уведомив об этом других участников или депозитария не менее, чем за двенадцать месяцев.

Комментарий

1) Статья 39 относится к прекращению тех международных договоров, которые не содержат никаких постановлений о сроке их или об их прекращении и не упоминают ни о каком праве их участников денонсировать договор или отказаться от него. Подобные договоры не составляют необычного явления. Недавними примерами являются Устав Организации Объединенных Наций, четыре Женевские конвенции по морскому праву и Венская конвенция о дипломатических сношениях. Речь идет о том, следует ли считать, что подобный договор может быть прекращен только по общему согласию, или что отдельные его участники должны, при каких-либо условиях, считаться косвенно наделенными правом отказаться от этого договора, сделав об этом надлежащее уведомление.

2) В принципе ответ на этот вопрос должен зависеть от намерения сторон в каждом данном случае, и самый характер некоторых договоров исключает возможность предположения, что договаривающиеся государства имели в виду допустить одностороннюю денонсацию или односторонний отказ от этих договоров по желанию отдельного участника. Примерами таких договоров могут служить мирные договоры и договоры об определении границ. Многие договоры не принадлежат, однако, к той категории, относительно которой может быть сказано, что допущение одностороннего права денонсации или отказа про-

тиворечит характеру договоров, так как согласно обычной теперь практике, относящейся к большинству различных категорий международных договоров, либо устанавливается сравнительно краткий срок существования договора, либо предусматривается возможность прекращения договора или отказа от него. Несомненно возможна точка зрения, согласно которой, поскольку участники договоров во многих случаях прямо предусматривают одностороннее право денонсации или отказа, их молчание по этому вопросу в других случаях следует истолковывать как исключающее возможность такого права. Некоторые авторы⁴³, исходя из Лондонской декларации 1871 года и известной практики государств, придерживаются того мнения, что отдельный участник договора может денонсировать этот договор или отказаться от него только в том случае, если такая денонсация или такой отказ предусмотрены в самом договоре или если на них согласились все другие участники. Однако Лондонская декларация и соответствующая практика государств относятся к мирным договорам и таким другим договорам, которыми имеется в виду длительное урегулирование территориальных вопросов — другими словами, к таким договорам, самый характер которых исключает возможность намерения сторон установить право односторонней денонсации или одностороннего отказа от договора. Что касается многих других категорий договоров, то распространенность практики, согласно которой допускается их денонсация или отказ от них, указывает на то, что из простого молчания сторон по этому вопросу рискованно было бы делать вывод, будто они обязательно желали исключить всякую возможность денонсации или отказа. По этой причине многие другие авторы⁴⁴ придерживаются того мнения, что существование права денонсации или отказа может в ясно выраженной форме содержаться в определенных категориях договоров и, в особенности, в договорах торговых и союзных.

3) Насколько трудна эта проблема, прекрасно можно судить по тому, как обсуждался на Женевской конференции по морскому праву вопрос о включении постановлений о денонсации в четыре конвенции, которые разрабатывались на этой конференции⁴⁵. Ни в одной из этих конвенций постановлений о денонсации не содержится. В них предусматривается только, что по истечении пяти лет, считая со дня вступления их в силу, любой участник может в любое время потребовать пересмотра соответствующей конвенции, а Генеральная Ассамблея должна решить, следует ли и какие, если следует, принять меры в связи с таким требованием. Редакционный комитет, представляя свой проект постановления о пересмотре, указал на то, что включение такого постановления «делает излишним какое-либо постановление о денонсации». До этого были внесены предложения о включении постановления о денонсации, и эти предложения были возобновлены на пленарном за-

седании, несмотря на мнение, высказанное редакционным комитетом. Некоторые делегаты считали допущение денонсаций совершенно несоответствующим самой природе конвенций, кодифицирующих существующее право. Другие считали, что право денонсации все равно существует на основании обычного права. Третьи находили, что желательно прямо предусмотреть денонсацию, для того чтобы учесть таким образом, возможность изменения обстоятельств. Предложение о включении такого постановления в «кодификационные» конвенции было отклонено 32 голосами против 12, при 23 воздержавшихся. Подобное же предложение было внесено в связи с Конвенцией о рыболовстве и охране ресурсов, в которой излагались совершенно новые нормы права. В этом случае противники указанного постановления утверждали, что праву денонсации не должно быть места в конвенции, которой устанавливаются новые нормы права и которая является результатом переговоров. Сторонники же этого постановления находили, что именно ввиду того обстоятельства, что этой конвенцией создаются новые нормы права, оправдывается и даже необходимо включение права денонсации. Это предложение было, в свою очередь, отклонено 25 голосами против 6, причем воздержалось 35 делегатов. Как уже сказано, никаких постановлений о денонсации в эти конвенции включено не было, а на состоявшихся после этого Венских конференциях по дипломатическим и консульским отношениям решение о невключении такого постановления в конвенции по этим вопросам было принято без обсуждения. Однако всякое искушение сделать из происшедшего на этих конференциях общий вывод относительно намерения сторон, касающегося денонсации «нормативных» международных договоров, обескураживается тем, что в других конвенциях — например, в Конвенции о геноциде и в Женевских конвенциях 1949 года об обращении с военнопленными и об улучшении участи раненых и больных и т.д. — право денонсации прямо предусмотрено.

4) В Комиссии было указано на то, что для обеспечения прочности международного договора, отсутствие в таком договоре каких-либо постановлений должно всегда истолковываться как исключающее всякое право на одностороннюю денонсацию или отказ от договора без согласия другой стороны. Вместе с тем, некоторые члены Комиссии полагали, что, поскольку это касается договоров некоторых категорий — например, союзных договоров, — существует обратная презумпция намерения сторон, в силу которой право денонсации или отказа после надлежащего предупреждения должно предполагаться, если нет указаний на противоположное намерение. Некоторые другие члены Комиссии стали на ту точку зрения, что, хотя отсутствие в договоре постановления о денонсации или об отказе не исключает возможности предполагать, что право денонсации или отказа существует, о существовании

такого права нельзя делать вывод из одного только характера договора. По мнению этих членов Комиссии, вопрос о намерении сторон является, в сущности, вопросом факта, который должен разрешаться не только на основании характера договора, но на основании всех обстоятельств дела. Эта точка зрения взяла верх в Комиссии и вошла в статью 39.

5) В этой статье указано, что договор, не предусматривающий ни прекращения его, ни денонсации его или отказа от него, не допускает ни денонсации, ни отказа, если «из характера этого договора и обстоятельств его заключения или заявлений его участников не вытекает, что его участники желали допустить возможность денонсации или отказа». Согласно этой норме, характер договора — это не единственный элемент, который должен приниматься во внимание, и право денонсации или отказа не должно предполагаться, если из всех обстоятельств дела, включая заявления участников договора, не вытекает, что участники договора желали допустить возможность односторонней денонсации или одностороннего отказа. Заявления одного из участников конечно не достаточно для установления указанного намерения, если нельзя сделать вывода, что с ним прямо или молчаливо согласились другие участники. Следует добавить, что выражением «заявления его участников» Комиссия имела в виду обозначить не только заявления, образующие часть подготовительных материалов (*travaux préparatoires*), но и последующие заявления, выявляющие договоренность сторон относительно возможности денонсировать договор или отказаться от него. Другими словами, имелось в виду толкование договора на основании «последующего поведения», так же как и на основании подготовительных материалов.

6) Для уведомления предусмотрен двенадцатимесячный срок. Можно было бы просто сказать «надлежащее» уведомление. Однако, поскольку целью этой статьи является разъяснение того положения вещей, которое создается вследствие неурегулирования сторонами в самом договоре вопроса о прекращении договора, Комиссия нашла, что лучше предложить для уведомления какой-то определенный срок. В постановлениях договоров об их прекращении иногда можно встретить шестимесячный срок, но это обычно имеет место в тех случаях, когда договор принадлежит к категории возобновимых и может быть денонсирован путем уведомления даже до наступления срока возобновления. В тех случаях, когда договор заключен на неопределенное время, но может быть денонсирован, чаще предусматривается двенадцатимесячный срок для уведомления, хотя нельзя отрицать и того, что иногда не устанавливается никакого срока. Комиссия нашла, что при установлении общей нормы желательно предусмотреть более продолжительный, а не более краткий срок, для того чтобы обеспечить достаточную защиту другим участникам договора.

Прекращение или приостановление действия международных договоров соглашением

1. Международный договор может быть прекращен в любое время соглашением всех его участников. Такое соглашение может быть изложено

- а) в каком-либо акте, составленном в такой форме, какую решат придать ему участники,
- б) в уведомлениях, направляемых участниками депозитарию или друг другу.

2. Для прекращения многостороннего международного договора требуется, если в самом этом договоре не предусматривается иное, не только соглашение всех его участников, но и соглашение не менее двух третей всех государств, составивших этот договор. Однако по истечении . . . лет необходимо только соглашение участвующих в договоре государств.

3. Предшествующие пункты применяются также и к приостановлению действия международных договоров.

Комментарий

1) Прекращение международного договора или приостановление его действия соглашением представляет собой процесс, неизбежно включающий заключение, в той или иной форме, нового «международного договора». С точки зрения международного права, международным договором является, как указано в статье 1 выработанного Комиссией проекта статей, любое международное соглашение в письменной форме, независимо от того, изложено оно в одном документе или в двух или нескольких связанных между собой документах и какое ему присвоено наименование. Правда, иногда высказывалась та точка зрения, что соглашение о прекращении какого-либо уже существующего международного договора должно либо быть облечено в ту же форму, в которую был облечен прекращаемый им договор, либо по крайней мере быть международным договором «одинакового веса». Эта точка зрения, однако, отражает конституционную практику определенных государств⁴⁶, а не общую норму международного права. Сами заинтересованные государства всегда решают, каким документом или порядком воспользоваться для прекращения международного договора, учитывая, несомненно, требования своих собственных конституций. Что же касается международного права, то согласно этому праву необходимо только, чтобы участвующие в договоре государства заключили соглашение о прекращении этого договора, и безразлично, будет ли это соглашение изложено в формальном документе или

документах или же будет иметь характер «международного договора упрощенной формы».

2) Поэтому в пункте 1 статьи 40 предусматривается, что международный договор может быть прекращен в любое время соглашением всех его участников, и что такое соглашение может быть изложено в любой форме, которую решат придать ему участники. В этом пункте, далее, подчеркивается, что такое соглашение может быть изложено в уведомлениях, направляемых участниками депозитарию или друг другу. Несомненно, в некоторых случаях участники могут считать желательным воспользоваться каким-либо формальным актом. В других — они могут считать, что достаточно изъяснить согласие дипломатическим путем или, когда речь идет о многосторонних договорах, путем уведомлений, совершаемых через посредство депозитария. Что касается этой последней процедуры, то в новейшей практике уведомления через депозитарию — нормальный способ получения согласия заинтересованных государств по вопросам, касающимся «заключительных постановлений» международных договоров. Это, по-видимому, — удобный порядок осуществления прекращения международного договора соглашением в упрощенной форме.

3) В пункте 1, как уже указано, предусматривается, что для прекращения международного договора соглашением необходимо согласие всех участников договора. Каждый участник договора приобретает право на самый договор, и не может быть лишен этого права каким-либо последующим договором, в котором он не участвует и на который он не давал своего согласия. Применение этой нормы к многосторонним договорам легко может иметь своим результатом довольно сложные ситуации, так как весьма возможно, что некоторые участники первоначального договора не будут участвовать в соглашении о прекращении этого договора. В таком случае может возникнуть вопрос о том, можно ли считать, что первоначальный договор прекращается, поскольку это касается отношений между участниками нового договора, но сохраняет силу в других отношениях. Этот вопрос более подробно обсуждается в комментарии к следующей статье. Здесь же достаточно указать на то, что, каковы бы ни были затруднения, прочно установилась норма международного права, по которой согласие каждого участника в принципе необходимо для прекращения любого международного договора, двустороннего или многостороннего. Именно эта норма закрепляется в первой фразе пункта 1 настоящей статьи.

4) Пункт 2 относится к вопросу о том, достаточно ли для прекращения многостороннего договора одного согласия всех его участников, или следует также принимать во внимание интересы других государств, которые все еще вправе вступить, согласно условиям такого договора, в число его участников. Некоторые члены Комиссии были склон-

ны думать, что если какое-либо государство не проявило к соответствующему договору интереса, достаточного для того, чтобы заставить это государство принять необходимые меры для вступления в число участников этого договора до того времени, когда наступило время обсудить вопрос о прекращении этого договора, то нет смысла ставить прекращение этого договора в зависимость от согласия этого государства. Однако было указано на то, что очень многие многосторонние конвенции и, в особенности, те, которые имеют технический характер, предусматривают очень небольшое число ратификаций и акцептов для своего вступления в силу, и что вряд ли правильно, чтобы те два или три государства, которые первыми депонировали ратификационные грамоты или грамоты об акцепте, имели власть прекратить договор, не считаясь с желаниями других государств, составлявших этот договор. Было, далее, указано на то, что при разработке статьи 9, касающейся открытия договора для вступления в него еще не участвующих в нем государств, Комиссия нашла, что необходимо, чтобы все составлявшие договор государства имели голос при разрешении соответствующего вопроса в течение определенного периода времени. Комиссия решила, что ей следует придерживаться той же позиции и в данной статье. Поэтому в пункте 2 предусматривается, что до истечения . . . лет требуется не только согласие фактических участников, но и тех государств, которые составили договор. Так же как и в отношении статьи 9, Комиссия предпочитает не предлагать, до получения замечаний правительств по этому вопросу, никакого определенного срока, в течение которого это постановление должно было бы применяться.

5) В пункте 3 предусматривается, что нормы, изложенные в этой статье, применяются равным образом и к приостановлению действия международных договоров.

Статья 41

Прекращение международного договора, косвенно вытекающее из факта заключения нового международного договора

1. Международный договор считается косвенно прекращенным, в целом или в части, если все его участники, вместе с какими-либо другими государствами или без других государств, заключают новый международный договор, относящийся к тому же предмету, и/или

а) эти участники указывают, что они желают, чтобы этот предмет регулировался в дальнейшем этим новым договором, или

б) постановления нового договора настолько противоречат постановлениям предыдущего, что

эти два договора не могут применяться одновременно.

2. Однако предыдущий договор не считается прекращенным, если из обстоятельства вытекает, что новым договором имелось в виду только приостановить действие этого предыдущего договора.

Комментарий

1) Предшествующая статья относится к тем случаям, когда участники международного договора заключают новое соглашение с определенной целью прекращения этого договора. Данная же статья относится к тем случаям, когда участники, прямо не прекращая и не изменяя первого договора, заключают другой, настолько противоречащий первому, что можно считать, что они желали отменить первый. Если в обоих договорах участвуют одни и те же стороны, то не может быть никаких сомнений в том, что, заключая второй договор, они вправе отменить первый, так как именно такова сущность нормы, содержащейся в предшествующей статье. Даже в том случае, когда в этих двух договорах участвуют не одни и те же стороны, положение определено таково же, если в число участников второго договора входят все участники первого, так как то, что участники первого договора вправе сделать вместе, они вправе сделать и совместно с другими государствами. Единственный вопрос, таким образом, заключается в том, можно ли и, если можно, при каких условиях считать, что заключение нового договора, противоречащего старому, может считаться косвенно прекратившим старый.

2) Этот вопрос является, в сущности, вопросом толкования обоих договоров с целью установить, в какой мере они противоречат друг другу, и каковы намерения их участников, поскольку речь идет о сохранении силы старого договора. Некоторые члены Комиссии считали, что, по этой причине, данного вопроса не следовало касаться в настоящем докладе, как вопроса о прекращении договоров, и надо было отложить его рассмотрение до следующей сессии, когда специальный докладчик представит проект статей о применении международных договоров. Было, однако, указано на то, что, даже если и верно, что в этих случаях возникает предварительный вопрос толкования, все-таки необходимо определить условия, при которых толкование может приводить к выводу, что договор был прекращен. Комиссия приняла временное подлежащее пересмотру на ее следующей сессии решение оставить статью 41 на ее теперешнем месте — среди статей, относящихся к «прекращению» международных договоров.

3) Поэтому целью пункта 1 является указать те условия, при которых участники договора должны считаться желавшими прекратить его заключением нового договора, который ему противоречит. В осно-

ву текста обоих постановлений пункта 1 положена формулировка, которой судья Анцилотти воспользовался в своем отдельном мнении по делу Софийской электрической компании⁴⁷, сказав:

«Здесь не было прямой отмены договора. Однако все согласны в том, что помимо прямой отмены существует также отмена косвенная, являющаяся результатом того обстоятельства, что новые постановления противоречат старым или что весь предмет, являющийся объектом последних, регулируется на будущее время новыми постановлениями».

Правда, упомянутое дело относилось к возможному конфликту между односторонними заявлениями согласно факультативной клаузуле и международным договором, и сам Суд не согласился с мнением судьи Анцилотти, согласно которому между этими двумя актами были противоречия. Тем не менее, те два критерия, которые были предложены судьей Анцилотти для ответа на вопрос, имела ли место косвенная отмена, представляются Комиссии указывающими на самое существо проблемы.

4) В пункте 2 просто предусматривается, что старый договор не считается прекращенным, если из обстоятельств вытекает, что новым договором имелось в виду только приостановить действие этого старого договора. Правда, судья Анцилотти в своем упомянутом отдельном мнении указал, что заявления, сделанные на основании факультативной клаузулы, хотя они, по его мнению, и противоречили старому договору, не отменили его в виду того обстоятельства, что этот договор был заключен на неопределенное время, тогда как указанные заявления были ограничены определенными сроками. Нельзя, однако, сказать, чтобы существовал общий принцип, согласно которому последующий договор, заключенный на определенный срок, не отменяет предыдущего, в котором прямо предусматривается, что он заключен на более продолжительный срок или на неопределенное время. Все зависит полностью от намерения государств при заключении второго договора, и очень вероятно, что в большинстве случаев их намерение бывает направлено на прекращение, а не на приостановление действия старого договора.

5) Комиссия рассмотрела вопрос о том, следовало ли ей добавить еще один пункт, относящийся к проблеме прекращения договора, поскольку это касается отношений между некоторыми из его участников, в тех случаях, когда одни только эти участники вступают в новый договор, который противоречит их обязательствам по старому. В подобных случаях участники старого договора, как подчеркнуто в пункте 3 комментария к предшествующей статье, не могут быть лишены принадлежащих им по этому договору прав без их на то согласия, и таким образом, согласно объективному праву, новый договор, заключенный даже большинством участ-

ников старого, не может считаться прекратившим старый вовсе. Возникает, однако, вопрос о том, прекращается ли такой старый договор, поскольку это касается отношений между теми его участниками, которые вступают в новый договор. Этот вопрос так тесно связан с проблемой применения договоров, что, по мотивам, указанным во введении к настоящим статьям, Комиссия решила отложить рассмотрение его до следующей сессии, когда она приступит к проблеме применения договоров.

Статья 42

Прекращение или приостановление действия международного договора вследствие его нарушения

1. Существенное нарушение двустороннего международного договора одним из его участников дает право другому сослаться на это нарушение как на основание для прекращения этого договора или приостановления его действия, в целом или в части.

2. Существенное нарушение многостороннего международного договора одним из его участников дает право

а) любому другому участнику сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия этого договора, в целом или в части, поскольку это касается отношений между этим участником и нарушившим договор государством,

б) другим участникам, по общему соглашению, либо

1) применить к нарушившему договор государству постановление подпункта а настоящего пункта о приостановлении, либо

2) прекратить этот договор или приостановить его действие, в целом или в части.

3) В настоящей статье под существенным нарушением международного договора одним из его участников понимается

а) неосновательный отказ от договора или

б) нарушение такого его постановления, которое является существенным для эффективного осуществления какой-либо из задач или целей договора.

4. На право сослаться на существенное нарушение как на основание для прекращения или приостановления действия только части международного договора, предусмотряемое в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, распространяются условия, указанные в статье 46.

5. Предшествующие пункты применяются, только поскольку они не противоречат поста-

новлениям соответствующего международного договора или какого-либо имеющего к нему отношение акта, регулирующего права участников в случае нарушения.

Комментарий

1) Огромное большинство ученых⁴⁸ признает, что нарушение международного договора одним из его участников дает другому участнику право отменить этот договор или приостановить исполнение своих собственных обязательств по этому договору. Нарушение обязательства по международному договору, так же как и нарушение любого другого обязательства, дает основание для возникновения у другой стороны права прибегнуть к репрессалиям без применения силы, и эти репрессалии могут должным образом относиться к правам, принадлежащим на основании этого договора нарушившей договор стороне. Мнения расходятся, однако, относительно пределов права отменить договор и условий, при которых это право может осуществляться. Некоторые ученые⁴⁹, ввиду отсутствия эффективного международного аппарата для обеспечения соблюдения международных договоров, подчеркивают необходимость для невинной стороны иметь такое право как санкцию за нарушение договора. Эти ученые склонны придавать указанному праву безоговорочный характер, считая, что невинная сторона вообще может отменить международный договор в случае его нарушения⁵⁰. Другие ученые придают больше значения возможности ссылок государств на крайне незначительные или даже несуществующие нарушения договоров просто для того, чтобы найти предлог для денонсации договоров, которые они находят в соответствующий момент для себя обременительными⁵¹. Эти ученые склонны ограничивать право денонсации случаями «существенных» или «фундаментальных» нарушений и ставить осуществление этого права в зависимость от известных процедурных условий⁵².

2) Практика государств, хотя такая практика и существует⁵³, мало помогает определить действительные границы этого права или соответствующие условия для его осуществления. Во многих случаях денонсирующее договор государство решает покончить с договором по совершенно другим причинам и, утверждая, что договор был нарушен, желает главным образом оправдать свои действия, а потому не склонно вступать в обсуждение соответствующих правовых принципов. Другая сторона обычно оспаривает денонсацию, ссылаясь на определенные факты, и, если иногда кажется, что формулировки, которыми она пользуется, означают отрицание ею возможности односторонней денонсации вообще, то на самом-то деле имеет, очевидно, место скорее протест против односторонних и произвольных утверждений денонсирующего государства, чем отрицание права денонсировать договор даже в тех случаях, когда уста-

новлены серьезные нарушения его. Таким образом, государства, которые в одном случае утверждают, как кажется, что денонсация международного договора всегда является неправомерной при отсутствии соглашения, в других случаях сами претендуют на право денонсировать договор ввиду нарушения его другим участником.

3) Внутригосударственные суды нередко в своих высказываниях признавали принцип, согласно которому нарушение международного договора может давать невинной стороне право его денонсировать. Однако такие высказывания этих судов почти всегда относились к тем случаям, когда их правительства фактически не прибегали к денонсации международных договоров, и эти суды не считали необходимым глубже исследовать условия применения этого принципа⁵⁴.

4) Международная судебная практика мало способствует разрешению этого вопроса. В деле об отводе воды из реки Маас⁵⁵, Бельгия утверждала, что, возведя определенные сооружения вопреки условиям договора 1863 года, Голландия отказалась от права ссылаться на этот договор в своих отношениях с Бельгией. Бельгия не собиралась денонсировать этот договор, но ссылалась, защищаясь против претензии Голландии, на право приостановить действие одного из постановлений этого договора вследствие имевшего, как она утверждала, места нарушения этого постановления Голландией, хотя и основывала эту ссылку скорее на принципе *inadimplenti non est adimplendum*. Суд, признав, что Голландия не нарушала договора, не высказался по поводу утверждения Бельгии. Однако судья Анцелотти высказал, в своем особом мнении⁵⁶, ту точку зрения, что принцип, который был положен в основу утверждения Бельгии, «настолько правилен, настолько справедлив, настолько всеми признан, что должен применяться также и в международных отношениях». Единственным другим решением, которое имеет, по-видимому, значение в данном случае, является арбитражное решение по делу Такна Арика⁵⁷. В этом деле Перу утверждало, что, воспрепятствовав исполнению статьи 3 Анконского договора, предусматривавшей производство, при известных условиях, плембисита в спорном районе, Чили освободило Перу от обязательств по этому договору. По рассмотрении доказательств арбитр⁵⁸ оставил перуанское утверждение без последствий, указав на следующее:

«Совершенно очевидно, что если злоупотребления администрации могли иметь следствием прекращение подобного соглашения, то было бы необходимо установить, что в результате административного правонарушения создались такие трудные условия, которые сделали невозможным достижение цели этого соглашения, а по мнению арбитра наличие столь серьезного положения доказано не было».

Это мнение основано очевидно на предположении, что

только «фундаментальное» нарушение со стороны Чили статьи 3 могло дать Перу основание утверждать, что оно освобождено от вытекающих из этой статьи обязательств.

5) Комиссия нашла, что нарушение международного договора, каким бы серьезным такое нарушение ни было, не прекращает такого договора *ipso facto*, и что государство не вправе просто сослаться на нарушение такого договора и объявить этот договор прекращенным. Вместе с тем, Комиссия считала, что, в известных пределах и при наличии известных гарантий, право участника Международного договора сослаться на его нарушение как на основание для его прекращения или для приостановления его действия, должно быть признано. Некоторые члены Комиссии полагали, что, ввиду возможности злоупотреблений, Комиссии опасно подтверждать подобное право, если осуществление его не поставлено под определенный контроль в результате обязательности обращения в Международный Суд. Другие члены Комиссии, соглашаясь с тем, что важно предусмотреть надлежащие гарантии против произвольных денонсаций международных договоров со ссылками на имевшие якобы место нарушения, указывали на то, что вопрос об обеспечении гарантий против произвольных действий есть вопрос общего характера, который относится к различным статьям, и что этот вопрос должен трактоваться в статье 51. Вместе с тем, они указывали на те затруднения, которые стоят на пути к осуществлению всякого предложения о включении в генеральную конвенцию постановления об обязательной юрисдикции. Комиссия решила указать в данной статье существенные условия, при которых международный договор может быть прекращен или действие его может быть приостановлено вследствие его нарушения, и разрешить вопрос о процедурных гарантиях в статье 51. Некоторые члены Комиссии, поддерживая это решение, подчеркнули, что, по их мнению, данная статья будет приемлема только в том случае, если в статье 51 будут предусмотрены процедурные гарантии.

6) Поэтому в пункте 1 предусматривается, что «существенное» нарушение двустороннего договора одним из его участников дает другому участнику право ссылаться на это нарушение как на основание для прекращения этого договора или для приостановления его действия, в целом или в части. Формулой «ссылаться... как на основание» имеется в виду подчеркнуть, что возникающее на основании этой статьи право не является правом произвольно объявить договор прекратившимся. Если другой участник договора оспаривает существование нарушения или «существенный» характер этого нарушения, то между сторонами возникает «разногласие», к которому относятся обычные, лежащие на сторонах согласно Уставу и общему международному праву обязательства, стараться разрешать вопросы мирными средствами. Комиссия полагает, что в случае существенного нарушения договора другой участник

его может прекратить договор или приостановит его действие, в целом или в части. Право на эту меру возникает, согласно праву международных договоров, независимо от какого-либо права репрессалии, в силу того принципа, что ни от какой стороны нельзя требовать исполнения тех обязательств, которые не исполняются другой стороной. Наличие этого права разумеется не препятствует пострадавшей стороне предъявить в международном плане соответствующую претензию, положив в основу ее ответственность другой стороны за нарушение договора.

7) Пункт 2 относится к случаям нарушений многосторонних договоров, и здесь Комиссия сочла необходимым предусмотреть две возможные ситуации: а) отдельный участник договора, которого нарушение касается, может реагировать на это нарушение самостоятельно и б) другие участники договора могут реагировать на нарушение его совместно. Что касается реакции со стороны отдельного участника, то Комиссия признала, что его положение в данном случае аналогично тому, которое имеет место, когда речь идет о двустороннем договоре, но что он имеет право только приостановить действие договора, в целом или в части, поскольку это касается отношений между ним и нарушившим договор государством. Когда речь идет о многостороннем договоре, следует учитывать интересы других участников, и право на приостановление действия договора обеспечивает достаточную защиту тому государству, которого нарушение договора непосредственно касается. Далее, ограничение права отдельного участника правом приостановления договора представляется особенно необходимым, если принять во внимание природу тех обязательств, которые содержатся в генеральном многостороннем договоре нормативного характера. Возник даже вопрос о том, допустимо ли даже приостановление, когда речь идет о нормативном международном договоре. Было, однако, указано на то, что несправедливо разрешать виновному государству требовать исполнения договора потерпевшей стороной, когда само оно нарушает свои вытекающие из этого договора обязательства перед этой стороной. Далее, следует помнить, что даже такие международные договоры, как Конвенция о геноциде и Женевские конвенции об обращении с военнопленными, больными и ранеными, прямо предусматривают право денонсации. Если другие участники многостороннего договора совместно реагируют на нарушение этого договора одним из его участников, то совершенно очевидно, что они вправе делать совместно то, что каждый может делать отдельно, и могут, поэтому, совместно приостановить действие договора в отношении нарушившего его государства. Наконец, если нарушение договора одним государством делает невозможным или затрудняет применение этого договора в отношениях между всеми его участниками, то другие участники вправе совместно прекратить договор или приостановить действие договора, в целом или в части.

8) В пункте 3 указывается, какого рода нарушение может быть основанием для возникновения права прекратить договор или приостановить его действие. Некоторые авторитеты в прошлом исходили, очевидно, из предположения, что всякое нарушение любого постановления международного договора является достаточным основанием для денонсации этого договора. Комиссия, однако, нашла, что право прекратить договор или приостановить его действие может возникать только в случаях нарушений серьезного характера. Для указания на то, какое именно нарушение необходимо, она предпочла термин «существенное» термину «фундаментальное». Слово «фундаментальное» может быть понято, как означающее, что только нарушение такого постановления, которое имеет непосредственное отношение к центральным целям договора, вообще может служить для стороны основанием прекратить договор. Однако, другие постановления, которые какая-либо сторона считает существенными для эффективного выполнения договора, могли иметь большое значение, побудив эту сторону вступить в данный договор, хотя эти постановления и имеют, может быть, вспомогательный характер. В подпункте а определения просто указано, что такой отказ от договора, который сам по себе договора не прекращает, является действием, которое другой участник может рассматривать как «существенное» нарушение. Основное определение содержится в подпункте б, согласно которому нарушение является «существенным», если нарушенное постановление «является существенным для эффективного осуществления какой-либо из... задач или целей» договора.

9) Согласно пункту 4, на постановления данной статьи о частичном прекращении договора и частичном приостановлении его действия распространяются указанные в статье 46 условия, определяющие делимость постановлений международного договора друг от друга. Комиссия полагала, что этот пункт необходим потому что, даже в случае нарушения договора, неправильно требовать, в дальнейшем, от нарушившего договор государства соблюдения урезанного договора, применение которого создает между сторонами очень неравное положение.

10) В пункте 5 просто ограждаются права участников договора, вытекающие из таких конкретных постановлений этого договора или какого-либо имеющего к нему отношение акта, которые относятся к случаям нарушений.

Статья 43

Невозможность исполнения международного договора

1. Любой участник международного договора может ссылаться на невозможность его исполнения как на основание для прекращения этого договора, если такая невозможность является

следствием полного и окончательного отпадения или разрушения объекта предусматриваемых этим договором прав и обязанностей.

2. В том случае, когда не ясно, имеет ли невозможность исполнения постоянный характер, на эту невозможность можно ссылаться только как на основание для приостановления действия договора.

3. Если при условиях, указанных в статье 46, невозможность относится к определенным постановлениям договора, на нее можно ссылаться как на основание для прекращения или приостановления действия одних только этих постановлений.

Комментарий

1) Эта статья относится к прекращению международного договора или приостановлению его действия вследствие того обстоятельства, что полное отпадение или разрушение его объекта делает временно или навсегда невозможным его исполнение. Следующая статья относится к прекращению международного договора вследствие фундаментального изменения обстоятельств, существовавших во время его заключения. Случаи наступления невозможности исполнения это — *ex hypothesi* случаи, когда происходит фундаментальное изменение обстоятельств, существовавших во время заключения договора. Некоторые члены Комиссии считали, что не легко провести четкое различие между теми категориями случаев, которые предусматриваются в этих двух статьях, и высказывались за слияние этих статей в одну. Комиссия, однако, нашла, что «невозможность исполнения» и «фундаментальное изменение обстоятельств» представляют собой, с юридической точки зрения, самостоятельные основания, по которым договор должен считаться прекратившимся, и должны трактоваться раздельно. Хотя и правда, что возможны известные смежные случаи, в которых эти две статьи будут перекрываться, при применении этих статей следует пользоваться различными критериями, и объединение этих статей в одну может вызвать недоразумения. Поэтому «невозможность исполнения» рассматривается в данной статье отдельно, как особое основание для ссылки на прекращение договора.

2) В пункте 1 предусматривается, что на полное и окончательное отпадение или разрушение объекта предусматриваемых договором прав и обязанностей можно ссылаться как на положение, прекращающее договор. Это может иметь место вследствие отпадения или разрушения либо материального объекта договора либо той юридической ситуации, которая была *raison d'être* предусматриваемых договором прав и обязанностей. На практике было немного примеров, относившихся к материальным объектам дого-

воров. Однако к той категории случаев, которая имеется в виду в этой статье, относятся погружение в воду острова, обсыхание дна реки, разрушение железной дороги, гидро-электрических установок и т.п., вследствие землетрясения или иного бедствия. Что касается невозможности исполнения, являющейся результатом отпадения юридического объекта договорных прав и обязанностей, то примером могут служить постановления договора, связанные с применением капитуляций, неизбежно теряющие смысл с исчезновением самих капитуляций. Равным образом, ликвидация таможенного союза может создать невозможность дальнейшего исполнения договоров, относящихся к операциям такого союза.

3) Большинство авторитетов указывает на то, что примером невозможности исполнения является прекращение международной личности какого-либо участника договора. Однако, по обсуждении вопроса, Комиссия решила не упоминать об этом обстоятельстве в данной статье, по крайней мере на данном этапе ее работы. Она полагала, что формулировка постановления о прекращении международной личности участника договора вызовет недоразумения, если одновременно не будет разрешен или хотя бы упомянут вопрос о преемстве государств в правах и обязанностях по международным договорам. Однако вопрос о преемстве — вопрос сложный, он уже является предметом отдельного исследования в Комиссии и, думается, не следует тем или иным образом предрешать результаты этого исследования, пытаясь определить в данной статье условия, при которых прекращение личности какого-либо из участников договора вызывает прекращение самого договора. Если, однако, просто сослаться на вопрос о преемстве государств, воспользовавшись такой, например, формулой, как «поскольку это не противоречит нормам, регулирующим преемство между государствами в отношении международных договоров», то указание на то, что «на прекращение какого-либо участника договора можно ссылаться как на основание для прекращения договора», будет иметь мало смысла. Поэтому в этой статье было временно опущено упоминание о прекращении международной личности участника договора, и было отмечено, что данный вопрос должен быть пересмотрен тогда, когда работа Комиссии над вопросом о преемстве между государствами продвинется дальше.

4) Невозможность исполнения, как основание для прекращения международного договора согласно данной статье, есть нечто такое, что наступает вследствие событий, происходящих вне самого договора, и иногда говорят о международных договорах, прекращающихся непосредственно в силу норм объективного права, независимо от каких-либо действий их участников. Комиссия признает, что в случаях, подпадающих под эту статью, в отличие от случаев нарушения договора, основание для прекращения договора, если такое основание установлено, может считаться автоматически поражающим действитель-

ность договора. Однако при составлении этой статьи, Комиссия нашла, что ей следует изложить соответствующую норму не в форме постановления, согласно которому договор автоматически прекращался бы, а в форме постановления, согласно которому участники договора имеют право ссылаться на невозможность исполнения как на основание для прекращения договора. Трудность заключается в следующем: могут возникать споры о том, действительно ли имеет место полное отпадение или разрушение объекта договора, и, при отсутствии обязательной юрисдикции, следовало бы безоговорочно принять норму, согласно которой прекращение договора автоматически наступало бы непосредственно в силу объективного права. Иначе будет существовать возможность произвольных заявлений о имеющей якобы место невозможности исполнения, делаемых с целью отказа от договора. По этой причине Комиссия сочла необходимым изложить эту статью таким образом, чтобы в ней предусматривалось право ссылаться на невозможность исполнения как на основание для прекращения договора, и отнести к этому праву процедурные требования статьи 51.

5) В пункте 2 предусматривается, что, если не ясно, что невозможность имеет постоянный характер, на нее можно ссылаться только как на основание для приостановления действия договора. Соответствующие случаи могут рассматриваться просто как случаи возможных ссылок на непреодолимую силу в порядке защиты — с целью освобождения соответствующего участника договора от ответственности за неисполнение. Однако в случае постоянной невозможности исполнения длящегося обязательства лучше, очевидно, считать, что договор может быть приостановлен.

6) Согласно пункту 3 на случаи невозможности исполнения распространяется принцип делимости постановлений договора друг от друга. Комиссия полагает, что, если невозможность имеет только частичный характер, вполне правильно и желательно отделение тех частей договора, исполнение которых оказалось невозможным, от остальных постановлений договора, если имеются налицо условия делимости постановлений договора друг от друга, указанные в статье 46.

Статья 44

Фундаментальное изменение обстоятельств

1. На изменение обстоятельств, существовавших во время заключения международного договора, можно ссылаться как на основание для прекращения этого договора или для отказа от него, только при условиях, указанных в настоящей статье.

2. Если произошло какое-либо фундаментальное изменение факта или ситуации, существо-

вавших во время заключения договора, то на это изменение можно ссылаться как на основание для прекращения договора или для отказа от него, когда

а) существование этого факта или этой ситуации было главной причиной согласия участников на этот договор, и

б) вследствие этого изменения трансформируется, в каком-либо существенном отношении, характер обязательств, принятых по этому договору.

3. Пункт 2 настоящей статьи не применяется.

а) ни к договору, определяющему границу, ни

б) к таким изменениям обстоятельств, которые стороны предвидели и последствия которых они предусмотрели в самом договоре.

4. Если при условиях, указанных в статье 46, предусматриваемое в пункте 2 настоящей статьи изменение обстоятельств относится к определенным постановлениям договора, на это изменение можно ссылаться как на основание для прекращения одних только этих постановлений.

Комментарий

1) Почти все современные ученые⁵⁹ признают, хотя и неохотно, существование в международном праве того принципа, к которому относится эта статья и который в доктрине обыкновенно обозначается словами *rebus sic stantibus*. Полагают, что, совершенно так же, как во многих системах внутригосударственного права признается, что, абсолютно независимо от какой-либо фактической невозможности исполнения, договоры могут утрачивать силу вследствие фундаментального изменения обстоятельств, в праве международном признается, что международные договоры могут утрачивать обязательную силу для их участников по аналогичной причине. Однако большинство ученых категорически настаивает на ограничении этой доктрины узкими пределами и на строгом регулировании тех условий, при которых на эту доктрину можно ссылаться, так как опасности, таящиеся в этой доктрине, поскольку речь идет о прочности международных договоров при отсутствии какой-либо общей системы обязательной юрисдикции, вероятно серьезнее тех, которые возникают при применении каких-либо иных оснований недействительности или прекращения международных договоров. Условия международной жизни постоянно меняются, и слишком легко бывает найти какое-то основание утверждать, что определенные перемены сделали международный договор неприемлемым.

2) Доказательств признания этого принципа как

нормы обычного права довольно много, даже если и правда, что Суд пока не высказался категорически по этому вопросу. В деле о Свободных зонах⁶⁰, признав, что факты во всяком случае не давали основания для применения указанной доктрины, Постоянная Палата прямо оговорила за собой право высказаться по этому вопросу в свое время. Она указала, что для нее отпала необходимость в рассмотрении «какого-либо из таких принципиальных вопросов, возникающих в связи с теорией о прекращении международных договоров вследствие изменения обстоятельств, как вопросы о том, в каких пределах эта теория может считаться образующей норму международного права, в каких случаях и в каком порядке эта теория должна соблюдаться, если она признается, и относится ли она к таким международным договорам, которыми устанавливаются права, подобные выводимым Швейцарией из договоров 1815 и 1816 годов». Вместе с тем, с таким же успехом можно сказать, что Суд никогда, ни по какому поводу⁶¹ не отрицал указанного принципа, и что из только что приведенной цитаты можно сделать вывод, что он исходил из предположения, что соответствующая доктрина в какой-то мере признана в международном праве.

3) Внутригосударственные суды, вместе с тем, нередко признавали значение этого принципа в международном праве, хотя, по той или иной причине, неизменно отрицали, в конечном счете, применимость этого принципа при конкретных обстоятельствах рассматриваемых ими дел⁶². В решениях по этим делам содержится положение о том, что указанный принцип относится только к таким изменениям обстоятельств, которые, если принять во внимание очевидные намерения сторон в соответствующий момент, рассматривались как подразумеваемое условие данного соглашения⁶³, что при наступлении соответствующего изменения международный договор расторгается не автоматически — в силу объективного права, а только в том случае, если на указанную доктрину ссылается одна из сторон⁶⁴, и что ссылка на эту доктрину должна делаться в течение разумного срока после того, как изменение обстоятельств было впервые замечено⁶⁵. Далее, в деле Бремена против Пруссии⁶⁶ германский Рейхсгерихт, не отрицая общего значения указанной доктрины, нашел ее абсолютно не применимой в том случае, когда одна из сторон пытается освободиться не от всего договора, но только от некоторых ограничительных постановлений его, составлявших существенную часть соглашения об обмене территориями.

4) На принцип *rebus sic stantibus* нередко делались ссылки в практике государств — либо *eo nomine*, либо в форме указания на общий принцип, который, как утверждали, дает основание для прекращения или изменения обязательств по международным договорам ввиду изменившихся обстоятельств. Подробное исследование этой практики государств невозможно в настоящем докладе⁶⁷. Вообще говоря, в этой

практике выявляется широкое признание той точки зрения, что фундаментальное изменение обстоятельств может служить основанием для требования о прекращении или пересмотре международного договора, но, вместе с тем, заметна и определенная склонность оспаривать право участника договора на одностороннюю денонсацию договора по этому основанию. Наиболее показательные указания на отношение государств к этому принципу можно, пожалуй, найти в заявлениях, представлявшихся суду в тех случаях, когда делались ссылки на данную доктрину. В деле о декретах о гражданстве французское правительство утверждало, что договоры, заключаемые «на вечные времена», всегда должны прекращаться в силу клаузулы *rebus sic stantibus*, и настаивало на том, что французский протекторат над Марокко имел, вследствие этого, значение прекращения некоторых англо-французских договоров⁶⁸. Британское правительство, оспаривая точку зрения французского правительства на определенные факты, отмечало, что наиболее сильным из доводов, приведенных Францией, была ссылка на *rebus sic stantibus*⁶⁹. В деле о денонсации китайско-бельгийского договора 1865 г. Китай ссылался в общей форме на изменение обстоятельств как на основание денонсации им договора, просуществовавшего уже шестьдесят лет, и подкреплял свои утверждения ссылкой на статью 19 Пакта Лиги Наций⁷⁰. Эта статья, однако, предусматривала, что Собрание Лиги должно «время от времени рекомендовать пересмотр членами Лиги международных договоров, ставших неприменимыми», и бельгийское правительство ответило, что ни статья 19, ни доктрина *rebus sic stantibus*, не относятся к односторонней денонсации международных договоров. Оно утверждало, далее, что не может быть и речи о денонсации Китаем этого договора вследствие изменения обстоятельств, если Китай по крайней мере не попытается добиться пересмотра договора на основании статьи 19, что, поскольку на обе стороны распространялась юрисдикция Палаты, для Китая было бы естественным, в случае спора, получить определение Палаты, и что, если он этого не сделал, он не может денонсировать договор без согласия Бельгии⁷¹. В деле о свободных зонах⁷² само французское правительство, которое сослалось на принцип *rebus sic stantibus*, утверждало, что оно не допускает односторонней денонсации договора, который якобы устарел. Оно указало, что согласно соответствующей доктрине договор прекращается только «*dorsque le changement de circonstances aura été reconnu par un acte faisant droit entre les deux Etats intéressés*»; и, далее, заявило: «*cet acte faisant droit entre les deux Etats intéressés peut être soit un accord, lequel accord sera une reconnaissance du changement des circonstances et de son effet sur le traité, soit une sentence du juge international compétent s'il y en a un*»⁷³. Швейцария, подчеркивая существующие между учеными разногласия относительно этого принципа, отрицала, что, согласно международному праву, существует какое-либо такое право на прекращение международного договора вследствие изменившихся обстоятельств, за за-

щитой которого можно было бы обратиться в компетентное судебное учреждение. Однако она построила свои доводы главным образом на следующих утверждениях: а) можно думать, что те обстоятельства, которые якобы изменились, не были такими обстоятельствами, длящиеся существование которых имелось в виду, когда стороны вступили в данный договор; б) так или иначе, доктрина, о которой идет речь, не применяется к международным договорам, создающим территориальные права; в) Франция слишком долго медлила, после того, как обнаружилось изменение обстоятельств⁷⁴. Франция, по-видимому, не оспаривала того, что данная доктрина не применима к территориальным правам. Вместо этого, она провела различие между территориальными правами и возникающими в связи с урегулированием территориальных вопросов «личными» правами⁷⁵. Суд признал правильными утверждения швейцарского правительства, обозначенные буквами «а» и «с», но не высказался по вопросу о применении принципа *rebus sic stantibus* к международным договорам, создающим территориальные права.

5) На указанный принцип делались, прямо или косвенно, ссылки также во время дебатов в политических органах Организации Объединенных Наций. Например в 1947 году, когда Египет передал в Совет Безопасности вопрос о сохранении силы англо-египетского договора, Соединенное Королевство истолковало доводы Египта как доводы, основанные на принципе *rebus sic stantibus*. Существование этого принципа не оспаривалось, хотя подчеркивались условия, ограничивающие его применение. Генеральный Секретарь, в свою очередь, в своем исследовании о действительности заключенных в эпоху Лиги Наций договоров о меньшинствах, вполне признавая, что указанный принцип в международном праве существует, подчеркивал исключительный и ограниченный характер его применения⁷⁶.

6) Некоторыми членами Комиссии были высказаны сомнения по поводу того, насколько этот принцип может считаться уже признанной нормой международного права, и многие члены Комиссии подчеркивали, что этот принцип поставит под угрозу прочность международных договоров, если не будут четко определены условия его применения и не будут предусмотрены достаточные гарантии против его произвольного применения. Комиссия, однако, пришла к выводу, что этому принципу, если применение его будет тщательно ограничено и урегулировано, должно быть отведено место в современном праве международных договоров. Международный договор может оставаться в силе в течение очень продолжительного времени, и выполнение его постановлений может стать слишком обременительным для какого-либо из его участников. Если, в таком случае, другая сторона будет упорно возражать против всяких изменений, то, поскольку международное право не признает никаких других правовых средств прекращения или изменения международного договора, кро-

ме нового соглашения между теми же сторонами, отношения между соответствующими государствами могут принять очень напряженный характер, и, в конце концов, недовольное государство может решиться на противоправные действия. Число подобных случаев вероятно сравнительно велико. Как указано в комментарии к статье 38, большинство международных договоров заключается теперь на краткие сроки или на ряд последовательных сроков, каждый в несколько лет, с правом отступить от договора перед истечением любого такого срока, или же они могут быть прекращены после соответствующего предупреждения. Во всех этих случаях договор прекращается автоматически, или же каждый участник, имея право прекратить договор, располагает возможностью оказывать давление на другого участника с целью добиться пересмотра договора. Тем не менее, бывают и такие случаи, когда, при отсутствии соглашений, какой-либо участник может, согласно договору, оказаться лишенным всякой возможности правомерно освободиться от устаревших или обременительных постановлений договора. Именно в таких случаях доктрина *rebus sic stantibus* может иметь положительное значение как средство побудить другого участника пойти на компромисс. Далее, хотя против этой доктрины и выдвигаются часто весьма категорические возражения, доказательства признания этой доктрины международным правом настолько значительны, что служат очевидно указанием на сознание необходимости существования, в международном договорном праве, такого исключительного способа защиты.

7) В прошлом соответствующий принцип почти всегда представлялся в виде молчаливого условия, существование которого должно было предполагаться во всяком «бессрочном» договоре и согласно которому договор прекращается в случае фундаментального изменения обстоятельств. Комиссия отметила, однако, что в настоящее время существует склонность считать это молчаливое условие фикцией, при помощи которой делается попытка примирить принцип расторжения международных договоров вследствие фундаментального изменения обстоятельств с нормой *Pacta sunt servanda*⁷⁷. В большинстве случаев стороны не думают о возможности изменения обстоятельств, и, если бы они подумали об этой возможности, они вероятно предусмотрели бы ее иным образом. Далее, Комиссия считает эту фикцию нежелательной, так как она увеличивает риск субъективных толкований и риск злоупотреблений. По этой причине Комиссия нашла, что теорию молчаливого условия следует отвергнуть и соответствующую теорию следует формулировать как норму объективного права, в силу которой на фундаментальное изменение обстоятельств может, на основе справедливости, сослаться участник международного договора как на основание для прекращения этого договора. Она нашла, далее, что, с целью подчеркнуть объективный характер этой нормы, лучше не пользоваться выражением «*rebus sic stantibus*» ни в тексте данной статьи,

ни даже в ее заголовке и таким образом избежать теоретических выводов из этого выражения.

8) Кроме того, Комиссия учла, что многие авторитеты ограничивали, в прошлом, применение этого принципа так называемыми бессрочными международными договорами, т.е. международными договорами, не содержащими никаких постановлений об их прекращении. Однако те мотивы, на основании которых указанные авторитеты поддерживали такое ограничение этого принципа, не представляются Комиссии убедительными. Если в договоре предусматривается десятилетний, двадцатилетний, пятидесятилетний или девяностолетний срок, то этим вовсе не исключается возможность такого изменения обстоятельств, которое радикальным образом затрагивает самую основу этого договора. Катастрофические события нашего столетия показывают, какие фундаментальные изменения обстоятельств могут происходить за период всего в десять или двадцать лет. Если доктрина, о которой идет речь, будет считаться нормой объективного права, в основе которой лежит ее справедливость, то очевидно отпадает основание для проведения различия между «бессрочными» и «долгосрочными» договорами. Далее, практика не вполне подкрепляет мнение, будто соответствующий принцип относится только к «бессрочным» договорам⁷⁸. Некоторые договоры временного характера содержат постановления, равнозначные фактически клаузуле *rebus sic stantibus*⁷⁹. В отношении таких договоров иногда также ссылались на самый этот принцип. Например, в резолюции французской Палаты депутатов от 14 декабря 1932 г. была сделана прямая ссылка на *rebus sic stantibus* в отношении франко-американского соглашения 1926 года о военных долгах⁸⁰. Поэтому Комиссия нашла, что в данной статье соответствующая норма должна быть изложена как норма, имеющая общее применение, хотя, по совершенно очевидным соображениям, в отношении договоров, продолжительность которых ограничена, или договоров, которые могут быть прекращены с заблаговременным предупреждением, эта норма либо никогда не будет применяться, либо будет применяться очень редко.

9) В пункте 1 была поставлена задача подчеркнуть, что ссылаться как на основание для прекращения договора можно не на всякое изменение обстоятельств, существовавших во время его заключения, а только на такое, которое отвечает условиям, установленным в пункте 2. Многие члены Комиссии считали, что норма, содержащаяся в этой статье, даже при четком ее изложении, представляет собой угрозу прочности международных договоров. Эти члены Комиссии полагали, что необходимо подчеркнуть исключительный характер применения этой нормы, и некоторые из них высказывались за еще более жесткую формулировку. Некоторые другие члены Комиссии, признавая необходимость точного определения условий применения этой статьи, считали, что в ней излагается скорее имеющий общее при-

менение принцип, который должен играть важную роль, обеспечивая изменение отживших договорных ситуаций в быстро меняющейся мировой обстановке.

10) В пункте 2 указано, на какие изменения обстоятельств можно ссылаться как на основание для прекращения международного договора или отказа от многостороннего международного договора. Изменение должно относиться к факту или ситуации, существовавшим во время заключения договора, и должно быть «фундаментальным» в том смысле, что а) существование этого факта или этой ситуации было главной причиной согласия участников на этот договор» и б) «вследствие этого изменения трансформируется, в каком-либо существенном отношении, характер обязательств, принятых по этому договору». К формулированию этих условий Комиссия подошла особенно осторожно. Она придавала огромное значение, тому, чтобы они были изложены в объективной форме, но чтобы было, вместе с тем, ясно, что соответствующее изменение должно касаться самой основы согласия сторон на соответствующий договор. Некоторые члены Комиссии полагали, что эта статья может применяться в случаях общих изменений обстоятельств, лежащих абсолютно вне договора. Однако Комиссия нашла, что на такие общие изменения можно ссылаться как на основание для прекращения договора только в тех случаях, если вследствие этих изменений изменяется факт или ситуация, составлявшие главную причину согласия участников на договор.

11) Некоторые члены Комиссии высказались за включение постановления, которым разъяснялось бы, что на субъективные изменения в позиции или политике правительства никогда нельзя ссылаться как на основания для прекращения договора, отказа от договора или приостановления действия договора. Они указывали на то, что, в противном случае, признание изложенного в данной статье принципа было бы серьезной угрозой прочности международных договоров. Другие члены Комиссии, не оспаривая того мнения, что на простые изменения в политике правительства нельзя, как правило, ссылаться как на дающие основание для применения данного принципа, полагали, что заявлять, будто на изменение политики никогда, ни при каких обстоятельствах, нельзя ссылаться как на основание для прекращения договора, значило бы идти слишком далеко. В качестве примера они указывали на договор о союзе, как на такой случай, когда радикальное изменение политической ориентировки правительства какой-либо страны может сделать неприемлемым, с точки зрения обоих участников договора, сохранение договора в силе. Комиссия, полагая, что даваемого в пункте 2 определения «фундаментального изменения обстоятельств» достаточно для устранения возможности злоупотреблений, заключающихся в попытках прекращения договора на основании простого изменения политики, решила, что нет необходимости, при фор-

мулировании данной статьи, углубляться дальше в этот вопрос.

12) Пункт 3 исключает из сферы применения этой статьи два случая, которые были предметом некоего обмена мнениями. Первый случай относится к договорам, определяющим границы, — договорам, которые обе стороны в деле о Свободных зонах, так же как и большинство ученых, признают, по-видимому, лежащими вне сферы применения соответствующей нормы. Некоторые члены Комиссии полагали, что полное исключение таких договоров из сферы применения этой нормы, могло бы завести слишком далеко и противоречило бы, может быть, признанному в Уставе принципу самоопределения. Комиссия, однако, пришла к выводу, что договоры, определяющие границы, должны быть признаны исключением из общего правила, так как иначе соответствующая норма, вместо того, чтобы быть орудием мирных изменений, стала бы источником опасных трений. Далее, она стала на ту точку зрения, что «самоопределение», которое имеется в виду в Уставе, есть независимый принцип, и что возникали бы недоразумения, если, в связи с международным договорным правом, самоопределение было бы представлено как применение нормы, изложенной в данной статье. Исключая из сферы своего применения договоры, определяющие границы, эта статья не исключает применения принципа самоопределения ни в каком таком случае, когда существуют условия для правомерного его применения.

13) Второе исключение, заключающееся в подпункте «b» пункта 3, относится к тем случаям, когда участники договора предвидели изменение обстоятельств и предусмотрели его в самом договоре. При обсуждении данной статьи некоторые члены Комиссии высказали мнение, что изложенный в этой статье принцип относится, согласно общему международному праву, к числу таких, которые участники международного договора не могут абсолютно отменять постановлениями этого договора. По мнению этих членов Комиссии, участники договора могут прямо предусмотреть изменение, которое, как они считают, может произойти, но они не вправе просто отменить применение данной статьи к своему договору. Другие члены Комиссии сомневались в том, что может или должна быть ограничена таким образом свобода государств заключать соглашения по этому вопросу. Комиссия, не становясь на ту или иную точку зрения по этому вопросу, исключила из сферы применения данной статьи «такие изменения обстоятельств, которые стороны предвидели и последствия которых они предусмотрели в самом договоре».

14) Пункт 4 распространяет на данную статью применение принципа делимости постановлений договора друг от друга. Комиссия полагает, что в тех случаях, когда изменение обстоятельств имеет отношение только к определенным постановлениям

договора, следует, по тем же соображениям, которые относятся к случаям невозможности исполнения, допускать отделение таких постановлений от остальной части договора, при условиях, указанных в статье 46.

15) При обсуждении этой статьи, так же как и при обсуждении статьи 42, многие члены Комиссии подчеркнули значение, которое они придают обеспечению достаточных процедурных гарантий против произвольных действий, как необходимой основы для принятия этой статьи.

Статья 45

Установление новой императивной нормы общего международного права

1. Если установлена новая императивная норма общего международного права, относящаяся к указанной в статье 37 категории, и какой-либо международный договор противоречит этой норме, этот договор становится ничтожным и прекращается.

2. Если противоречат такой новой норме только некоторые постановления договора, то, при условиях, указанных в статье 46, становятся ничтожными одни только эти постановления.

Комментарий

1) Норма, изложенная в этой статье, является логическим выводом из нормы, содержащейся в статье 37, согласно которой является ничтожным международный договор, «противоречащий какой-либо императивной норме общего международного права, от которой не допускается никаких отступлений». В основу статьи 37 положено, как разъяснено в комментарии к ней, предположение, что в современном международном праве существует некоторое число основных норм международного публичного порядка, от которых никакое государство не может отступить даже по соглашению с другим государством. Совершенно очевидно, что, если в силу генерального многостороннего международного договора или образования новой общеправовой нормы, устанавливается новая норма такого характера — новая норма *jus cogens*, — то, в результате, становятся ничтожными не только будущие, но и существующие международные договоры. Это вытекает из того обстоятельства, что соответствующая норма есть высшая норма публичного порядка, лишаящая правомерности любое действие и любую ситуацию, которые ей противоречат. Примером могут служить старые международные договоры, которые регулировали работоторговлю и исполнение которых впоследствии перестало соответствовать международному праву в результате общего признания абсолютной неправомерности всех форм рабства.

2) Комиссия обсудила вопрос о том, следовало ли включить указанную норму в статью 37, и решила, что эта норма должна быть помещена среди статей о прекращении международных договоров. Хотя в силу этой нормы международный договор утрачивает силу, результатом ее является ничтожность такого договора не с самого начала, а только с того момента, когда устанавливается новая норма *jus cogens*. Другими словами, она не аннулирует договор — она запрещает его дальнейшее исполнение. Именно по этой причине в пункте 1 предусматривается, что «если установлена какая-либо новая императивная норма... договор становится ничтожным...»

3) В пункте 2 предусматривается, что, если, при предусматриваемых в статье 46 условиях отделмости одних постановлений договора от других, противоречат норме *jus cogens* только некоторые постановления договора, одни только эти постановления становятся ничтожными. Хотя Комиссия не считала, что принцип отделмости постановлений договора друг от друга применим в тех случаях, когда договор является, согласно статье 37, ничтожным с самого начала в силу существующей нормы *jus cogens*, она полагала, что в тех случаях, когда некоторые постановления договора, который был полностью действителен в то время, когда был заключен, оказываются впоследствии противоречащими какой-либо новой норме *jus cogens* следует исходить из иных соображений. Если такие постановления правильно считать отделмыми от остальной части договора, то, по мнению Комиссии, можно считать, что остальная часть договора все еще является в силе.

РАЗДЕЛ IV - ОСОБЫЕ ПРАВИЛА ПРИМЕНЕНИЯ РАЗДЕЛОВ II И III

Статья 46

Возможность отделения одних постановлений международного договора от других с целью применения настоящих статей

1. За исключением тех случаев, когда в самом международном договоре или в статьях 33—35 и 42—45 предусматривается иное, прекращение или приостановление действия международного договора, либо отказ от такого договора, относятся ко всему договору в целом.

2. Постановления статей 33—35 и 42—45 о частичной недействительности, частичном прекращении или частичном приостановлении действия международного договора, равно как и об отказе от определенных постановлений такого договора, применяются только в тех случаях, когда

а) соответствующие постановления явно отделмы от остальной части договора, поскольку речь идет об их применении, и

б) ни из договора, ни из заявлений, сделанных во время переговоров, не вытекает, что принятие соответствующих постановлений было главным условием согласия участников на этот договор в целом.

Комментарий

1) В целом ряде статей разделов II и III прямо предусматривается возможность ограничить притязание сослаться на недействительность международного договора или на какое-либо основание для его прекращения рамками определенных постановлений этого договора. В каждом таком случае имеется отсылка к условиям отделмости одних постановлений договора от других, указанным в данной статье. Поскольку предложения Комиссии, касающиеся права требовать признания частичной недействительности договора или требовать его прекращения, вносятся в какой то мере *de lege ferenda*, Комиссия находит, что желательно, прежде чем комментировать данную статью, сделать некоторые общие замечания по этому вопросу.

2) До последнего времени вопрос об отделмости одних постановлений международного договора от других рассматривался почти исключительно в связи с правом прекращения договора вследствие нарушения его другим его участником. Однако некоторые из современных авторитетов⁸¹ высказываются за признание принципа отделмости в случаях недействительности договоров, а также при определении тех последствий, которые имеет для международных договоров война. Они категорически утверждают, что в некоторых случаях исключение из международного договора какого-либо из его постановлений или приостановление действия такого постановления возможно без нарушения равновесия прав и обязанностей, устанавливаемых другими постановлениями этого договора и без разрушения какого-либо из тех оснований, которые побудили участников принять договор в целом. В подтверждение своих утверждений эти авторитеты ссылаются на некоторые высказывания Постоянной Палаты Международного Правосудия относительно толкования самостоятельных частей международных договоров⁸².

3) При рассмотрении вопроса о возможности отделения одних постановлений договора от других с целью толкования возникают совершенно иные проблемы, чем при применении принципа такой отделмости в случаях недействительности или прекращения договоров. Однако если практика обоих судов проливает мало света на эти последние вопросы, то совершенно ясно, что некоторые из судей, в своих отдельных мнениях по делу о норвежских займах и по делу Интерхандель признали, что принцип отделмости одних постановлений международного договора от других был применим в случае ссылки на недействительность сделанного на основании факульт-

тативной клаузулы одностороннего заявления, вследствие оговорки, действительность которой оспаривалась.

4) Ввиду того что в данном случае мнения авторитетов вовсе не дают решительного ответа, Комиссия нашла, что ей следует заново рассмотреть вопрос о допустимости и целесообразности признания принципа отделимости одних постановлений международных договоров от других в связи с недействительностью и прекращением таких договоров. Комиссия нашла, далее, что для выяснения допустимости применения этого принципа в такой связи необходимо рассмотреть, по очереди, каждую статью, поскольку к различным статьям могут быть применены различные соображения. Комиссия пришла к выводу, что по причинам, которые уже указаны в примечании к каждой статье, применение этого принципа допустимо и целесообразно в отношении статей 33 (обман), 34 (заблуждение), 35 (личное принуждение), 42 (нарушение), 43 (невозможность исполнения), 44 (изменение обстоятельств) и 45 (новая норма *jus cogens*). Однако она пришла также к выводу, что применение этого принципа допустимо только в том случае, если условия, при которых возможна правомерная ссылка на этот принцип в каждом отдельном случае, будут определены с известной четкостью. Единственной целью данной статьи и является определение этих условий.

5) В пункте 1 этой статьи разъясняется, что, как общее правило, недействительность или прекращение международного договора, равно как и приостановление его действия, относятся ко всему договору в целом. Из этого правила могут делаться исключения, во-первых, в любом постановлении договора, разрешающем отделение его постановлений друг от друга, и, во-вторых, в специальных постановлениях, содержащихся в упомянутых выше статьях. Международные договоры и, в особенности, международные договоры многосторонние, допускающие принятие какой-либо части договора или допускающие частичный отказ от договора или приостановление действия только части договора, не являются необычным явлением, и их постановления, поскольку они применимы, неизбежно имеют решающее значение.

6) В пункте 2 указаны основные условия применения принципа отделимости одних постановлений договора от других согласно каждой из этих статей, предусматривающей применение этого принципа. Это — двойные условия. Во-первых, выделяемые постановления должны быть явно отделимы от остальной части договора, поскольку речь идет об их применении. Другими словами, раздробление договора не должно препятствовать применению остающихся постановлений. Во-вторых, ни из договора, ни из заявлений, сделанных во время переговоров, не должно вытекать, что принятие выделяемых постановлений было главным условием согласия участников договора на соответствующий договор в целом.

Другими словами, принятие выделяемых постановлений не должно быть таким образом связано с принятием других частей договора, что в случае отпадения выделяемых постановлений отпадает также и основание, по которому участники согласились на соответствующий договор в целом.

Статья 47

Утрата права утверждать, что международный договор является недействительным или что имеется основание для прекращения его или для отказа от него

Право утверждать, что международный договор является недействительным или что существует основание для прекращения его или для отказа от него в случаях, подпадающих под статьи 32—35, 42 и 44, не может более осуществляться, если соответствующее государство, удостоверившись в существовании фактов, влекущих за собой возникновение такого права,

- a) отказалось от этого права или
- b) своим поведением лишило себя возможности отрицать, что оно решило, в случаях, предусматриваемых статьями 32—35, считать договор для себя обязательным или, в случаях, предусматриваемых статьями 42 и 44, считать, что то существенное нарушение договора или то фундаментальное изменение обстоятельств, которое имело место, этого договора не затрагивает.

Комментарий

1) Основой того принципа, что никакому участнику договора не должно разрешаться получать выгоду в результате его собственной непоследовательности, является, в сущности, начало добросовестности и добропорядочных отношений (*allegans contraria non audiendus est*). Значение этого принципа в международном праве всеми признается и было прямо признано самим Международным Судом в двух недавних решениях⁸³.

2) Это — принцип, имеющий общее применение, распространяющийся не на одну только область права международных договоров⁸⁴. Тем не менее, в данной отрасли международного права он имеет особенное значение. Как уже упоминалось в предыдущих комментариях, основания, по которым договоры могут считаться недействительными согласно разделу II или прекращаться согласно разделу III, открывают некоторую возможность ложных утверждений, что тот или иной договор недействителен или прекращен. Другая опасность заключается в том, что какое-либо государство, после того как оно удостоверится, что при заключении договора имело место существенное заблуждение, что его представитель превысил

свои полномочия или что договор нарушен другим его участником, может продолжать применение договора таким образом, будто ничего не случилось, и возбудить соответствующий вопрос много времени спустя, когда пожелает, по совершенно иным причинам, отделаться от своих обязательств по этому договору. Разумеется, оно может таким образом пытаться воскресить значение имевшего якобы место основания недействительности или прекращения договора, по истечении очень продолжительного времени после соответствующего события, делая произвольные или спорные утверждения относительно каких-либо фактов. Рассматриваемый теперь принцип не устанавливает никакого лимита для тех случаев, когда подобные претензии могут заявляться с какой-либо видимостью правомерности. Такую именно роль играл этот принцип в деле о храмах и в арбитражном решении испанского короля. Поэтому, признавая общий характер этого принципа, Комиссия полагала, что, ввиду того особого значения, которое он имеет в области, относящейся к недействительности и прекращению международных договоров, этот принцип следует упомянуть в данной части права международных договоров.

3) Принцип «отказа от права», хотя он и не идентичен тому общему принципу права, который обсуждался в предыдущих пунктах настоящего комментария, связан с ним. Действительно, некоторые случаи применения указанного общего принципа могут рассматриваться также и как случаи молчаливого отказа от права. Поэтому Комиссия сочла целесообразным включить в данную статью «отказ от права» наряду с упомянутым общим принципом.

4) Вследствие сказанного в этой статье предусматривается, что право ссылаться на недействительность договора или же на основание для его прекращения или отказа от него в случаях, подпадающих под определенные статьи, не может более осуществляться, если соответствующее государство а) отказалось от своего права или б) своим поведением лишило себя возможности настаивать на этом праве в силу того принципа, что оно не может занять юридическую позицию, противоречащую его собственным предыдущим высказываниям или поведению. Сущность дела заключается в том, что соответствующее государство ведет себя таким образом, что оно представляется решившим, в случаях недействительности согласно статьям 32—35, считать соответствующий договор для себя обязательным или, в случаях прекращения согласно статьям 42 и 44, считать, что нарушение договора или изменение обстоятельств не затрагивают этого договора.

5) Комиссия отмечает, что применение указанного принципа в каждом данном случае неизбежно зависит от фактов и что руководящим соображением должно быть соображение добросовестности. Поскольку это так, указанный принцип не должен при-

меняться в тех случаях, когда соответствующее государство не знало о тех фактах, которые давали ему соответствующее право, или когда это государство не имело возможности свободно осуществить свое право сослаться на недействительность договора или на основание для его прекращения. Комиссия отмечает, далее, что во внутригосударственных системах права этот общий принцип выливается в специальные формы, в которых отражаются технические особенности соответствующих систем. Она полагала, что существующие во внутригосударственном праве технические особенности данного принципа не обязательно должны учитываться при применении этого принципа в области международного права. По этой причине она предпочла не пользоваться такими терминами внутригосударственного права, как «réclusion» или «estoppel», и просто указать, что соответствующее государство «лишило себя возможности отрицать, что оно решило... считать договор для себя обязательным» или считать, что договор сохраняет силу.

6) Комиссия не сочла целесообразным распространение этого принципа на случаи «принуждения», или «jus cogens», или на случаи «невозможности исполнения» или «новой нормы jus cogens». Разумеется, что этот принцип не должен применяться в случаях прекращения договора в силу права, предусматриваемого в самом договоре, или прекращения договора соглашением. Поэтому применение этого принципа было ограничено рамками статей 32—35 и 42 и 44.

Статья 48

Международные договоры, которые являются учредительными актами международных организаций или были составлены в международных организациях

Если международный договор является учредительным актом международной организации или был составлен в международной организации, постановления раздела III части II применяются только поскольку они не противоречат установленным в соответствующей организации правилам.

Комментарий

1) При применении права международных договоров к учредительным актам международных организаций и к международным договорам, составляемым в организациях, неизбежно приходится учитывать также и то объективное право, которое регулирует соответствующую организацию. Так, при разработке норм части I, регулирующих заключение международных договоров, Комиссия нашла необходимым провести, в некоторых случаях, различие между этими договорами и многосторонними договорами других категорий и, кроме того, в немногих слу-

чаях, провести различие между договорами, составляемыми под эгидой международной организации, и договорами, составляемыми на конференциях, созываемых соответствующими государствами. Что касается настоящей части, то Комиссия не нашла нужным включать какое-либо определенное постановление об этих особых категориях договоров в статьи, содержащиеся в разделе II и относящиеся к основаниям недействительности договоров. Изложенные в этом разделе принципы очевидно в силу самой своей природы не требуют изменений при применении их к договорам об учреждении организаций или договорам, составляемым в международных организациях или под эгидой международных организаций.

2) Вместе с тем, Комиссия считала, что некоторые из статей раздела III о прекращении или приостановлении действия договоров или об отказе от многосторонних договоров могут вторгаться, в какой-то мере, в область внутреннего права международных организаций, особенно поскольку это касается выхода из организаций и прекращения или приостановления участия в них. Поэтому в данной статье предусматривается, что постановления раздела III применяются к учредительным актам и к договорам, составляемым «в» международных организациях, только поскольку они не противоречат «установленным в соответствующей организации правилам». Выражением «установленные в соответствующей организации правила» имеется в виду здесь, так же как и в подпункте а пункта 1 статьи 18, обозначить не только постановления учредительного акта организации, но и выработавшиеся по практике обычноправовые нормы.

3) Слова «международный договор», который «был составлен в международной организации», встречающиеся также в некоторых статьях части I, обозначают такие международные договоры, как международные конвенции о труде, тексты которых составляются и утверждаются каким-либо органом соответствующей организации, но не договоры, составляемые «под эгидой» международной организации на конференции, созванной этой организацией. На договоры этой последней категории распространяются, по мнению Комиссии, все постановления настоящей части с такой же полнотой, с какой они распространяются на генеральные многосторонние договоры, составляемые на конференциях, созываемых соответствующими государствами. Следует признать, что бывают международные договоры, которые, подобно Конвенции о геноциде и Конвенции о политических правах женщины, составляются «в» какой-либо организации, но на применении которых внутреннее право этой организации особенно не отражается. Поскольку, однако, согласно данной статье из сферы применения постановлений раздела III эти договоры не исключаются, но эти постановления применяются только, если они не противоречат объективному праву соответствующей органи-

зации, было признано излишним делать в данной статье какую-либо оговорку после слов «был составлен в международной организации».

РАЗДЕЛ V — ПРОЦЕДУРА

Статья 49

Полномочие на денонсацию международного договора, его прекращение, отказ от него или приостановление его действия

Относящиеся к доказательствам наличия полномочия на заключение международного договора правила, содержащиеся в статье 4, применяются также *mutatis mutandis*, к доказательствам наличия полномочия на денонсацию международного договора, его прекращение, отказ от него или приостановление его действия.

Комментарий

В статье 4 изложены правила, регулирующие те случаи, когда от органов или представителей государств может требоваться представление доказательств наличия у них полномочия на заключение договора. Согласно международному праву полномочие делать ссылки на недействительность договора или устанавливать такую недействительность или же ссылаться на какое-либо основание для прекращения договора, отказа от него или приостановления его действия и совершать соответствующие акты по своей природе таково же, что и полномочие на заключение договоров, и, как правило, оно осуществляется соответствующим органом или представителем государства. Точно так же, когда какой-либо орган или представитель государства намеревается осуществить такое полномочие, другие участники договора заинтересованы в том, чтобы знать, что этот орган или представитель обладает необходимым полномочием. Поэтому логично и необходимо, очевидно, чтобы правила относительно представления доказательств наличия полномочия, содержащиеся в статье 4, применялись *mutatis mutandis* к органам и представителям, намеревающимся совершить от имени своих государств акты, касающиеся недействительности, прекращения или приостановления действия договора или же отказа от договора. В данной статье и изложено соответствующее постановление.

Статья 50

Порядок осуществления предусматриваемых международным договором прав

1. Уведомление о прекращении международного договора, отказе от него или приостановлении его действия на основании права, прямо или косвенно предусматриваемого в этом договоре, должно быть передано дипломатическим

или иным официальным путем каждому другому участнику этого договора непосредственно или через депозитария.

2. Если в договоре не предусмотрено иное, указанное уведомление может быть аннулировано в любое время до дня вступления его в силу.

Комментарий

1) Эта статья относится к порядку осуществления прямо или косвенно предусматриваемого в международном договоре права на прекращение этого договора, отказ от него или приостановление его действия. Необходимый акт представляет собой уведомление, и это уведомление обычно имеет письменную форму. Для того чтобы избежать затруднений, важно, чтобы такое уведомление не только исходило от органа или представителя, имеющего соответствующее право согласно предшествующей статье, но и было официально передано другим заинтересованным государствам. Нечего и говорить, что такое уведомление должно отвечать всем условиям, установленным в самом договоре. Например, в договорах, заключаемых на последовательные сроки в несколько лет каждый, часто встречается условие, согласно которому уведомление должно совершаться не менее, чем за шесть месяцев до истечения какого-либо из таких сроков.

2) Поэтому в пункте 1 предусматривается, что уведомление о прекращении и т.д. должно быть официально передано всем другим участникам договора непосредственно или через депозитария. Иногда случается, в моменты напряжения, что прекращение договора или угроза прекращением его оглашается публично, но никакого уведомления соответствующему государству не передается. Однако определенно важно, чтобы соответствующие заявления, на каком бы уровне они ни делались, не считались заменой официального акта, которого требуют дипломатические обычаи и юридические нормы.

3) Пункт 2 относится к небольшому, но важному вопросу, и предусматривает, что уведомление о прекращении и т.д. может быть аннулировано в любое время до вступления его в силу. Таким образом, если какой-нибудь договор может быть прекращен с предупреждением за шесть месяцев, совершенное согласно этому договору уведомление может быть аннулировано в любое время, пока, в результате истечения шестимесячного срока, оно не вступит в силу. В Комиссии был поставлен вопрос о возможной необходимости защитить интересы других участников договора, если они изменили свое положение, приняв предварительные меры, исходя из того предположения, что определенное государство выйдет из числа участников. Комиссия нашла, однако, что право аннулировать уведомление в действительности косвенно вытекает из того постановления, согласно которому уведомление приобретает силу только по

истечении определенного срока. Другим участникам договора всегда известно, что уведомление не имеет силы до истечения установленного срока, и, несомненно, они должны принимать это обстоятельство во внимание, делая какие-либо приготовления.

Статья 51

Порядок, соблюдаемый в иных случаях

1. Участник международного договора, утверждающий, безотносительно к какому-либо постановлению этого договора, что этот договор является недействительным или что существует основание для прекращения этого договора, отказа от него или приостановления его действия, обязан уведомить другого участника или других участников о своей претензии. В этом уведомлении должны быть указаны:

а) меры, которые предлагается принять в отношении этого договора, а также основания упомянутого утверждения;

б) разумный срок для ответа другого участника или других участников, причем этот срок не должен быть меньше трех месяцев, кроме случаев особой срочности.

2. Если никто из участников не заявит никаких возражений, или если никакого ответа не будет получено до истечения назначенного срока, сделавший уведомление участник может принять предложенные меры. В таком случае он сообщает об этом другому участнику или другим участникам.

3. Если же какой-либо другой участник заявит возражение, стороны должны принять меры к разрешению вопроса при помощи средств, указанных в статье 33 Устава Организации Объединенных Наций.

4. Ничто в предшествующем пункте не отражается ни на правах, ни на обязанностях участников, основанных на каких-либо обязательных для них действующих постановлениях об урегулировании споров.

5. За исключением случаев, предусматриваемых в статье 47, то обстоятельство, что какое-либо государство не сделало ранее никакого уведомления другому участнику или другим участникам, не препятствует ему сослаться на недействительность договора или на какое-либо основание для его прекращения в ответ на требование об исполнении этого договора или на жалобу, содержащую утверждение о его нарушении.

Комментарий

1) Как уже упомянуто в предыдущих коммента-

риях, многие члены Комиссии считали эту статью ключевой, в некоторых отношениях, статьей для применения постановлений разделов II и III части II международного договорного права. Они считали, что некоторые из оснований, по которым договоры могут считаться недействительными или прекращенными согласно этим разделам, если на эти основания будет разрешено произвольно ссылаться при наличии возражений со стороны другого участника, могут создать действительную угрозу прочности международных договоров. Они полагали, что эта опасность особенно серьезна, поскольку речь идет о притязаниях на денонсацию договора или отказ от договора вследствие имевшего якобы место нарушения его другим участником или вследствие фундаментального изменения обстоятельств. Для того чтобы свести эту опасность к минимуму, Комиссия попыталась по возможности точно и объективно определить те условия, при которых возможны ссылки на различные основания. Однако, если какой-либо участник договора ссылается на одно из этих оснований, решение вопроса о том, правильна его претензия или неправильна, почти всегда зависит от фактов, установление или оценка которых может вызывать споры. Поэтому Комиссия считала, что важно, чтобы в данной статье были предусмотрены процедурные гарантии против возможности произвольных утверждений, что договор недействителен или прекращен в соответствии с положениями разделов II и III, используемыми в качестве благовидного предлога с целью избавиться от неудобных обязательств.

2) Во время споров государства нередко делали заявления, из которых следовало, что они исходят из того, что установление недействительности или прекращение договора возможны только при согласии обеих сторон. При такой трактовке вопроса, однако, применение принципов, определяющих недействительность и прекращение международных договоров, ставится в зависимость от воли государства, заявляющего возражение, не в меньшей степени, чем произвольное утверждение о недействительности или прекращение договора ставит применение этих принципов в зависимость от воли государства, заявляющего претензию. Разумеется, эта проблема — знакомая проблема урегулирования разногласий между государствами. Что касается международных договоров, то здесь имеется особое соображение, а именно то, что стороны, ведущие переговоры и заключающие договор, устанавливают между собой такое отношение, при котором существуют определенные обязательства поступать добросовестно. Некоторые члены Комиссии категорически высказывались за то, чтобы была сделана рекомендация о распространении на применение настоящих статей обязательности судебного урегулирования споров Международным Судом, если стороны не договорятся об ином способе урегулирования. Однако другие члены Комиссии указывали на то, что Женевские конвенции по морскому праву и две Венские конвенции о дипломатических и консульских отношениях не предусматривают обяза-

тельной юрисдикции. Не отрицая значения обращения к Международному Суду как средства урегулирования споров, возникающих на основании данных статей, эти члены Комиссии высказали мнение, что, при теперешнем состоянии международной практики, Комиссия поступила бы нереалистично, если бы предложила подобное решение процедурной проблемы.

3) После продолжительного обсуждения вопроса Комиссия пришла к выводу, что ей следует, во-первых, предусмотреть какой-то порядок, согласно которому участник договора, ссылающийся на недействительность этого договора или на какое-либо основание для его прекращения, должен был бы сообщать об этом другим участникам и давать им надлежащую возможность высказать свои мнения, а во-вторых — указать, что, в случае заявления другим участником какого-либо возражения, следует искать урегулирования вопроса при помощи средств, указанных в статье 33 Устава. Другими словами, Комиссия считала, что при рассмотрении данной проблемы ей следует принять за основу то общее обязательство государств согласно международному праву «разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость», которое устанавливается в пункте 3 статьи 2 Устава и средства выполнения которого указаны в статье 33 Устава.

4) Поэтому в пункте 1 предусматривается, что участник договора, «утверждающий», что договор является недействительным или что существует основание для его прекращения или приостановления его действия, должен следовать регулярной процедуре, согласно которой он должен прежде всего сообщить другим участникам о своей претензии. Делая это, он должен указать, какие меры он предлагает принять в отношении данного договора и каковы основания его претензии, а также должен назначить другим участникам разумный срок для ответа. Кроме случаев особой срочности, этот срок не должен быть меньше трех месяцев. Вторая стадия выполнения этого порядка зависит от того, заявит или не заявит какой-либо участник возражение. Если не заявлено возражений или если до истечения указанного срока не поступает никаких ответов, соответствующий участник может принять предложенные меры. Если, однако, заявлено возражение, участники договора должны искать решения вопроса при помощи средств, указанных в статье 33 Устава. Комиссия не нашла возможным выводить процедурные постановления за эти пределы, не входя, в какой-то мере и в той или иной форме, в обсуждение вопроса о принудительном разрешении существующих между сторонами споров. Если после использования средств, указанных в статье 33, стороны заходят в тупик, каждое правительство должно само дать оценку положению вещей и действовать добросовестно. Остается также право каждого государства, независимо от того состоит или не состоит оно членом

Организации Объединенных Наций, передать, при некоторых условиях, спор в компетентный орган Организации Объединенных Наций.

5) Даже если, по мотивам, упомянутым выше в настоящем комментарии, Комиссия и считала, что она не должна идти дальше статьи 33 Устава, предусматривая процедурные гарантии против произвольных действий, она полагает, что установление процедурных постановлений данной статьи как составной части объективного права, относящегося к недействительности и прекращению международных договоров, должно быть важным шагом вперед. Прямое подчинение материальных прав, возникающих согласно постановлениям разделов II и III, процедуре, предусматриваемой в данной статье, и те препятствия, которые ставятся этой процедурой на пути односторонних действий, будут, думается, обеспечивать значительную меру защиты против чисто произвольных утверждений о недействительности или прекращении международных договоров.

6) В пункте 4 просто предусматривается, что ничто в этой статье не отражается на положении сторон согласно каким-либо другим постановлениям об урегулировании споров, имеющим силу для этих сторон, независимо от того, содержатся они в самом договоре или в каком-либо другом акте.

7) В пункте 5 оговаривается право любого участника ссылаться на недействительность или прекращение договора в своем ответе на требование об исполнении его или на жалобу на его нарушение, хотя бы это государство и не прибегало ранее к выполнению порядка, предусматриваемого в этой статье для ссылок на недействительность или прекращение договора. В случаях заблуждения, невозможности исполнения или изменения обстоятельств, например, государство может не ссылаться на соответствующее основание до тех пор, пока не встретится с жалобой — может быть даже в судебном учреждении. За исключением предусматриваемых в статье 47 случаев, когда государство само лишает себя возможности ссылаться на какое-либо основание недействительности или прекращения договора, представляется справедливым, что простое упущение сделать своевременно уведомление не должно препятствовать участнику договора поставить вопрос о его недействительности или прекращении в ответ на требование об исполнении.

РАЗДЕЛ VI — ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ, ПРЕКРАЩЕНИЯ ИЛИ ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА

Статья 52

Юридические последствия недействительности международного договора

1. а) Недействительность международного

договора сама по себе не отражается на правомерности действий, добросовестно совершенных каким-либо из участников на основании ничтожного акта до того, как была сделана ссылка на действительность этого акта.

б) От участников этого акта может требоваться установление, по возможности, того положения, которое существовало бы, если бы указанные действия не были совершены.

2. Если недействительность является следствием обмана или принуждения, вмененого одному из участников, то этот участник не может ссылаться на постановления пункта 1 настоящей статьи.

3. Те же принципы применяются в отношении юридических последствий недействительности согласия государства на многосторонний международный договор.

Комментарий

1) Эта статья относится только к юридическим последствиям недействительности международного договора. Она не относится ни к каким вопросам об ответственности или обязанности удовлетворения, возникающей вследствие действий, являющихся причиной недействительности такого договора. В случаях обмана или принуждения, например, определено возникают вопросы об ответственности и удовлетворении, так же как и вопрос о недействительности. Однако эти вопросы находятся за пределами настоящей части, которая относится только к недействительности международного договора.

2) Комиссия находит, что в связи с этой статьей возникает довольно тонкая проблема. Недействительность договора в тех случаях, которые подпадают под раздел II, — это недействительность с самого начала, а между тем, по вполне основательным соображениям, на эту недействительность может не делаться ссылок до тех пор, пока договор не будет применяться в течение некоторого времени. Проблема заключается в определении юридического положения участников договора, исходя из того обстоятельства, что договор является недействительным, но участники его действовали на его основании, как будто он не был недействителен. Комиссия полагает, что в тех случаях, когда ни один из участников не может считаться правонарушителем, поскольку речь идет о причине недействительности, юридическое положение участников должно определяться на основе принципа добросовестности с учетом недействительности данного договора.

3) Поэтому в пункте 1 предусматривается, что недействительность договора не отражается, как таковая, на правомерности действий, добросовестно совершенных каким-либо из участников на основании ничтожного акта, до того как была сделана ссылка

на его недействительность. Это значит, что недействительность договора сама по себе не превращает действий, совершенных на основании права, предоставленного этим договором, в действия противоправные, за которые соответствующий участник несет бы международную ответственность. Это не значит, что указанные действия считаются действительными на будущее время и могут создавать длящиеся права. Напротив, в подпункте *b* прямо предусматривается, что от участников может требоваться «установление, по возможности, того положения, которое существовало бы, если бы указанные действия не были совершены». Другими словами, недействительность договора вызывает, во всех других отношениях, все свои юридические последствия.

4) В пункте 2 исключается, по совершенно очевидным причинам, из сферы применения пункта 1 тот участник договора, совершенный которым обман или принуждение является причиной недействительности.

5) Пункт 3 просто распространяет предшествующие пункты на случаи недействительности согласия отдельного государства на многосторонний договор.

Статья 53

Юридические последствия прекращения международного договора

1. За исключением случаев, предусматриваемых в пункте 2 настоящей статьи, если в соответствующем международном договоре не предусматривается иное, правомерное прекращение этого договора

а) освобождает его участников от всякой обязанности дальнейшего применения этого договора,

б) не отражается ни на правомерности какого-либо действия, совершенного согласно постановлениям этого договора, ни на правомерности какой-либо ситуации, являющейся следствием применения этого договора.

2. Если международный договор прекращается вследствие того, что он стал ничтожным на основании статьи 45, ситуация, являющаяся результатом применения этого договора, сохраняет свое значение, только поскольку она не противоречит той норме общего международного права, установление которой сделало этот договор ничтожным.

3. Если соответствующий договор не предусматривает иного, когда какое-либо определенное государство правомерно денонсирует многосторонний международный договор или отказывается от него,

а) это государство освобождается от всякой обязанности дальнейшего применения этого договора;

б) остающиеся участники договора освобождаются от всякой обязанности дальнейшего применения договора, поскольку это касается их отношений с тем государством, которое денонсировало этот договор или отказалось от него;

с) правомерность всякого действия, совершенного согласно постановлениям этого договора до его денонсации или до отказа от него, и значение любой ситуации, являющейся результатом применения этого договора, не затрагиваются.

4. То обстоятельство, что какое-либо государство было освобождено от обязанности дальнейшего применения договора согласно пунктам 1 или 3 настоящей статьи, никоим образом не затрагивает его обязанности выполнять какие-либо такие предусматриваемые договором обязательства, которые лежат на этом государстве также и в силу какой-либо другой нормы международного права.

Комментарий

1) Статья 53 не имеет, так же как и предыдущая статья, отношения к какому-либо вопросу об ответственности или обязанности удовлетворения, которая может возникать в результате таких являющихся причиной прекращения международного договора действий, как нарушение этого договора одним из его участников. Она относится только к юридическим последствиям прекращения договора.

2) Кроме того случая, который указан в пункте 2 этой статьи, определение юридических последствий прекращения договора не представлялось Комиссии вызывающим к существованию какую-либо особую проблему. В пункте 1 указывается, что прекращение договора освобождает участников его от всякой обязанности дальнейшего его применения, но не затрагивает правомерности каких-либо действий, совершенных согласно этому договору, или какой-либо ситуации, являющейся результатом применения этого договора. Правда, иногда высказываются различные мнения относительно того, в чем именно заключается, после прекращения договора, правовая основа ситуаций, являющихся результатом предшествующего применения постановлений договора. Однако Комиссия не нашла нужным входить в этот теоретический вопрос при разработке постановлений данной статьи, которые, очевидно, логически вытекают из акта прекращения договора.

3) Вместе с тем, особый случай такого прекращения договора, которое является результатом по-

явления новой нормы *jus cogens* и предусматривается в статье 45, представляется Комиссии несколько более сложным. Гипотеза такова, что договор или часть договора действует и применяется в течение какого-то, может быть очень продолжительного, периода времени, а потом становится ничтожным или ничтожной, вступив в конфликт с новой нормой *jus cogens*. Совершенно ясно, что недействительность договора, возникающая таким образом, впоследствии, не является недействительностью *ab initio* и начинается с того момента, когда появилась новая норма *jus cogens*. Справедливость, поэтому, требует, чтобы в принципе применялись правила, установленные в пункте 1 относительно юридических последствий прекращения договора. Однако Комиссия полагает, что, ввиду того, что норма *jus cogens* является высшей нормой международного права, любая ситуация, являющаяся результатом предшествующего применения договора, может сохранять свое значение, только поскольку она не противоречит этой норме. В пункте 2 и содержится соответствующее постановление.

4) В пункте 3 просто приспособляются постановления пункта 1 к случаям отказа отдельного государства от многостороннего договора. В нем учтено, при этом, то обстоятельство, что в некоторых многосторонних договорах содержатся прямые постановления относительно юридических последствий отказа от договора. В статье XIX Конвенции об ответственности лиц, эксплуатирующих ядерные суда⁸⁵, например, прямо предусматривается, что, даже после прекращения этой Конвенции, ответственность за ядерные несчастные случаи продолжается в течение некоторого срока в отношении судов, разрешение на эксплуатацию которых было получено еще при действии этой Конвенции. Далее, некоторые международные договоры — например, Европейская конвенция о правах человека и основных свободах⁸⁶ — прямо предусматривают, что денонсация договора не освобождает государство от его обязанностей в отношении действий, совершенных во время действия договора.

5) В пункте 4 предусматривается, *ex abundantia cautela*, что освобождение от обязанности дальнейшего применения постановлений договора никоим образом не отражается на обязанности участников выполнять такие предусматриваемые договором обязательства, которые лежат на них также и согласно общему международному праву или какому-либо другому договору. Это обстоятельство, хотя оно и самоочевидно, было признано заслуживающим упоминания в данной статье, ввиду того что во многих важнейших конвенциях, содержащих нормы общего международного права и даже нормы *jus cogens*, имеются постановления о денонсации. Некоторые конвенции, такие как Женевские конвенции 1949 года о гуманизации войны, прямо предусматривают, что денонсация не затрагивает обязательств, лежащих на участниках в силу общего международного права. Однако

в большинстве международных договоров денонсация их предусматривается без указания на то, что денонсирующее государство остается связанным обязательствами, основанными на общем международном праве и относящимися к тем вопросам, к которым относится и соответствующий договор⁸⁷.

Статья 54

Юридические последствия приостановления действия международного договора

1. Поскольку иное не предусмотрено в постановлениях самого договора, приостановление действия международного договора

а) освобождает его участников от обязательства применять этот договор в течение того срока, на который действие его приостановлено,

б) ни в чем ином не отражается на правоотношениях между участниками, установленных этим договором,

с) и, в частности, не отражается ни на правомерности какого-либо действия, совершенного согласно постановлениям этого договора, ни на правомерности какой-либо ситуации, являющейся результатом применения этого договора.

2. В течение того срока, на который действие договора приостановлено, участники должны воздерживаться от действий, рассчитанных на то, чтобы сделать невозможным возобновление действия этого договора.

Комментарий

1) Эта статья, так же как и две предшествующие статьи, не затрагивает вопроса об ответственности. Она относится только к непосредственным юридическим последствиям приостановления действия договора.

2) В пункте 1 этой статьи правила, устанавливаемые в пункте 1 статьи 53 для случаев прекращения договоров, приспособляются к случаям приостановления действия договоров. Участники договора освобождаются от обязанности применять договор в течение того срока, на который приостановлено его действие. Однако установленные договоры правоотношения между ними ни в чем ином не затрагиваются фактом приостановления его действия. Не затрагивается и правомерность действий, совершенных согласно договору ранее, и ситуаций, являющихся результатом применения договора.

3) Приостановление действия договора, вместо его прекращения, совершается именно с целью сохранить договорные правоотношения. Поэтому участники договора обязаны добросовестно воздерживаться от действий, рассчитанных на то, чтобы сделать применение договора и, следовательно, возобновление его действия невозможными.

Глава III

ВОПРОС О РАСШИРЕНИИ УЧАСТИЯ В ГЕНЕРАЛЬНЫХ МНОГОСТОРОННИХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД ЭГИДОЙ ЛИГИ НАЦИЙ

18. По рекомендации Шестого комитета Генеральная Ассамблея приняла на 1171-м заседании 20 ноября 1962 г. следующую резолюцию⁸⁸:

«Генеральная Ассамблея,

принимая к сведению пункт 10 примечания к статьям 8 и 9 проекта статей о международных договорах, содержащегося в докладе Комиссии международного права о работе ее четырнадцатой сессии,

желая подвергнуть этот вопрос дальнейшему рассмотрению,

1. порукает Комиссии международного права продолжить изучение вопроса о расширении участия в генеральных многосторонних международных договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций, учитывая мнения, высказанные во время дебатов на семнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи, и включить результаты этого изучения в доклад Комиссии о работе ее пятнадцатой сессии;

2. постановляет включить в предварительную повестку дня своей восемнадцатой сессии следующий пункт: «Вопрос о расширении участия в генеральных многосторонних международных договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций».

19. Кроме кратких отчетов о дебатах, происходивших в Шестом комитете, Комиссия имела в своем распоряжении записку Генерального Секретаря, содержащую краткую сводку этих дебатов (A/CN.4/159 и Add.1), а также доклад, озаглавленный «Вопрос о расширении участия в генеральных многосторонних международных договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций (резолюция 1766 (XVII) Генеральной Ассамблеи)», который был представлен специальным докладчиком по международным договорам. Комиссия рассмотрела этот вопрос на 712-м и 713-м заседаниях.

20. Как видно из текста резолюции, исследование, которое Комиссии было поручено продолжить, относится к вопросу, поставленному в пункте 10 комментария к статьям 8 и 9 составленного Комиссией

проекта статей о международных договорах. В этом пункте Комиссия обратила внимание на «вопрос о присоединении новых государств к генеральным многосторонним договорам, которые были заключены в прошлом и постановления которых о составе участников ограничивают этот состав государствами определенных категорий». Она указала на то, что некоторые затруднения технического характера не позволяют найти какое-либо скорое и удовлетворительное решение этой проблемы при помощи того проекта статей о международных договорах, который разрабатывается в настоящее время. Полагая, что следует, поэтому, рассмотреть вопрос о возможности более скорого разрешения этой проблемы в каком-либо ином порядке, Комиссия отметила следующее:

«По-видимому, установлено, что открытие международного договора для присоединения новых государств, хотя оно и требует согласия государств, которые имеют голос в этом вопросе, не вызывает необходимости заключения нового договора, изменяющего или дополняющего старый. Во-первых, возможно принятие, через депозитариев отдельных договоров, административных мер для получения необходимого согласия государств, заинтересованных в каждом договоре. Известно, что подобные меры в некоторых случаях принимались. Можно рассмотреть вопрос и о другой возможности, а именно о принятии решения о получении необходимого согласия в форме резолюции Генеральной Ассамблеи, по которой каждое государство-член согласилось бы на то, чтобы включенные в определенный перечень международных договоры универсального характера были открыты для присоединения новых государств. Правда, может оказаться необходимым и согласие немногих государств, не состоящих членами Организации Объединенных Наций. Однако нельзя считать невозможным выработку какого-то порядка для получения согласия этих государств на условия такой резолюции»⁸⁹.

21. При обсуждении доклада Комиссии члены Шестого комитета просили сообщить им более подробные сведения о соответствующих международных договорах. Поэтому Секретариат представил рабочий документ⁹⁰, в котором были указаны те заключенные под эгидой Лиги Наций многосторонние соглашения,

в отношении которых Генеральный Секретарь выполняет функции депозитария и которые не открыты для вступления новых государств. В части А перечня этих договоров указано двадцать шесть соглашений, вступивших в силу, а в части В — пять соглашений, еще не вступивших в силу. Ввиду того что к настоящему времени прошло уже больше четверти столетия, и договоры, упоминаемые в части В, не встретили той поддержки, которая была необходима для вступления их в силу, Комиссия решила теперь ограничиться изучением только тех договоров, которые упоминаются в части А.

22. Комиссия истолковывает данное ей Генеральной Ассамблеей поручение, как относящееся только к техническим аспектам вопроса о расширении участия в договорах Лиги Наций. Поэтому в своем настоящем исследовании Комиссия будет рассматривать этот вопрос вообще, поскольку он касается тех двадцати шести договоров, которые указаны в части А перечня Секретариата, не входя в рассмотрение вопроса о том, сохраняет ли тот или иной договор свою полезность в настоящее время. Однако во время дискуссии было подчеркнуто, что многие из договоров, указанных в части А, утратили, может быть, свое значение ввиду существования новых договоров, заключенных в период Организации Объединенных Наций, тогда как другие утратили в значительной мере интерес для государств, вследствие истечения большого промежутка времени. Было, далее, отмечено, что, по-видимому, не предпринималось никакого пересмотра этих договоров с целью выяснить, совершенно независимо от их постановлений относительно участия в них, нуждаются ли они в каких-либо изменениях по существу, для того чтобы отвечать современным условиям. Поэтому Комиссия решила обратить внимание Ассамблеи на этот аспект вопроса и указать, что в свое время следует приступить к такому пересмотру.

23. В пяти из упомянутых двадцати шести договоров содержатся очень определенные постановления относительно участия в них ограничивающие круг участников государствами, которые были представлены или были приглашены к участию на выработавших эти договоры конференциях⁹¹. Короче говоря, имелось, очевидно, в виду, что эти договоры должны быть договорами закрытыми. Остальные договоры (двадцать один) должны были быть, по замыслу, определенно открытыми договорами, ибо постановления об участии в них были изложены таким образом, чтобы вступить в них могло любое не участвовавшее в конференции государство, которому Совет Лиги пошлет для этой цели копию договора. Эти договоры превратились в договоры закрытые только потому, что прекратили существование Лига и ее Совет, а в Организации Объединенных Наций не было никакого органа, который осуществлял бы права, принадлежавшие ранее Совету Лиги на основании этих договоров.

24. Соглашения между Лигой Наций и Организацией Объединенных Наций о передаче Организации Объединенных Наций некоторых функций, видов деятельности и активов Лиги относились, в частности, к функциям и правам, принадлежавшим Лиге Наций на основании международных соглашений. На своей последней сессии Собрание Лиги приняло резолюцию, которой рекомендовало членам Лиги всячески содействовать тому, чтобы Организация Объединенных Наций могла бесперебойно принимать на себя функции и права, присвоенные Лиге по тем международным соглашениям технического и неполитического характера, которые Организация Объединенных Наций пожелает сохранить⁹². Генеральная Ассамблея, со своей стороны, в разделе I резолюции 24 (I) от 12 февраля 1946 г., сохранила за собой «право, по надлежащем изучении, решить о непринятии для себя тех или иных функций или полномочий, и определить, какой из органов Объединенных Наций, или какое специализированное учреждение, поставленное в связь с Объединенными Нациями, должно выполнять каждую отдельную функцию или полномочие, принятое на себя Организацией». Указав, однако, что, в силу этой резолюции, те члены Организации Объединенных Наций, которые участвуют в соответствующих актах, согласились на намеченные мероприятия и будут оказывать свои добрые услуги для обеспечения содействия со стороны других участников этих актов, поскольку это необходимо, Генеральная Ассамблея заявила, что, в принципе, она намерена принять на себя выполнение некоторых функций и осуществление некоторых прав, ранее принадлежавших Лиге. В свете этого заявления, она вынесла три постановления (А, В и С), которые содержатся в резолюции 24 (I)⁹³.

25. В постановлении А было указано, что по некоторым договорам Лига приняла на себя, для общего удобства участников этих договоров, обязанность хранить подлинники подписанных текстов и «выполнять некоторые относящиеся к секретариату функции, которые не затрагивают применения актов и не касаются существенных прав и обязанностей участников». Изложив затем некоторые из главных функций депозитария, Генеральная Ассамблея заявила о готовности Организации Объединенных Наций «принять на себя хранение означенных актов и поручить Секретариату Объединенных Наций выполнение, для участников этих актов, обязанностей секретариата, возлагавшихся прежде на Лигу Наций»⁹⁴. Здесь можно отметить, что, хотя функции Секретариата Лиги как депозитария и являлись, может быть, функциями чисто секретарскими, эти функции были возложены на него участниками соответствующих международных договоров, а не Лигой Наций, так как назначение Секретариата Лиги депозитарием было предусмотрено в «заключительном постановлении» каждого договора. Поэтому передача Секретариатом Лиги Секретариату Организации Объединенных Наций функций депозитария представляла собой изменение заключительных поста-

новлений этих договоров. Правда, Собрание Лиги поручило своему Генеральному секретарю передать Секретариату Организации Объединенных Наций все тексты договоров Лиги Наций для хранения и выполнения функций, ранее выполнявшихся Секретариатом Лиги. Однако, хотя Генеральная Ассамблея, как уже сказано, подчеркнула согласие на такую передачу тех членов Организации Объединенных Наций, которые участвуют в определенных договорах, она не попыталась получить согласие всех участников различных договоров. Она просто приняла на себя функции депозитария этих договоров резолюцией 24 (I) и поручила Секретариату выполнять эти функции. Ни одним из участников не было заявлено никаких возражений, и после того, как эта резолюция была принята, Генеральный Секретарь все время выполнял обязанность депозитария этих договоров⁹⁵.

26. Вместе с тем, в содержащемся в резолюции 24 (I) постановлении А был подчеркнут чисто секретарский характер переданных Секретариату функций депозитария и было указано, что они не касаются «применения актов» и не относятся к «существенным правам и обязанностям участников». Поэтому, когда речь шла о закрытых договорах, включая те, которые превратились в закрытые только потому, что прекратил свое существование Совет Лиги, Генеральный Секретарь не считал себя вправе, согласно постановлению указанной резолюции, принимать подписи, ратификации или присоединения от государств, на которых не распространялись постановления об участии в соответствующих договорах.

27. Постановление В указанной резолюции относилось к актам «технического и неполитического характера», содержащим постановления, «относящиеся к существу актов», должное исполнение которых зависело от продолжения осуществления тех функций и прав, которые были присвоены этими актами органам Лиги. Генеральная Ассамблея изъявила свою готовность «принять необходимые меры для обеспечения непрерывного осуществления этих функций и полномочий» и передала вопрос на рассмотрение в Экономический и Социальный Совет. Постановление С относилось к функциям и правам, присвоенным Лиге актами, имеющими политический характер. Что касается этих актов, то Генеральная Ассамблея решила, что она будет либо рассматривать сама, либо передавать в соответствующий орган Организации Объединенных Наций любую просьбу участников этих актов о принятии на себя Организацией Объединенных Наций тех функций или прав, которые были присвоены Лиге.

28. В соответствии с постановлениями В и С Генеральная Ассамблея утвердила, в период с 1946 по 1953 год, семь протоколов, которыми изменялись старые многосторонние договоры, и органам Организации Объединенных Наций передавались функции и права, ранее осуществлявшиеся Лигой. Эти протоколы относились к различным договорам, касав-

шимся 1) опиума и опасных наркотиков (United Nations Treaty Series, vol.12, p.179), 2) экономической статистики (United Nations Treaty Series, vol.20, p.229), 3) распространения порнографической литературы (United Nations Treaty Series, vol.30, p.3), 4) торговле живым товаром (United Nations Treaty Series, vol.30, p.23), 5) распространения и продажи порнографической литературы (United Nations Treaty Series, vol.46, p.169), 6) торговли женщинами и детьми (United Nations Treaty Series, vol.53, p.13) и 7) рабства (United Nations Treaty Series, vol.182, p.51). Во всех этих протоколах, помимо внесения всех необходимых изменений по существу, была использована возможность заменить содержащиеся в старых договорах постановления об участии в них новыми постановлениями, открывающими эти договоры для присоединения любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом этой Организации государства, которому Экономический и Социальный Совет постановит официально препроводить копию измененного договора. Именно по этой причине договоры Лиги Наций, к которым относятся эти протоколы, не были включены в часть А составленного Секретариатом перечня многосторонних соглашений, которые не являются открытыми для новых государств.

29. Когда вопрос о расширении права участия в закрытых договорах Лиги Наций рассматривался в Шестом комитете, некоторые делегации, а именно делегации Австралии, Ганы и Израиля⁹⁶, сообщили проект резолюции, направленный на осуществление этой цели. В этом проекте резолюции, в его окончательной форме, после упоминания о приведенном ранее месте из доклада Комиссии за 1962 год и о резолюции 24 (I) содержалось предложение, согласно которому Генеральная Ассамблея должна была 1) поручить Генеральному Секретарю просить участников конвенций, перечисленных в приложении к этой резолюции (т.е. конвенций, перечисленных в части А рабочего документа Секретариата), сообщить в течение двенадцатимесячного срока, считая от даты запроса, возражают ли они против того, чтобы те конвенции, в которых они участвуют, были открыты для акцепта их любым государством-членом Организации Объединенных Наций или какого-либо специализированного учреждения; 2) уполномочить Генерального Секретаря, если большинство участников какой-либо конвенции не заявит, в течение указанного в пункте 1 срока, возражений против открытия этой конвенции для акцепта, принимать в депозит грамоты об акцепте этой конвенции, представляемые любыми государствами-членами Организации Объединенных Наций или каких-либо специализированных учреждений; 3) рекомендовать всем государствам, участвующим в конвенциях, перечисленных в приложении к этой резолюции, признавать юридическое значение грамот об акцепте, депонированных согласно пункту 2, и уведомлять Генерального Секретаря, как депозитария, об их согласии на участие в этих конвенциях государств, депонировавших, таким об-

разом, грамоты об акцепте; 4) поручить Генеральному Секретарю сообщать государствам-членам Организации о полученных им в соответствии с этой резолюцией уведомлениях.

30. Авторы этого проекта резолюции разъяснили, что выполнение предлагаемого ими в этом проекте плана должно состоять из трех стадий. Во-первых, участники конвенции должны быть запрошены о том, возражают ли они против открытия этой конвенции. Во-вторых, Генеральный Секретарь должен быть уполномочен принимать новые грамоты об акцепте. В-третьих, государствам должно быть рекомендовано признавать юридическое значение вновь депонированных грамот. Они считали, что первые две стадии носят чисто административный характер и не затрагивают юридических отношений. Третья стадия, относящаяся к признанию юридического значения вновь депонированных грамот, должна означать только рекомендацию, и каждое государство должно само определять метод такого признания с учетом требований своего собственного внутреннего законодательства.

31. Во время дебатов в Шестом комитете были сделаны некоторые оговорки, касавшиеся предложенной в совместном проекте резолюции процедуры. Некоторые представители считали, что в действительности первая стадия будет относиться к согласию участников конвенций на изменение тех правил об участии в них, которые были в этих конвенциях установлены, и что, по соображениям, относящимся к международному и конституционному праву, согласие на подобное изменение не может даваться неформально или молчаливо — просто путем непредставления возражений. Некоторые представители указывали, что во избежание неопределенности и затруднений, связанных с постановлениями конституций, лучше, с юридической точки зрения, было бы составить протокол об изменении этих конвенций, как Генеральная Ассамблея делала раньше в других случаях⁹⁷. Однако авторы проекта резолюции трех держав и некоторые другие делегации высказали мнение, что если требовать прямого согласия, то разрешение вопроса об участии новых государств может затянуться на несколько лет, и что такое требование излишне.

32. Некоторые представители считали, что то обстоятельство, что договоры Лиги могут быть приобрели обязательную силу для некоторых новых государств, оказавшихся преемниками участников этих договоров, затрудняет составление того перечня теперешних участников этих договоров, который необходим согласно данному проекту резолюции. Другой представитель полагал, что приглашать новые государства присоединиться к указанным конвенциям — значит игнорировать возможность того, что они стали участниками этих конвенций в порядке преемства и что подобное приглашение может предопределить ход работы Комиссии международного

права над вопросом о правопреемстве государств. Авторы же проекта резолюции стали на ту точку зрения, что вопрос об открытии международных договоров для новых присоединений не имеет никакого отношения к вопросу о правопреемстве государств и не может, поэтому, предопределить ход работы Комиссии над этим последним вопросом.

33. Далее, многие представители высказали мнение, что если участие в соответствующих договорах следует открыть для каких-либо еще не участвующих в них государств, то это не должно быть только государства-члены Организации Объединенных Наций или специализированных учреждений, как предусмотрено в проекте резолюции.

34. Относительно этого проекта резолюции были высказаны и некоторые другие замечания. Один из представителей указал на то, что содержащееся в этом проекте положение, согласно которому постановление об открытии международного договора для новых участников могло быть принято простым большинством голосов, очевидно не отвечало подпункту «а» пункта 1 статьи 9 предварительного проекта статей о международных договорах, принятого Комиссией в 1962 году, согласно которому требовалось большинство в две трети голосов. Другой представитель полагал, что следовало разъяснить, что присоединяющиеся государства не могут делать оговорки, так как сомневался в том, что относящаяся к оговоркам новая практика может применяться к старым договорам.

35. Как ей было предложено, Комиссия должным образом учла взгляды, высказанные при обсуждении этого вопроса на семнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи. Комиссия считает, однако, что ее задачей было не представить подробные комментарии к этим взглядам, а изучить технические аспекты данного вопроса вообще, и представить доклад.

36. Прежде всего следует установить, какое отношение имеет настоящий вопрос к вопросу о преемстве государств в договорах Лиги Наций, так как это отношение определенно имеет значение также и при рассмотрении технических аспектов открытия международных договоров для новых участников. Так, согласно совместному проекту резолюции Генеральный Секретарь должен был бы «просить участников конвенций, перечисленных в приложении», сообщить в течение двенадцатимесячного срока, возражают ли они против «открытия тех конвенций, в которых они участвуют», и т.д., и ему предоставлялось право принимать в депозит грамоты об акцепте от других государств только в том случае, если «большинство участников какой-либо конвенции» не заявит возражений против открытия этой конвенции. Другими словами, как для соответствующего запроса, так и для установления того момента, когда возникает право Генерального Секретаря принимать от других государств грамоты, необходимо

было бы выяснять, кто участвует в соответствующих договорах. Равным же образом, если будет составлен протокол об изменении договоров Лиги, то для придания такому протоколу силы потребуется участие в нем определенного числа или определенного процента участников каждого такого договора. Таким образом, здесь опять-таки будет необходимо выяснить, кто участвует в соответствующих договорах Лиги.

37. Как явствует из меморандума Секретариата о правопреемстве государств в отношении генеральных многосторонних международных договоров, депозитарием которых является Генеральный Секретарь (A/CN.4/150), в настоящее время Генеральный Секретарь придерживается практики запрашивать каждое новое государство о том, признает ли оно для себя обязательными договоры Организации Объединенных Наций и договоры Лиги, измененные протоколами Организации Объединенных Наций, в тех случаях, когда применение таких договоров было распространено на его территорию тем государством, правопреемником которого оно является⁹⁸. В результате подобных запросов многие новые государства сообщили, каково их отношение к некоторым из договоров Лиги. Однако эта практика ранее не распространялась на те договоры Лиги, о которых идет речь теперь. Согласно сведениям, приведенным в меморандуме Секретариата, в отношении этих договоров заняты следующие позиции: Пакистан по своей собственной инициативе сообщил Генеральному Секретарю, что он считает себя участником трех из этих договоров, а Лаос сделал то же самое в отношении одного договора. Об этих сообщениях были уведомлены заинтересованные правительства.

38. Вопрос о точном определении юридического положения нового государства, территория которого находилась ранее под суверенитетом какого-либо другого государства, участвовавшего в договоре Лиги или подписавшего такой договор, требует изучения тех принципов международного права, которыми регулируется преемство государств в правах и обязанностях по международным договорам. Совершенно ясно, что, если в отношении этих принципов принять определенную точку зрения, участие в договорах Лиги может быть открыто значительному числу новых государств без принятия через Организацию Объединенных Наций каких-либо специальных мер с целью открыть эти договоры для этих государств. Однако придется, может быть, разрешить целый ряд довольно трудных вопросов, прежде чем можно будет выяснить, в какой мере эта проблема может быть разрешена на основании принципов преемства. Многие из договоров Лиги, например, не были ратифицированы значительным числом подписавших их государств, и возникает вопрос, каково может быть положение нового государства, предшественник которого по территории подписал какой-либо договор, но не был участником этого договора. Комиссия только недавно присту-

пила к изучению этой отрасли международного права, и ничто в предыдущих замечаниях не должно считаться каким-либо образом предопределяющим ее мнение по какому-либо аспекту вопроса о преемстве в международных договорах. Здесь Комиссия должна только указать, что, ввиду некоторых трудностей, едва ли можно ожидать, чтобы принципы, регулирующие преемство государств в правах и обязанностях по международным договорам, обеспечили скорое или полное разрешение рассматриваемой теперь проблемы.

ПРОТОКОЛЫ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ДОГОВОРОВ

39. Если эта процедура и имеет то достоинство, что устраняет всякую возможность затруднений конституционного порядка, то она имеет и свои недостатки. Во-первых, процедура, которая была установлена для семи протоколов, упомянутых выше в пункте 28, довольно сложна. Составляется протокол, по которому участники его обязуются применить, поскольку это касается отношений между ними, те поправки к определенному договору Лиги, которые изложены в приложении к этому протоколу. Этот протокол открыт для подписания или акцепта только государствам, участвующим в соответствующем договоре Лиги, и в нем прямо предусматривается, что он вступает в силу, когда какие-либо два такие государства станут его участниками. Поправки же к указанному договору Лиги, содержащиеся в приложении к этому протоколу, не вступают в силу до тех пор, пока большинство участников этого договора Лиги не станут участниками протокола. Среди упомянутых поправок имеются постановления, согласно которым договор Лиги, с внесенными в него протоколом изменениями, открыт для присоединения любому члену Организации Объединенных Наций и любому такому не состоящему членом этой Организации государству, которому назначенный для этой цели орган Организации Объединенных Наций решит официально препроводить копию измененного договора. Таким образом, согласно той процедуре, которая существует для протоколов Организации Объединенных Наций, устанавливаются разные сроки для вступления в силу самого протокола и для вступления в силу поправок к соответствующему договору Лиги. Далее участники первоначального договора становятся участниками измененного договора по подписании ими протокола, а другие государства — по присоединении их к измененному договору.

40. Во-вторых, протокол имеет силу только для его участников и только поскольку это касается отношений между ними. Это неизбежно, так как, согласно действующему праву, если договор прямо не предусматривает иное, ограниченное число участников, хотя бы и составляющее большинство, не может изменить международный договор таким образом, чтобы это отразилось на применении его к остальным участникам, без их согласия. Это, од-

нако, означает, что протокол об изменении не вполне разрешает проблему расширения участия в договорах Лиги Наций, так как присоединение к измененному договору не устанавливает никаких договорных отношений между присоединившимся государством и теми участниками первоначального договора, которые не подписали этот протокол. Возможно, далее, потребуется какое-то время, пока будет совершено необходимое для вступления в силу постановления об изменении договора число подписей и присоединений. Следовательно, даже если будет признано возможным использование какой-то упрощенной формы протокола, эта процедура будет, все-таки, иметь известные недостатки.

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ ТРЕХ ДЕРЖАВ

41. Высказывая мысль о том, что можно было бы рассмотреть вопрос о возможности разрешения настоящей проблемы в административном порядке через депозитария соответствующих договоров, Комиссия имела в виду, что международные соглашения заключаются теперь в самых разнообразных формах и что, когда речь идет о многосторонних договорах, сношения через депозитария являются нормальным способом выяснения взглядов заинтересованных государств по вопросам, касающимся применения заключительных постановлений. С точки зрения международного права, единственным существенным условием для открытия договора для участия других государств является, надо полагать, согласие участников и, в течение некоторого срока, также согласие государств, составивших договор. Соображения конституционного или политического порядка могут влиять на решение заинтересованных государств относительно той определенной формы, в которой такое согласие должно быть изъявлено в каждом конкретном случае. В принципе, однако, согласие заинтересованного государства может быть изъявлено в любой форме, которую оно само установит.

42. Авторы проекта резолюции трех держав, исходя, по-видимому, из этой предпосылки, имели в виду получение необходимого согласия посредством запросов, направляемых участникам различных договоров Генеральным Секретарем в качестве депозитария этих договоров. Эти запросы должны были бы иметь негативную форму обращенных к участникам каждого договора вопросов о том, возражают ли они против открытия этого договора для акцепта любому государству-члену Организации Объединенных Наций или какого-либо специализированного учреждения. Во избежание проволочек, в этой резолюции указывается, что участникам должно быть предложено дать ответы в течение двенадцатимесячного срока и что отсутствие ответа в течение этого срока должно считаться равнозначным отсутствию возражения, исключительно поскольку такое отсутствие является условием возникновения права Генерального Секретаря принимать в депозит от членов Организации Объединенных Наций и членов специали-

зированных учреждений грамоты об акцепте. Право Генерального Секретаря принимать в депозит такие грамоты должно возникать по истечении двенадцатимесячного срока, в течение которого большинством участников договора не будет заявлено никаких возражений. Однако подобного «молчаливого согласия» большинства очевидно не достаточно для того, чтобы депонированные у Генерального Секретаря грамоты об акцепте приобрели юридическое значение даже для тех участников договора, презумпция согласия которых таким образом устанавливается. Ведь согласно пункту 3 проекта резолюции всем участникам договора должно быть также рекомендовано признавать юридическое значение указанных грамот и уведомлять Генерального Секретаря о своем согласии на участие соответствующих государств в этом договоре.

43. Различные соображения, которые были высказаны в Шестом комитете относительно проекта резолюции трех держав, приведены выше в пунктах 30—34, а вопрос о значении правопреемства государств при выяснении того, кто участвует в договорах Лиги, уже обсужден в пунктах 36—37. Окончательную оценку достоинств и недостатков этого проекта резолюции с юридической точки зрения, как средства для разрешения настоящей проблемы, должен дать Шестой комитет. Поэтому Комиссия ограничится некоторыми замечаниями общего характера, имея в виду помочь Шестому комитету определить свое решение по вопросу о том, какой порядок лучше всего установить, принимая во внимание все обстоятельства дела.

44. Предлагаемый в проекте резолюции трех держав порядок открывает возможность несколько более скорого процесса, чем тот, который может быть результатом составления протокола об изменении, но не устраняет некоторых недостатков последнего. Его результаты поставлены в зависимость от молчаливого согласия «большинства участников» и, таким образом, для того, чтобы выполнение этого порядка приводило к должным результатам, необходимо, очевидно, тщательно выяснять — какие именно государства должны считаться участниками. В связи с этим можно отметить, что в последних протоколах Организации Объединенных Наций имелось в виду довести до минимума затруднение, возникающее вследствие необходимости устанавливать, кто участвует в договорах Лиги, поставив вступление в силу в зависимость от принятия их определенным числом участников, а не большинством их.

45. Вместе с тем, можно указать на то, что требование простого большинства, предусматриваемое в проекте резолюции, так же как и в протоколах Организации Объединенных Наций, не противоречит норме, изложенной в подпункте а пункта 1 статьи 9 выработанного Комиссией проекта статей, согласно которому многосторонний договор может быть от-

крыт для участия в нем тех государств, для которых он первоначально открыт не был, только с согласия двух третей его участников. Эта норма была предложена Комиссией *de lege ferenda* и согласно этой норме согласие двух третей участников должно иметь обязательную силу для всех участников. Согласно же проекту резолюции трех держав и протоколам Организации Объединенных Наций согласие простого большинства участников изменяет договор только в отношении тех участников, которые дали свое согласие, и только, поскольку это касается отношений между ними самими.

46. Наконец, необходимо рассмотреть тот вопрос, который был поставлен в Шестом комитете, а именно вопрос о возможности возражений конституционного порядка против процедуры молчаливого согласия. Согласно проекту резолюции, молчаливое согласие необходимо, как отметили авторы проекта, только для установления права Генерального Секретаря принимать в депозит соответствующие грамоты, и каждый участник сам может решить, какого порядка «признания» юридической силы и значения депонированных у Генерального Секретаря грамот он будет придерживаться. Если этот элемент в проекте резолюции и может уменьшить значение возражений конституционного порядка, то он создает известный риск проволочек при выполнении соответствующего порядка, так же как и риск получения только частичного результата. На 748-м заседании Шестого комитета Юриконсульт Организации подвел под этот вопрос несколько более широкую основу⁹⁹. «Во многих протоколах», заявил он, «предусматривались поправки, гораздо более обширные, чем простое открытие старых международных договоров для присоединения новых участников, и, следовательно, формальный порядок изъятия согласия правилен. Однако в тех случаях, когда единственной целью является расширение возможностей присоединения, Комитет может признать, что подобная формальность излишня».

47. Как уже отмечено, постановление международного договора, определяющее состав его участников, является одним из его «заключительных постановлений» и имеет, в принципе, то же значение, что и постановление о назначении депозитария. Правда, оно отличается от постановления о депозитарии тем, что относится к границам применения договора и, следовательно, к материально-правовым обязательствам участников. Тем не менее оно является заключительным постановлением и предусматривает основу для выполнения отдельными государствами конституционных процедур ратификации, акцепта и подтверждения договора. В данном случае связь между заключающимися в договорах Лиги постановлениями о составе их участников и конституционными процедурами отдельных государств может, думается, иметь большое значение. Как уже сказано, в двадцати одном из двадцати шести договоров постановления, касающиеся участия в них,

изложены таким образом, что эти договоры были открыты для участия любого члена Лиги и любого другого государства, которому Совет Лиги препроводит для этой цели копию соответствующего договора. Таким образом, не только участвующие в переговорах представители имели, при составлении соответствующего договора, в виду предоставить Совету Лиги право допускать к участию в договоре любое не участвующее в нем государство, но, кроме того, каждый участник, давая свое окончательное согласие на договор, положительно наделял Совет таким правом. Короче говоря, поскольку речь идет об этих двадцати одном договоре, любой орган государства, который ратифицировал договор, согласился на него или подтвердил его с целью дать государству возможность стать его участником, изъявил, таким образом, прямое согласие государства на допущение к участию в этом договоре не только любого члена Лиги, но и любого другого государства по решению негосударственного органа, а именно Совета Лиги. Поскольку это так, любое возможное возражение конституционного порядка против использования менее формальной процедуры изменения того постановления этого договора, которое определяет состав его участников, будет, очевидно, иметь гораздо меньше значения, поскольку речь идет об этих договорах. Далее, из того обстоятельства, что остальные пять договоров должны были быть, по первоначальному замыслу, договорами закрытыми, вытекает, что эти договоры не представляют, может быть, большого интереса для новых государств теперь, и, по надлежащем обследовании, будет, возможно, установлено, что данная проблема относится, фактически, только к двадцати одному договору, а может быть и только к очень небольшому числу этих договоров.

48. Особая форма заключающихся в двадцати одном договоре постановлений относительно участия в них наводит, далее, на мысль о том, что стоит, может быть, рассмотреть вопрос о возможности разрешить данную проблему, исходя из того соображения, что речь должна идти о простом приспособлении этих постановлений об участии к тем изменениям, которые являются результатом замены Лиги Организацией Объединенных Наций. Возможно, что данный вопрос и не является идентичным вопросу о переходе функций депозитария от Лиги к Организации Объединенных Наций, поскольку постановления об участии относятся к границам применения договоров. Однако следует, думается, рассмотреть вопрос о возможности разработки какой-то такой процедуры, которая была бы аналогична выполнявшейся в отношении функций депозитария.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ РЕШЕНИЕ

49. Особая форма заключающихся в двадцати одном договоре постановлений относительно участия в них наводит Комиссию на мысль, что стоит, может быть, рассмотреть вопрос о возможности разрешения дан-

ной проблемы в том же, приблизительно, порядке, который был установлен в 1946 году для передачи Секретариату Организации Объединенных Наций функций депозитария, принадлежавших Секретариату Лиги. Здесь может быть и нет идентичности, поскольку постановления об участии относятся к границам применения договоров, и, согласно таким постановлениям, функции Совета Лиги имели характер не чисто административный. Однако Комиссия полагает, что речь идет, в сущности, о приспособлении содержащихся в договорах Лиги постановлений об участии к тем изменениям, которые произошли в результате замены Лиги Организацией Объединенных Наций. На этой основе Генеральная Ассамблея, в силу всех тех соглашений, которые были заключены в 1946 году для передачи Организации Объединенных Наций функций и прав Лиги, вправе поручить какому-либо органу Организации Объединенных Наций выполнение обязанностей Совета Лиги и уполномочить этот орган осуществлять права Совета Лиги, относившиеся к участию в соответствующих договорах. Если такой порядок будет одобрен, то Генеральная Ассамблея в своей резолюции о назначении какого-либо органа Организации Объединенных Наций для выполнения функций Совета Лиги согласно этим договорам должна будет а) сослаться на рекомендацию Собрания Лиги, согласно которой члены Лиги должны всячески облегчать принятие на себя Организацией Объединенных Наций тех функций и прав, которые были присвоены Лиге на основании международных соглашений технического и неполитического характера, б) указать, что этой резолюцией те члены Организации Объединенных Наций, которые участвуют в соответствующих договорах Лиги, изъявляют свое согласие на то, чтобы назначенный орган принял на себя функции, выполнявшиеся ранее Советом Лиги на основании этих договоров, и с) поручить Генеральному Секретарю как депозитарию этих договоров сообщить условия этой резолюции каждому участнику этих договоров, не состоящему членом Организации Объединенных Наций.

ЗАКЛЮЧЕНИЯ

50. Заключение, являющееся результатом изучения Комиссией переданного ей Генеральной Ассамблеей вопроса, могут быть суммированы следующим образом¹⁰⁰.

а) Как метод составления протокола об изменении, так и метод, предлагаемый в проекте резолюции трех держав, имеют свои достоинства и недостатки. В обоих случаях учитывается подлежащая применению норма международного права, согласно которой для изменения постановлений об участии в договоре необходимо согласие участников, и Комиссия не считает, что она должна делать сравнительную оценку этих методов с точки зрения конституционных

вопросов согласно внутригосударственному праву. Вместе с тем Комиссия отмечает, что особая форма заключающихся в рассматриваемых договорах постановлений об участии уменьшает, по-видимому, значение тех возможных затруднений конституционного порядка, о которых было упомянуто в Шестом комитете.

б) Хотя вопрос о правопреемстве государств имеет известное отношение к данному вопросу и является осложняющим элементом, как в процедуре составления протокола об изменении, так и в проекте резолюции трех держав, принятие этих процедур не должно предопределять ход работы Комиссии над этим вопросом или препятствовать использованию, если желательно, любой из этих процедур.

с) Однако, в свете тех соглашений, которые были заключены ввиду ликвидации Лиги Наций и принятия на себя Организацией Объединенных Наций некоторых из ее функций и прав, относящихся к заключенным под эгидой Лиги международным договорам, Генеральная Ассамблея вправе, очевидно, поручить, если пожелает, какому-либо органу Организации Объединенных Наций принять на себя и осуществлять те права, которые, согласно постановлениям об участии, содержащимся в соответствующих международных договорах, ранее должны были осуществляться Советом Лиги. Таким образом будет обеспечена, как альтернатива двух других методов, упрощенная и скорая процедура осуществления цели расширения участия в генеральных многосторонних международных договорах, заключенных под эгидой Лиги. Это будет административная мера, подобная той, которую Комиссия указала в 1962 году, причем не будут возникать некоторые затруднения, сопряженные с применением других методов.

д) Даже при поверхностном ознакомлении с теми двадцатью шестью договорами, которые перечислены в меморандуме Секретариата, видно, что многие из них больше не представляют, вероятно, для государств никакого интереса. Комиссия полагает, что по этому аспекту проблемы компетентным органам следует произвести дальнейшее обследование. Не предвосхищая результатов такого обследования, Комиссия подтверждает, пока, свое мнение, что расширение участия в международных договорах, заключенных под эгидой Лиги Наций, является желательным.

е) Комиссия полагает, далее, что Генеральной Ассамблее следует предпринять необходимые шаги к изучению соответствующих генеральных многосторонних международных договоров, для того чтобы выяснить, какие меры необходимы для придания этим договорам отвечающего современным условиям характера.

Глава IV

ХОД РАБОТЫ ПО ДРУГИМ ИЗУЧАЕМЫМ КОМИССИЕЙ ВОПРОСАМ

А. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВ: ДОКЛАД ПОДКОМИТЕТА

51. Комиссия рассмотрела этот вопрос на своем 686-м заседании. Давая объяснения по докладу подкомитета (A/CN.4/152)¹⁰¹, председатель подкомитета по вопросу об ответственности государств г-н Роберто Аго особо обратил внимание Комиссии на содержащиеся в этом докладе заключения и на предлагаемую в нем программу работы.

52. Все принимавшие участие в дебатах члены Комиссии согласились с общими заключениями доклада, а именно с тем, что 1) при попытке кодифицировать отрасль права, регулиующую ответственность государств, следует в первую очередь определить регулирующие международную ответственность государства общие нормы и 2) при определении этих общих норм не следует игнорировать тот опыт и те материалы, которые были накоплены в некоторых специальных разделах и, в особенности, в разделе, относящемся к ответственности за вред, причиняемый личности или имуществу иностранцев, а также внимательно проследить, как влияют на проблему ответственности государств происшедшие в международном праве изменения.

53. Некоторые члены Комиссии считали, что внимание следует сосредоточить на изучении вопроса об ответственности государств за поддержание мира, в свете изменений, происшедших за последнее время в международном праве. Другие полагали, что не следует игнорировать ни одной из областей ответственности и что следует изучить прецеденты, существующие во всех областях, в которых применялся принцип ответственности государств.

54. Далее, члены Комиссии одобрили предложенную подкомитетом программу работы, не предвещая своей позиции по существу вопросов, включенных в эту программу. Так, во время дискуссии были высказаны сомнения и оговорки по поводу разрешения некоторых проблем, возникающих в связи с некоторыми из перечисленных вопросов. В этой связи было указано, что, по замыслу, вопросы эти должны играть исключительно роль *aide-mémoire* для специального докладчика, когда он подойдет к изучению существа определенных аспектов тех общих норм, которыми регулируется международная от-

ветственность государств, и что специальный докладчик не обязан будет оказывать предпочтение тем или иным решениям. Высказанная подкомитетом мысль о том, что изучение вопроса об ответственности таких других субъектов международного права, как международные организации, следует оставить в стороне, встретила, в свою очередь, общее одобрение членов Комиссии.

55. После единогласного утверждения ею доклада подкомитета по вопросу об ответственности государств, Комиссия назначила г-на Аго специальным докладчиком по вопросу об ответственности государств. Секретариат займется составлением некоторых рабочих документов по этому вопросу.

В. ПРАВОПРЕЕМСТВО ГОСУДАРСТВ И ПРАВИТЕЛЬСТВ: ДОКЛАД ПОДКОМИТЕТА

56. Доклад подкомитета по вопросу о правопреемстве государств и правительств (A/CN.4/160)¹⁰² обсуждался Комиссией на ее 702-м заседании. Председатель подкомитета г-н Манфред Ляхс дал по этому докладу объяснения и разъяснил заключения и рекомендации подкомитета. Все члены Комиссии, которые принимали участие в дискуссии, вполне одобряли намеченные границы вопроса и подход к нему, предложенные задачи и составленную программу работы.

57. Комиссия полагала, что предложение об изучении в первую очередь вопроса о правопреемстве государств совершенно основательно. Вопрос же о правопреемстве правительств будет пока рассматриваться, лишь поскольку это необходимо для восполнения изучения вопроса о правопреемстве государств. В ходе дискуссии некоторые члены Комиссии подчеркивали то особое значение, которое имеет в настоящее время проблема правопреемства государств для новых государств и для международного общения ввиду возникновения нового явления деколонизации. Поэтому они настаивали на том, чтобы при кодификации данной отрасли права особое внимание было уделено проблемам, которые имеют значение для новых государств.

58. Комиссия приняла рекомендации Подкомитета относительно связи между вопросом о правопреем-

стве государств и другими вопросами повестки дня Комиссии. Правопреемство в отношении международных договоров будет, поэтому, рассматриваться в связи с правопреемством государств, а не в связи с международными договорами. Далее, Комиссия признала, что необходимо установить хотя бы какую-то степень координации между специальными докладчиками по международным договорам, ответственности государств и правопреемству государств для того, чтобы избежать дублирования при кодификации соответствующих трех отраслей права.

59. Все члены Комиссии одобряли те задачи, которые были предложены Подкомитетом, а именно обследование и оценку теперешнего состояния права и практики в области правопреемства государств и составление проекта статей по этому вопросу в свете новых изменений в международном праве. Некоторые члены Комиссии считали, что существующие общие нормы и практику следует привести в соответствие с современными ситуациями и стремлениями и что в результате кодификация отрасли права, регулирующей правопреемство государств, неизбежно и в значительной мере будет включать положения, связанные прежде всего с прогрессивным развитием международного права. Другие члены Комиссии, признавая, что следует учитывать новые настроения и новые аспекты, которые становятся очевидными в международных отношениях, разделяли ту точку зрения, что прежде всего следует основательно изучить прошлую практику и только потом приступить к созданию таких элементов нового права, какие необходимы.

60. Общая наметка, порядок очередности вопросов и детальная разбивка предмета были Комиссией утверждены, причем имелось в виду, что такое утверждение не предпрещает позиции каждого члена Комиссии по существу включенных в программу вопросов. В программе установлены общие руководящие принципы, которые должны соблюдаться специальным докладчиком, причем, однако, он не обязан придерживаться их во всех деталях в своей работе.

61. Утвердив единогласно доклад подкомитета, Комиссия назначила г-на Ляхса в качестве специального докладчика по правопреемству государств и правительств. Комиссия приняла предложение подкомитета напомнить правительствам о разосланной Генеральным Секретарем записке, в которой он просил их предоставить в его распоряжение тексты всех международных договоров, законов, декретов, постановлений, дипломатической корреспонденции и т.д., касающихся техники правопреемства и затрагивающих государства, получившие независимость после второй мировой войны¹⁰³. Вместе с тем Комиссия полагает, что срок на представление правительствами своих замечаний следует продлить до 1 января 1964 года. Секретариат разошлет тексты замечаний, которые будут правительствами представлены в ответ на указанную записку, и составит

аналитическую сводку этих замечаний, а также меморандум о практике, которой придерживаются в вопросе правопреемства государств специализированные учреждения и другие международные органы.

С. СПЕЦИАЛЬНЫЕ МИССИИ

62. Комиссия обсудила этот вопрос на своих 711-м и 712-м заседаниях. Она имела в своем распоряжении составленный Секретариатом меморандум (A/CN.4/155). В ходе дебатов было решено возобновить рассмотрение вопроса о специальных миссиях в соответствии с резолюцией 1687 (XVI), принятой Генеральной Ассамблеей 18 декабря 1961 года. Поскольку нормы, регулирующие постоянные представительства, были кодифицированы Венской конвенцией 1961 г. о дипломатических сношениях, Комиссия считала, что теперь она должна заняться разработкой норм, регулирующих специальные миссии, которыми должна быть восполнена кодификация права, относящегося к дипломатическим отношениям между государствами.

63. Что касается рамок этого вопроса, то члены Комиссии были согласны в том, что вопрос о специальных миссиях должен охватывать также странствующих послов в соответствии с решением, принятым на сессии 1960 года¹⁰⁴. На этой сессии Комиссия также постановила¹⁰⁵ не рассматривать вопроса о привилегиях и иммунитетах делегатов на конгрессах и конференциях в рамках изучения вопроса о специальных миссиях, так как вопрос о дипломатических конференциях связан с вопросом об отношениях между государствами и межправительственными организациями. Этот вопрос был вновь поднят на настоящей сессии, причем особенно было подчеркнуто значение конференций, созываемых государствами. Однако большинство членов Комиссии высказало мнение, что пока к заданию, данному специальному докладчику, не следует добавлять вопроса о делегатах на конгрессах и конференциях.

64. Что же касается подхода к кодификации этой отрасли права, то Комиссия решила, что специальный докладчик должен разработать проект статей. В основу этих статей должны быть положены постановления Венской конвенции 1961 г. о дипломатических сношениях, но специальный докладчик должен иметь в виду, что специальные миссии, как по своим функциям, так и по своей природе, есть институт, который следует отличать от постоянных представительств. Далее, Комиссия полагает, что еще не пришло время для решения вопроса о том, следует ли проекту статей о специальных миссиях придать форму дополнительного протокола к Венской конвенции 1961 года, или изложить его в отдельной конвенции, или придать ему какую-либо другую форму, и что ей следует подождать, пока специальный докладчик представит рекомендации по этому вопросу.

65. Наконец, на своем 712-м заседании Комиссия назначила г-на Милана Бартоша в качестве специального докладчика по специальным миссиям.

D. ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ И МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

66. В соответствии с заданием, данным ему Комиссией на ее четырнадцатой сессии, специальный докладчик г-н Эль-Эриан представил на настоящей сессии первый доклад (A/CN.4/161 и Add.1), состоя-

щий из предварительного исследования границ и методов разрешения вопроса об «Отношениях между государствами и межправительственными организациями». Он представил также рабочий документ (A/CN.4/L.103) о границах и порядке будущей работы. На 717-м и 718-м заседаниях Комиссии состоялось первое общее обсуждение указанного доклада, и специальному докладчику было поручено продолжать свою работу, составить второй доклад и включить в него серию проектов статей, имея в виду, что впоследствии вопрос будет подвергнут дальнейшему рассмотрению.

Глава V

ДРУГИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ КОМИССИИ

А. СОТРУДНИЧЕСТВО С ДРУГИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ

67. На своем 715-м заседании Комиссия рассмотрела пункт повестки дня, касающийся сотрудничества с другими учреждениями.

68. Межамериканский юридический комитет был представлен г-ном Хосе Хоакином Каиседо Кастилья, а Афро-азиатский консультативный юридический комитет — г-ном Х.В. Тамбиа. Оба представителя выступили в Комиссии.

69. Рассмотрев приглашение, адресованное ей секретарем Афро-азиатского консультативного юридического комитета, Комиссия решила просить своего председателя Эдуардо Хименеса де Аречага присутствовать на следующей сессии Комитета в качестве наблюдателя или, если это не окажется возможным, назначить другого члена Комиссии или ее секретаря в качестве представителя Комиссии на этой сессии. Следующая сессия Афро-азиатского консультативного юридического комитета откроется в Каире 15 февраля 1964 г. и продлится две недели.

70. Комиссия выразила надежду, что соответствующие правила Организации Объединенных Наций будут применяться таким образом, чтобы обеспечить лучший обмен документацией между Комиссией и теми учреждениями, с которыми она сотрудничает. Комиссия далее рекомендовала, чтобы Секретарь принял для этого необходимые меры.

В. ПРОГРАММА РАБОТЫ, ВРЕМЯ И МЕСТО СЛЕДУЮЩЕЙ СЕССИИ

71. Комиссия приняла следующую программу работы на 1964 год: 1) международные договоры (применение, толкование и значение международных договоров); 2) специальные миссии (первый доклад, содержащий проект статей); 3) отношения между государствами и межправительственными организациями (первый доклад, содержащий общие директивы (A/CN.4/161 и Add.1), и второй доклад, содержащий проект статей); 4) ответственность государств (предварительный доклад, если он будет закончен); 5) правопреемство государств и правительств (предварительный доклад о соответствующих аспектах между-

народных договоров, если этот доклад будет закончен).

72. Поскольку нельзя рассмотреть все вопросы на очередной сессии, которая должна быть посвящена, главным образом, международным договорам и, по возможности, первому обсуждению предварительных докладов об ответственности государств и правопреемство государств и правительств, было решено провести трехнедельную зимнюю сессию в Женеве с 6 по 24 января 1964 года.

73. На этой зимней сессии Комиссия рассмотрит проект статей, который должен быть представлен специальным докладчиком по специальным миссиям, а также первый доклад и общие директивы специальному докладчику по вопросу об отношениях между государствами и межправительственными учреждениями.

74. Полагали, что теперь же следует принять меры по организации зимней сессии в январе 1965 года, для того чтобы продолжить рассмотрение тех двух отраслей права, кодификацией которых завершается кодификация дипломатического права, не сокращая время, которое необходимо Комиссии для работы над международными договорами.

75. В соответствии с постановлением, вынесенным Комиссией на ее четырнадцатой сессии¹⁰⁶, было решено, что очередная сессия состоится в Женеве и будет продолжаться с 4 мая по 10 июля 1964 года.

С. УСЛОВИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И РАС- ПРОСТРАНЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ, КРАТ- КИХ ОТЧЕТОВ И ПЕРЕВОДОВ

76. Комиссия выразила свое удовлетворение по поводу значительного улучшения постановки изготовления предоставляемых в ее распоряжение документов, кратких отчетов и переводов. На предыдущей сессии эта постановка была объектом некоторой критики¹⁰⁷.

77. Тем не менее происходили некоторые задержки с переводом документов на испанский язык, и Комиссия выражает надежду, что в этом отношении будут приложены соответствующие усилия.

78. Комиссия выражает, далее, надежду на то, что ее подготовительные документы будут рассылаться ее членам воздушной почтой, для того чтобы они имели достаточно времени для ознакомления с этими документами до открытия сессии.

**D. ЗАДЕРЖКИ С ОПУБЛИКОВАНИЕМ
ЕЖЕГОДНИКА**

79. Комиссия озабочена тем, что происходят все большие и большие задержки с опубликованием Ежегодника Комиссии международного права. Комиссия

выражает надежду, что будут приняты меры к тому, чтобы в дальнейшем этот Ежегодник, по возможности, выходил вскоре после окончания каждой годовой сессии.

E. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО НА ВОСЕМНАДЦАТОЙ СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

80. Комиссия постановила назначить своим представителем, для консультаций, на восемнадцатой сессии Генеральной Ассамблеи своего председателя Эдуардо Хименеса де Арчага.

- ¹ *Yearbook of the International Law Commission*, 1953, vol. II, pp. 137-159.
- ² *Yearbook of the International Law Commission*, 1954, vol. II, pp. 133-139.
- ³ *Yearbook of the International Law Commission*, 1958, vol. II, pp. 20-46.
- ⁴ *Yearbook of the International Law Commission*, 1957, vol. II, pp. 16-70.
- ⁵ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209 и Corr.1).
- ⁶ См. *United Nations Legislative Series, Laws and Practices concerning the Conclusion of Treaties (ST/LEG/SER.B/3)*.
- ⁷ Например, P. Chailley, « *La nature juridique des traités internationaux selon le droit contemporain* », pp. 175 and 215; S. B. Crandall, « *Treaties, their Making and Enforcement* », pp. 13-14; C. De Visscher, *Bibliotheca Visseriana*, vol. 2 (1924), p. 98.
- ⁸ Статья 2: «Международный договор приобретает для государства обязательную силу вследствие подписания, ратификации, присоединения или какого-либо иного изъяснения воли государства в соответствии с его конституционным правом и практикой через посредство уполномоченного на это органа.» (*Yearbook of the international Law Commission*, 1951, vol. II, p. 73).
- ⁹ Например, McNair, « *Law of Treaties* » (1961), chapter III; Paul De Visscher, « *De la conclusion des traités internationaux* » (1943), p. 275; P. Guggenheim, « *Racueil des cours de l'Académie de droit international* » vol. 74 (1949), p. 236; Sir Hugh Lauterpacht, *First Report on the Law of Treaties, Yearbook of the International Law Commission*, 1953, vol. II, pp. 141-146.
- ¹⁰ Sir Hugh Lauterpacht, *Yearbook of the International Law Commission*, 1953, vol. II, p. 143; see also Lord McNair, *op. cit.*, p. 77; *Research in International Law, Harvard Law School*, part III, *Law of Treaties*, art. 21.
- ¹¹ Например, Anzilotti, « *Cours de droit international* » (*traduction Gidel*), vol. 1 (1929), pp. 366-7; Sir Gerald Fitzmaurice, « *British Yearbook of International Law* », vol. 15 (1934), pp. 129-137; Blix, « *Treaty-Making Power* » (1960), chapter 24; см. также UNESCO, « *Survey of the Ways in which States interpret their International Obligations* », pp. 7-8.
- ¹² Ж. Бадеван, например, считая, что государства могут, в общем, опираться на предполагаемые полномочия должностного лица и игнорировать конституционные ограничения его полномочий, находит, что это недопустимо в случаях «открытого нарушения конституции государства»; « *Recueil des cours de l'Académie de droit international* », 1926, vol. XV, p. 581; см. также UNESCO, « *Survey of the Ways in which States interpret their International Obligations* » (P. Guggenheim), p. 8.
- ¹³ Moore, « *International Arbitrations* », vol. 2, p. 1946.
- ¹⁴ *United Nations Reports of International Arbitral Awards*, vol. V, p. 327.
- ¹⁵ *Ibid.*, vol. XI, p. 411.
- ¹⁶ *Ibid.*, vol. II, p. 724.
- ¹⁷ « *Foreign Relations of the United States* », 1901, p. 262.
- ¹⁸ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 53, pp. 56-71 and p. 91.
- ¹⁹ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 46, p. 170.
- ²⁰ H. Blix, *op. cit.*, chapter 20.
- ²¹ H. Blix, *op. cit.*, p. 267.
- ²² См., например, *Prosecution for Misdemeanours (Germany) case*, (*International Law Reports*, 1955, pp. 560-561); *Belgian State v. Leroy (ibid., pp. 614-616)*. Национальные суды иногда исходят, оче-
- видно, из предположения, что международный договор, не имеющий, согласно конституции, силы внутреннего закона, автоматически недействителен также и в международном плане. Гораздо чаще, однако, они или считают, что международные аспекты вопроса не входят в их компетенцию, или находят, что признание международного договора недействительным по отношению к конституции соображениям может поставить государство в такое положение, при котором оно не выполнит своих международных обязательств.
- ²³ По этому вопросу в целом см. H. Blix, *op. cit.*, pp. 5-12 and 76-82.
- ²⁴ *Hackworth's Digest of International Law*, vol. IV, p. 467. Ср., далее хорошо известный в истории случай, когда британское правительство не признало соглашения между британским политическим агентством в зоне Персидского залива и персидским министром, которое, как британское правительство заявило впоследствии, было заключено при отсутствии каких бы то ни было полномочий *Adamiyat*, «*Bahrain Islands*», p. 106.
- ²⁵ См. другие случаи в H. Blix, *op. cit.*, pp. 77-81.
- ²⁶ См. Moore, « *Digest of International Law* », vol. 5, p. 719.
- ²⁷ См. Harvard Law School: « *Research in International Law*, III, *Law of Treaties* », pp. 1127-1128; Hyde, *A.J.I.L.* 1933, p. 311; Kiss, « *Répertoire français de droit international public* », vol. I, pp. 55-56.
- ²⁸ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 53, pp. 71 and 91.
- ²⁹ *Ibid.*, p. 92.
- ³⁰ *I.C.J. Reports*, 1961, p. 30.
- ³¹ *I.C.J. Reports*, 1962, p. 26; см. также отдельное мнение сэра Джеральда Фицмориса (там же, стр. 57).
- ³² *P.C.I.J.*, Series A, No. 11.
- ³³ Например в делах об убежище и праве прохода и о гражданах США в Марокко.
- ³⁴ McNair *op. cit.*, pp. 207-209.
- ³⁵ *Ibid.*, pp. 1155-1159.
- ³⁶ См., например, G. Schwarzenberger, «*International Law*» (3rd edition), vol. I, pp. 426-427.
- ³⁷ См. McNair, *op. cit.*, pp. 213-214.
- ³⁸ См. *Handbook of Final Clauses (ST/LEG.6)*, pp. 54-73.
- ³⁹ *United Nations Treaty Series*, vol. 193, p. 135, art. 8.
- ⁴⁰ *Handbook of Final Clauses (ST/LEG.6)*, p. 58.
- ⁴¹ *Ibid.*, pp. 72-73.
- ⁴² Cf. E. Giraud, « *Modification et terminaison des traités collectifs* », « *Annuaire de l'Institut de droit international* », vol. 49, tome I, 1961, p. 62.
- ⁴³ См. article 34 of the *Harvard Research Draft*, pp. 1173-1183; Ch. Rousseau, « *Principes généraux du droit international public* », pp. 526-548.
- ⁴⁴ См. Hall, « *International Law* », 8th Edition, p. 405; Oppenheim, « *International Law* », 8th Edition, vol. I, p. 938; McNair, « *Law of Treaties* »,

1961, pp. 501-505; Sir Gerald Fitzmaurice, Second Report on the Law of Treaties, « Yearbook of the International Law Commission », 1957, vol. II, p. 22.

⁴⁵ United Nations Conference on the Law of the Sea, *Official Records*, vol. II, pp. 19, 56 and 58.

⁴⁶ См. замечания представителя Соединенных Штатов на 49-м заседании Социального комитета Экономического и Социального Совета (E/AC.7/SR.49, стр. 8), на которые обратил внимание сэр Джеральд Фицморис.

⁴⁷ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 77, p. 92.

⁴⁸ См. Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of treaties* », pp. 1081-1083; McNair, *op. cit.*, p. 553. III. Руссо очевидно сомневается в том, что обычное право признает правомочие на денонсацию международного договора ввиду неисполнения его другой стороной, так как против соответствующих требований обыкновенно встречались возражения. Однако, по соображениям, указанным в пункте 2, это вряд ли может считаться достаточным доказательством отсутствия таких обычно-правовых правомочий.

⁴⁹ Например, Hall, *op. cit.*, p. 408; S. B. Crandall, « *Treaties, their Making and Enforcement* », p. 456; A. Cavaglieri, Règles générales du droit de la paix, « *Recueil des cours de l'Académie de droit international* » (1929-1), vol. 26, p. 535.

⁵⁰ См. Oppenheim, *op. cit.*, p. 947.

⁵¹ Например, McNair, *op. cit.*, p. 571; C. C. Hyde, « *International Law* », vol. 2, p. 1543; E. Giraud, *op. cit.*, p. 28.

⁵² См. Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of Treaties, III, Law of Treaties* » (Article 27), pp. 27), pp. 1077 and 1091-1092.

⁵³ Hackworth, « *Digest of International Law* », vol. 5, pp. 342-348; Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of Treaties* », pp. 1083-1090; McNair, *op. cit.*, pp. 553-569; A. C. Kiss, « *Répertoire français de droit international* », vol. 5, pp. 102-121; « *Fontes Juris Gentium* », Series B, section 1, tomus I, part 1 (2), pp. 791-2.

⁵⁴ Например, *Ware v. Hylton* (1796), 3 Dallas 261; *Charlton v. Kelly*, 229 U.S. 447; *Lepeschkin v. Gosweiler et Cie.*, « *Journal du droit international* » (1924), vol. 51, p. 1136; *In re Tatarko*, « *Annual Digest and Reports of Public International Law Cases* », 1949, No. 110, p. 314.

⁵⁵ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 70.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 50; cf. Judge Hudson, pp. 76-77.

⁵⁷ « *Reports of International Arbitral Awards* », vol. II, pp. 929 and 943-944.

⁵⁸ Президент Кулидж.

⁵⁹ Например, Oppenheim, *op. cit.*, vol. I, pp. 938-944; McNair, *op. cit.*, pp. 681-691, F. I. Kozhevnikov, « *International Law* » (Academy of Sciences of the USSR), p. 281; C. Rousseau, « *Principes généraux du droit international public* », tome I, pp. 580-615; Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of Treaties* », pp. 1096-1126; Chesney Hill, « *The Doctrine of Rebus Sic Stantibus* », University of Missouri Studies (1934).

⁶⁰ *P.C.I.J.*, Series A/B, No. 46, pp. 156-158.

⁶¹ Например, в своем заключении о декретах о гражданстве (*P.C.I.J.*, Series B, No. 4, p. 29). Палата просто отметила, что не может высказаться по возбужденному Францией вопросу о « принципе, известном под наименованием *clausula rebus sic stantibus* », не привлекая принципы международного права, относящиеся к продолжительности международных договоров.

⁶² Е.г. *Hooper v. United States*; Hudson, « *Cases on International Law* », Second Edition, p. 930; *Lucerne v. Aargau* (1888), « *Arrêts du Tribunal fédéral suisse* », vol. 8, p. 57; *In re Lepeschkin*, « *Annual Digest of Public International Law Cases* », 1923-1924, Case No. 189; *Bremen v. Prussia*, *Ibid.*, 1925-1926, Case No. 266; *Rothschild and Sons v. Egyptian Government*, *Ibid.*, 1925-1926, Case No. 14; *Canton of Thurgau v. Canton of St. Gallen*, *Ibid.*, 1927-1928; Case No. 289; *Bertaco v. Bancel*, *Ibid.*, 1935-1937, Case No. 201; *Stransky v. Zivnostenska Bank*, « *International Law Reports* », 1955, pp. 424-427.

⁶³ *Lucerne v. Aargau*; *Canton of Thurgau v. Canton of St. Gallen*; *Hooper v. United States*.

⁶⁴ *In re Lepeschkin*; *Stransky v. Zivnostenska Bank*.

⁶⁵ *Canton of Thurgau v. Canton of St. Gallen*.

⁶⁶ « *Annual Digest of Public International Law Cases* », 1925-1926, Case No. 266.

⁶⁷ Сведения о практике государств см. в Chesney Hill, *op. cit.*, pp. 27-74; C. Kiss, *op. cit.*, pp. 381-393; C. Rousseau, *op. cit.*, pp. 594-615; Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of Treaties* », pp. 1113-1124; H. W. Briggs, *A.J.I.L.*, 1942, pp. 89-96, and 1949, pp. 762-769.

⁶⁸ *P.C.I.J.*, Series C, No. 2, pp. 187-188.

⁶⁹ *Ibid.* pp. 208-209.

⁷⁰ *Ibid.* No. 16, L, p. 52.

⁷¹ Там же, стр. 22-23; дело кончилось, в конце концов, заключением нового договора.

⁷² *Ibid.*, Series A/B, No. 46.

⁷³ *Ibid.*, Series C, No. 58, pp. 578-579, 109-146 and 405-415; see also Series C, No. 17, I, pp. 89, 250, 256 and 283-284.

⁷⁴ *Ibid.*, Series C, No. 58, pp. 463-476.

⁷⁵ *Ibid.*, pp. 136-143.

⁷⁶ E/CN.4/367, p. 37.

⁷⁷ C. Rousseau, *op. cit.*, p. 584; Sir John Fischer Williams, *A.J.I.L.*, 1928, pp. 93-94; C. De Visscher, « *Théories et réalités en droit international public* », p. 391; J. Basdevant, Règles générales du droit de la paix, « *Recueil des Cours* », 1936, vol. IV, pp. 653-654; Sir Gerald Fitzmaurice, Second report, « *Yearbook of the International Law Commission, 1957* », vol. II, para. 149.

⁷⁸ C. Rousseau, *op. cit.*, p. 586.

⁷⁹ Например, статья 21 Договора об ограничении морских вооружений, подписанного в Вашингтоне 6 февраля 1922 г. (Hudson, « *International Legislation* », vol. II, p. 820); статья 26 Договора об ограничении морских вооружений, подписанного в Лондоне 25 марта 1936 г. (*Ibid.*, vol. VII, p. 280); и Конвенция о режиме проливов, подписанная в Монте 20 июля 1936 г. (*L.N.T.S.*, vol. 173, p. 229).

⁸⁰ См. текст этой резолюции в C. Kiss, *op. cit.*, pp. 384-385.

⁸¹ См. Harvard Law School, « *Research in International Law, III, Law of Treaties* », art. 30, pp. 1134-1139; McNair, « *Law of Treaties* » (1961), chapter 28.

⁸² Например, the *Free Zones Case*, Series A/B, No. 46, p. 140; the *Wimbledon Case*, Series A, No. 1, p. 24.

⁸³ *The Arbitral Award made by the King of Spain*, *I.C.J. Reports*, 1960, pp. 213-214; *The Temple of Preah Vihear*, *I.C.J. Reports*, 1962, pp. 23-32.

⁸⁴ См. вообще, D. W. Bowett, « *British Yearbook of International Law* », 1957, pp. 176-202; Bin Cheng, « *General Principles of Law* », pp. 141-49; Judges Alfaro and Fitzmaurice in *The Temple of Preah Vihear*, *I.C.J. Reports*, 1962, pp. 39-51, 62-65.

⁸⁵ Подписана в Брюсселе 25 мая 1962 года.

⁸⁶ Article 65, « *United Nations Treaty Series* », vol. 213, p. 252.

⁸⁷ Например Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, « *United Nations Treaty Series* », vol. 78, p. 277.

⁸⁸ Резолюция 1766 (XVII).

⁸⁹ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209 и Corr. 1).

⁹⁰ Там же, семнадцатая сессия, Приложения, пункт 76 повестки дня, документ A/C.6/L.498.

⁹¹ В одном случае (Конвенция об обмене и регистрации судов, обслуживающих внутреннее судоходство) договор

был открыт также для государств, имевших общую границу с каким-либо приглашенным на конференцию государством.

⁹² League of Nation, *Official Journal, Special Supplement No. 194*, p. 57 (Resolution of 18 April 1946).

⁹³ См. «Резолюции Генеральной Ассамблеи, касающиеся международных договоров» (A/CN.4/154), стр. 15—17 (англ. текста).

⁹⁴ См. «Резолюции Генеральной Ассамблеи, касающиеся международных договоров» (A/CN.4/154), стр. 16 (англ. текста).

⁹⁵ См. Краткий обзор практики Генерального Секретаря в качестве депозитария многосторонних соглашений (ST/LEG/7), стр. 65—68 (англ. текста).

⁹⁶ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Приложения, пункт 76 повестки дня, документ A/C.6/L.504/Rev.2.

⁹⁷ См. протоколы, упомянутые выше — в пункте 28.

⁹⁸ См. пункты 10—13 меморандума.

⁹⁹ A/C.6/L.506.

¹⁰⁰ См. различные мнения, которые были высказаны членами Комиссии при обсуждении этого вопроса, в документах A/CN.4/712 и 713.

¹⁰¹ См. приложение I к настоящему докладу.

¹⁰² См. приложение II к настоящему докладу.

¹⁰³ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209 и Corr. 1), пункт 73.

¹⁰⁴ *Yearbook of the International Law Commission, 1960*, vol. I, 565th meeting, para. 26.

¹⁰⁵ *Ibid.*, para. 25.

¹⁰⁶ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209), пункт 83.

¹⁰⁷ Там же, пункты 84 и 85.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

Доклад г-на Роберто Аго, председателя подкомитета по вопросу об ответственности государств

(Утвержден подкомитетом)

1. С 7 по 16 января 1963 г. в Женеве происходила вторая сессия подкомитета по вопросу об ответственности государств, который был образован Комиссией международного права на ее 637-м заседании 7 мая 1962 г. и состоит из следующих десяти членов: г-н Аго (председатель), г-н Бриггс, г-н Гро, г-н де Луна-Гарсиа, г-н Ляхс, г-н Паредес, г-н Тункин, г-н Хименес де Аречага, г-н Цуруока и г-н Ясин. Установленные Комиссией на ее 668-м заседании 26 июня 1962 г.^a задачи подкомитета были таковы:

«1) Между настоящей сессией Комиссии и следующей подкомитет должен работать в Женеве с 7 по 16 января 1963 года;

2) его работа будет главным образом посвящена общим аспектам ответственности государств;

3) члены подкомитета подготовят для Комиссии конкретные меморандумы, относящиеся к главным аспектам вопроса; эти меморандумы будут представлены Секретариату не позднее 1 декабря 1962 г., с тем чтобы они могли быть размножены и разосланы до сессии подкомитета в январе 1963 года;

4) Председатель подкомитета составит доклад о результатах работы подкомитета, который должен быть представлен Комиссии на ее следующей сессии».

2. Состоялось семь заседаний подкомитета (последнее — 16 января 1963 года). За исключением отсутствовавшего по болезни г-на Ляхса, на этих заседаниях присутствовали все члены подкомитета. Подкомитет имел в своем распоряжении меморандумы, составленные следующими его членами:

г-ном Хименесом де Аречага (ILC (XIV) SC.1/WP.1)
г-ном Паредесом (ILC (XIV) SC.1/WP.2 и Add.1, A/CN.4/WP.7)
г-ном Гро (A/CN.4/SC.1/WP.3)
г-ном Цуруока (A/CN.4/SC.1/WP.4)
Г-ном Ясином (A/CN.4/SC.1/WP.5)
Г-ном Аго (A/CN.4/SC.1/WP.6)

3. В подкомитете состоялась общая дискуссия по вопросам, которые должны быть изучены в связи с работой, относящейся к международной ответственности государств, и в связи с теми директивами, которые Комиссия должна дать докладчику по этому вопросу.

4. Некоторые члены подкомитета высказали мнение,

^a Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209), пункт 68.

что желательно начать изучение этого чрезвычайно обширного вопроса о международной ответственности государств с рассмотрения какого-либо такого хорошо определенного сектора, как, например, ответственность за вред, причиняемый личности или имуществу иностранцев. Вместе с тем, другие члены подкомитета утверждали, что желательно произвести общее исследование предмета, позаботившись о том, чтобы не смешивать определение норм, относящихся к указанной ответственности, с определением тех норм международного права и, в особенности, норм, относящихся к режиму иностранцев, нарушение которых может вызывать эту ответственность. Некоторые из членов, принадлежавших к этой второй группе, в частности подчеркивали, что при изучении вопроса об ответственности следует также принять во внимание новые явления, относящиеся к другим областям международного права и, особенно, к области поддержания мира.

5. В конце концов подкомитет единогласно постановил рекомендовать Комиссии, чтобы она, имея в виду кодификацию этой отрасли права, занялась в первую очередь определением общих норм, регулирующих международную ответственность государств. Было признано, что, во-первых, не может быть и речи о том, чтобы игнорировать опыт и материалы, накопившиеся по некоторым специальным разделам — особенно по разделу ответственности за вред, причиняемый личности или имуществу иностранцев, и что, во-вторых, следует особенно внимательно проследить влияние, которое, возможно, окажут на проблему ответственности государств новые явления, связанные с развитием международного права.

6. Придя к этому общему выводу, Подкомитет подробно обсудил наметку программы работы, представленную г-ном Аго. По обсуждении этой наметки Подкомитет единогласно постановил рекомендовать Комиссии рассмотреть, в связи с общими аспектами международной ответственности государства, приводимые ниже указания по главным вопросам. Эти указания могут служить руководством в работе будущего специального докладчика, который должен быть назначен Комиссией.

Предварительный вопрос — определение понятия международной ответственности государства^b

Первый вопрос — происхождение международной ответственности

^b Подкомитет полагает, что следует оставить в стороне вопрос об ответственности других субъектов международного права, таких как международные организации.

1) Международное правонарушение: нарушение каким-либо государством юридической обязанности, возлагаемой на него нормой международного права, каково бы ни было ее происхождение и к какой бы сфере она ни относилась.

2) Определение составных элементов международного правонарушения:

а) Объективный элемент: действие или бездействие, объективно противоречащее международно-правовой обязанности государства^с. Проблема злоупотребления правом. Случаи, в которых достаточно самого действия или бездействия, чтобы образовать объективный элемент правонарушения, и случаи, когда должно, кроме того, иметь место какое-то внешнее событие, являющееся следствием такого поведения.

б) Субъективный элемент: вменяемость субъекту международного права поведения, противоречащего международной обязанности. Вопросы вменения. Вменение правонарушения и ответственность. Проблема косвенной ответственности.

Вопросы, относящиеся к требованию, согласно которому противоречащее международной обязанности действие или бездействие должно «исходить» от какого-либо органа государства. Система права, применимая для определения статуса органа. Законодательные, административные и судебные органы. Органы, действующие за пределами полномочий.

Ответственность государства за действия частных лиц. Вопрос о действительном происхождении международной ответственности в подобных случаях.

Необходимо ли наличие вины того органа, поведение которого является предметом жалобы? Объективная ответственность и ответственность, связанная с виной *lato sensu*. Проблемы степени вины^д.

3) Различные категории нарушений международных обязанностей. Вопросы, касающиеся практических границ допустимых различий.

Международные правонарушения, являющиеся следствием одного только поведения, и международные правонарушения, являющиеся следствием событий. Причинно-

^с В связи с этим может быть изучен вопрос о возможной ответственности на основании «риска» в тех случаях, когда поведение государства не является нарушением какой-либо международной обязанности.

^д Желательно было бы рассмотреть вопрос о том, следует или не следует включить в это исследование те очень важные вопросы, которые могут возникнуть в связи с доказыванием событий, влекущих за собой ответственность.

следственная связь между поведением и событием. Практическое значение этого различия.

Международные неправомерные действия и бездействие. Возможное значение этого различия, особенно поскольку речь идет о восстановлении в первоначальном положении (*restitutio in integrum*).

Простые и сложные, неповторяющиеся и длящиеся международные правонарушения. Значение этих различий для определения времени совершения правонарушения (*tempus commissi delicti*) и ответа на вопрос об исчерпании местных средств защиты.

Проблемы соучастия в международном правонарушении.

4) Обстоятельства, при которых действие не является неправомерным

Согласие потерпевшего. Вопрос о презумпции согласия.

Правомерная санкция против совершившего международное правонарушение.

Самооборона.

Состояние крайней необходимости.

Второй вопрос — формы международной ответственности

1) Обязанность возмещения вреда и право на применение санкции к государству, совершающему правонарушение, как следствия ответственности. Вопрос о наказании в международном праве. Отношение между следствиями, влекущими за собой возмещение вреда, и следствиями, влекущими за собой карательные меры. Возможное различие между международными правонарушениями, влекущими за собой только обязанность возместить вред, и международными правонарушениями, влекущими за собой применение санкций. Возможное основание такого различия.

2) Возмещение вреда. Его формы. Восстановление в первоначальное положение (*restitutio in integrum*) и возмещение вреда путем эквивалента или компенсации. Пределы возмещения. Возмещение косвенных убытков. Удовлетворение потерпевшей стороны и его формы.

3) Санкции. Индивидуальные санкции, предусматриваемые общим международным правом. Репрессалии и их возможная роль в качестве санкции за международные правонарушения. Коллективные санкции.

7. Согласно постановлению подкомитета к настоящему докладу прилагаются краткие отчеты, в которых содержатся сведения об обсуждении существа вопросов, и меморандум членов подкомитета, упомянутые выше — в пункте 2^е.

^е Эти краткие отчеты и меморандумы появятся в Ежегоднике Комиссии международного права за 1963 год.

Приложение II

Доклад г-на Манфреда Ляхса, председателя подкомитета по вопросу о правопреемстве государств и правительств

(Утвержден подкомитетом)

1. На 637-м заседании 7 мая 1962 г. Комиссия международного права образовала подкомитет по вопросу о правопреемстве государств и правительств, в состав которого вошли следующие десять членов: г-н Ляхс (председатель), г-н Бартош, г-н Бриггс, г-н Кастрен, г-н Лю, г-н Розен, г-н Табиби, г-н Тункин, г-н Элиас и г-н Эль-Эриан. На своем 668-м заседании 26 июня 1962 г. Комиссия приняла следующие постановления относительно работы этого подкомитета^а:

«1) подкомитет соберется в Женеве 17 января 1963 г., немедленно после сессии подкомитета по вопросу об ответственности государств, на срок по мере надобности, но не позднее 25 января 1963 года;

2) Комиссия приняла к сведению заявление Генерального Секретаря в подкомитете относительно следующих трех исследований, которые должны быть приняты Секретариатом:

а) меморандума по вопросу о правопреемстве в связи с участием в Организации Объединенных Наций;

б) записки о правопреемстве государств на основании генеральных многосторонних международных договоров, депозитарием которых является Генеральный Секретарь;

в) компендиума решений международных судебных учреждений по вопросу о правопреемстве государств;

3) члены подкомитета представят отдельные меморандумы, касающиеся, главным образом, охвата вопроса и подхода к нему, причем эти доклады должны быть представлены Секретариату не позднее 1 декабря 1962 г., чтобы можно было их размножить и разослать до начала заседаний подкомитета в январе 1963 года;

4) председатель подкомитета представит на его следующем заседании или, по возможности, за несколько дней до него рабочий документ, содержащий сводку мнений, высказанных в отдельных докладах;

5) председатель подкомитета составит доклад о достигнутых результатах; для представления его следующей сессии Комиссии».

2. Согласно этим постановлениям подкомитет собрался в Европейском отделении Организации Объединенных Наций 17 января 1963 года. Ввиду того что председатель

^а Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семнадцатая сессия, Дополнение № 9 (A/5209 and Corr. 1), пункт 72.

подкомитета г-н Ляхс не мог присутствовать на заседаниях по болезни, подкомитет единогласно избрал и.о. председателя г-на Эрика Кастрена. Состоялось девять заседаний подкомитета, и 25 января 1963 г. его сессия закончилась. Было решено, что подкомитет соберется снова, с участием председателя г-на Ляхса, в начале пятнадцатой сессии Комиссии международного права, для того чтобы утвердить окончательный текст своего доклада. На 10-м заседании, состоявшемся, с участием его председателя г-на Ляхса и всех его членов, 6 июня 1963 г., во время пятнадцатой сессии Комиссии международного права подкомитет утвердил окончательный текст своего доклада.

3. Подкомитет имел в своем распоряжении меморандумы, представленные следующими его членами:

Г-ном Элиасом (ILC (XIV)/SC.2/WP.1 и A/CN.4/SC.2/WP.6)

г-ном Табиби (A/CN.4/SC.2/WP.2)

г-ном Розеном (A/CN.4/SC.2/WP.3)

г-ном Кастреном (A/CN.4/SC.2/WP.4)

г-ном Бартошем (A/CN.4/SC.2/WP.5).

Кроме того, председатель г-н Ляхс представил рабочий документ (A/CN.4/SC.2/WP.7) содержащий сводку мнений, высказанных в упомянутых выше меморандумах. За главную основу своих дискуссий подкомитет решил принять этот представленный г-ном Ляхсом рабочий документ.

4. Далее, подкомитет имел в своем распоряжении следующие три исследования, составленные Секретариатом:

Правопреемство государств в отношении участия в Организации Объединенных Наций (A/CN.4/149);

Правопреемство государств в отношении генеральных многосторонних международных договоров, депозитарием которых является Генеральный Секретарь (A/CN.4/150 и Corr.1);

Компендиум постановлений международных судебных органов по вопросу о правопреемстве государств (A/CN.4/151).

5. Подкомитет обсудил охват вопроса о правопреемстве государств и правительств и подход к нему, а также директивы, которые Комиссия может дать специальному докладчику по этому вопросу. Ниже приводятся заключения и рекомендации подкомитета.

I. Охват вопроса и подход к нему

A. НЕОБХОДИМОСТЬ УДЕЛЯТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНИЕ ПРОБЛЕМАМ, КАСАЮЩИМСЯ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ

6. Необходимо уделять особенное внимание тем проблемам правопреемства, которые возникают вследствие освобождения многих наций и возникновения столь многих новых государств после второй мировой войны. Проблемам, касающимся новых государств, следует поэтому уделять особенное внимание, и весь вопрос должен рассматриваться в свете современных потребностей и принципов Устава Организации Объединенных Наций.

7. Некоторые члены подкомитета пожелали указать на то, что следует особо подчеркнуть принципы самоопределения и постоянного суверенитета над естественными богатствами. Другие считали такое указание излишним ввиду того обстоятельства, что эти принципы уже содержатся в Уставе Организации Объединенных Наций и резолюциях Генеральной Ассамблеи.

B. ЗАДАЧА

8. Задача состоит в обследовании и оценке теперешнего состояния права и практики по вопросу о правопреемстве, а также в составлении проекта статей по этому вопросу с учетом также и новых изменений в международном праве, относящихся к этой области. Оформление должно быть точным и должно охватывать важнейшие элементы, необходимые для устранения существующих затруднений.

C. ВОПРОСЫ ОЧЕРЕДНОСТИ

9. Подкомитет рекомендует, чтобы специальный докладчик, который должен быть назначен на пятнадцатой сессии Комиссии международного права, сосредоточил свое внимание прежде всего на вопросе о правопреемстве государств, а вопрос о правопреемстве правительств изучал только поскольку это необходимо для восполнения исследования правопреемства государств. В рамках ограниченной таким образом области следует, по мнению подкомитета, рассмотреть в первую очередь проблемы правопреемства в отношении международных договоров.

D. СВЯЗЬ С ДРУГИМИ ВОПРОСАМИ, СТОЯЩИМИ НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

a) Международные договоры

10. Подкомитет того мнения, что вопрос о правопреемстве в отношении международных договоров должен рассматриваться в связи с правопреемством государств, а не в связи с международными договорами.

b) Ответственность государств и отношения между государствами и межправительственными организациями

11. Для того чтобы избежать дублирования, следует особо учитывать то обстоятельство, что эти вопросы также стоят на повестке дня Комиссии международного права.

c) Координация работы четырех специальных докладчиков

12. Рекомендуются, чтобы четыре специальных докладчика (по правопреемству государств и правительств, по

международным договорам, по ответственности государств и по отношениям между государствами и межправительственными организациями) поддерживали друг с другом тесную связь и координировали свою работу.

E. ОБЩАЯ НАМЕТКА

13. Предлагается включить в общий план следующие пункты:

- i) преемство в отношении международных договоров,
- ii) преемство в правах и обязанностях, вытекающих не из международных договоров, а из других источников,
- iii) преемство в отношении участия в международных организациях.

14. Мнения в подкомитете разделились по вопросу о том, следует ли в приведенной только что наметке упомянуть вопрос о порядке урегулирования споров. С одной стороны утверждали, что урегулирование споров само является отдельной отраслью международного права и не входит в ту область правопреемства государств и правительств, которой Комиссии было поручено дать приоритет. Вместе с тем, другие члены подкомитета, подчеркивая, что упомянутая наметка представляет собой лишь перечень вопросов, которые должны быть изучены специальным докладчиком, высказывали мнение, что специальному докладчику следует поручить рассмотреть вопрос о том, должна ли какая-либо определенная система урегулирования споров быть составным элементом режима правопреемства.

E. ДЕТАЛЬНАЯ РАЗБИВКА ПРЕДМЕТА

15. Подкомитет был того мнения, что при подробном изучении предмета придется рассмотреть следующие, в частности, его аспекты:

a) Происхождение преемства:

исчезновение государства,
возникновение нового государства,
изменения территорий государств.

b) По предметам:

международные договоры,
территориальные права,
гражданство,
имущество государства,
концессионные права,
государственные долги,
некоторые другие вопросы публичного права,
имущество, права, интересы и прочие частноправовые правоотношения, деликты

c) По субъектам:

Права и обязанности:

- i) между новым государством и государством-предшественником,
- ii) между новым государством и третьими государствами,
- iii) нового государства в отношении лиц (включая лица юридические).

d) Территориальные последствия:

в пределах территории нового государства, вне его территории.

II. Исследования Секретариата

16. Подкомитет постановил просить Секретариат составить, по возможности, к шестнадцатой сессии Комиссии в 1964 году:

а) аналитическую сводку материалов, предоставленных правительствами на основании уже сделанных Секретариатом запросов;

б) рабочий документ, посвященный относящейся к области преемства практике специализированных учреждений и прочих международных организаций;

с) пересмотренный вариант компендиума постановлений международных судебных органов по вопросу о правопреемстве государств (A/CN.4/151), в который вошли бы не

включенные еще сводки соответствующих постановлений некоторых судебных органов.

17. Подкомитет принял к сведению заявление директора Отдела кодификации о том, что Секретариат при первой же возможности представит документ, указанный выше в подпункте «а» пункта 16, что он опубликует сведения, запрошенные в подпункте «б» пункта 16, как только сможет собрать их, и что просьбе, изложенной в подпункте «с» пункта 16, будет уделено серьезное внимание с учетом возможности получения соответствующих постановлений.

III. Приложения к настоящему докладу

18. Подкомитет постановил приложить к своему докладу краткие отчеты, в которых содержатся сведения об обсуждении существа вопросов, а также меморандумы и рабочие документы, составленные его членами и упомянутые выше — в пункте 3b.

б Эти приложения появятся в Ежегоднике Комиссии международного права за 1963 год.

ГДЕ МОЖНО КУПИТЬ ИЗДАНИЯ ООН И МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

АЗИЯ

БИРМА: CURATOR. GOVT. BOOK DEPOT
Rangoon

ВЬЕТНАМ: LIBRAIRIE-PAPETERIE
N'UAN THU, 185, rue Tu-do, B.P. 283, Saigon.

ГОНКОНГ: THE SWINDON BOOK COMPANY
25 Nathan Road, Kowloon

ИНДИЯ: ORIENT LONGMANS
Bombay, Calcutta, Hyderabad, Madras
и New Delhi

OXFORD BOOK & STATIONERY COMPANY
Calcutta и New Delhi

ИНДОНЕЗИЯ: PEMBANGUNAN, LTD.
Gunung Sahari 84, Djakarta

КАМБОДЖА:
ENTREPRISE KHMERE DE LIBRAIRIE
Imprimerie & Papeterie S. à R. L., Phnom-Penh.

КИТАЙ:
THE WORLD BOOK COMPANY, LTD.
69 Chung King Road, 1st Section, Taipei, Taiwan.

THE COMMERCIAL PRESS, LTD.
211 Honan Road, Shanghai

КОРЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА:
EUI-YOO PUBLISHING CO., LTD.
5, 2-KA, Chongno, Seoul.

ПАКИСТАН:
THE PAKISTAN CO-OPERATIVE
BOOK SOCIETY, Dacca, East Pakistan.

PUBLISHERS UNITED, LTD., Lahore.

THOMAS & THOMAS, Karachi.

СИНГАПУР: THE CITY BOOK STORE, LTD.
Collyer Quay.

ТАИЛАНД: PRAMUAN MIT, LTD.
55 Chakrawat Road, Wat Tuk, Bangkok.

NIBONDH & CO., LTD.
New Road, Sikak Phya Sri, Bangkok.

СУКАРАПА РАПИТ:
Mansion 9, Rajadamnern Avenue, Bangkok.

ФИЛИППИНЫ:
PHILIPPINE EDUCATION COMPANY, INC.
1104 Castillejos, P.O. Box 620, Quiapo, Manila.

POPULAR BOOKSTORE
1573 Doroteo Jose, Manila.

ЦЕЙЛОН: LAKE HOUSE BOOKSHOP
Assoc. Newspapers of Ceylon, P.O. Box 244,
Colombo.

ЯПОНИЯ: MARUZEN COMPANY, LTD.
6 Tori-Nichome, Nihonbashi, Tokyo.

АФРИКА

ГАНА: UNIVERSITY BOOKSHOP
University College of Ghana, Legon, Accra.

КАМЕРУН:
LIBRAIRIE DU PEUPLE AFRICAIN
La Gérante, B.P. 1197, Yaoundé.

DIFFUSION INTERNATIONALE
CAMEROUNAISE
DU LIVRE ET DE LA PRESSE, Sangmelima.

КЕНИЯ:
THE E.S.A. BOOKSHOP, Box 30167, Nairobi.

КОНГО (ЛЕОПОЛЬДВИЛЬ):
INSTITUT POLITIQUE CONGOLAIS
B.P. 2307, Léopoldville.

ЛИВИЯ: SUKDI EL JERBI (BOOKSELLERS)
P.O. Box 78, Istiklal Street, Benghazi.

МАРОККО: AUX BELLES IMAGES
281, avenue Mohammed V, Rabat.

НИГЕРИЯ: UNIVERSITY BOOKSHOP
(NIGERIA) LTD., University College, Ibadan.

НЬСАЛЕНД: BOOKERS (NYASALAND)
LTD., Lontyre House, P.O. Box 34, Blantyre.

**ОБЪЕДИНЕННАЯ АРАБСКАЯ
РЕСПУБЛИКА:**
LIBRAIRIE "LA RENAISSANCE D'EGYPTE"
9 Sh. Adly Pasha, Cairo.

AL NAKHA EL ARABIA BOOKSHOP
32 Abd-el-Khalek Sarwat, Cairo.

**ОБЪЕДИНЕННАЯ РЕСПУБЛИКА
ТАНГАНИКИ И ЗАНЗИБАРА:**
DAR ES SALAAM BOOKSHOP
P.O. Box 9030, Dar es Salaam.

СЕВЕРНАЯ РОДЕЗИЯ:
J. BELDING, P.O. Box 750, Mufulira.

УГАНДА: UGANDA BOOKSHOP
P.O. Box 145, Kampala.

ЭФИОПИЯ: INTERNATIONAL PRESS
AGENCY, P.O. Box 120, Addis Ababa.

ЮЖНАЯ АФРИКА:
VAN SCHAIK'S BOOKSTORE (PTY.) LTD.
Church Street, Box 724, Pretoria.

TECHNICAL BOOKS (PTY.) LTD., Faraday
House, P.O. Box 2866, 40 St. George's Street,
Cape Town.

ЮЖНАЯ РОДЕЗИЯ:
THE BOOK CENTRE, First Street, Salisbury.

ВЕСТ-ИДИЯ

БЕРМУДСКИЕ О-ВА: BERMUDA BOOK
STORES, Reid and Burnaby Streets, Hamilton.

БРИТАНСКАЯ ГВИНА: BOOKERS
STORES, LTD., 20-23 Church Street, Georgetown.

КЮРАСАО: BOEKHANDEL SALAS
P.O. Box 44.

ТРИНИДАД И ТОБАГО:
CAMPBELL BOOKER LTD., Port of Spain.

ИМАЙКА: SANGSTERS BOOK ROOM
91 Harbour Street, Kingston.

ЕВРОПА

АВСТРИЯ:
GEROLD & COMPANY, Graben 31, Wien, I.
GEORG FROMME & CO.,
Spengergasse 39, Wien, V.

БЕЛЬГИЯ: AGENCE ET MESSAGERIES
DE LA PRESSE, S.A.
14-22, rue du Persil, Bruxelles.

БОЛГАРИЯ: RAZNOIZNOS, I, Tzar Assen,
Sofia

ВЕНГРИЯ: KULTURA, P.O. Box 149,
Budapest 62

**ГЕРМАНИЯ (ФЕДЕРАТИВНАЯ
РЕСПУБЛИКА):**
R. EISENSCHMIDT
Schwanthaler Str. 59, Frankfurt/Main.

ELWERT UND MEURER
Hauptstrasse 101, Berlin-Schöneberg.

ALEXANDER HORN
Spiegelgasse 9, Wiesbaden.

W. E. SAARBACH
Gettrudenstrasse 30, Köln (11).

ГРЕЦИЯ: KAUFFMANN BOOKSHOP
28 Stadion Street, Athens.

ДАНИИ: EJNAR MUNSKGAARD, LTD.
Nørregade 6, København, K.

ИРЛАНДИЯ: STATIONERY OFFICE, Dublin.

ИСТАНБУЛ: BOKAVERZLUN SIGFGSAR
EYMUNDSSONAR, H. F.
Austurstraeti 18, Reykjavik.

ИСПАНИЯ: AGUILAR S.A. DE EDICIONES
Juan Bravo 38, Madrid 6.

LIBRERIA BOSCH
Ronda de la Universidad, No. 11, Barcelona.

LIBRERIA MUNDI-PRENSA
Castelló 37, Madrid

ИТАЛИЯ:
LIBRERIA COMMISSIONARIA SANSONI
Via Gino Capponi 26, Firenze
и Via Paolo Mercuri 19/B, Roma.

AGENZIA E.I.O.U., Via Meravigli 16, Milano.

КИПР: PAN PUBLISHING HOUSE
10 Alexander the Great Street, Strovolos.

ЛЮКСЕМБУРГ:
LIBRAIRIE J. TRAUSSCHSCHUMMER
Place du Théâtre, Luxembourg.

НИДЕРЛАНДЫ:
N. V. MARTINUS NIHOFF
Lange Voorhout 9, 's-Gravenhage.

НОРВЕГИЯ: JOHAN GRUNDT TANUM
Karl Johansgate, 41, Oslo.

ПОЛЬША: PAN, Palac Kultury i Nauki,
Warszawa.

ПОРТУГАЛИЯ: LIVRARIA RODRIGUES
Y CIA., 186 Rua Azeite, Lisboa.

РУМЫНИЯ: CARTIMEX, Str. Aristide Briand
14-18, P.O. Box 134-135, Bucuresti.

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО:
H. M. STATIONERY OFFICE
P.O. Box 569, London, S.E. 1
(в отделениях HMSO в Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh, Manchester).

**СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИ-
ЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК:**
МЕЖДУНАРОДНАЯ КНИГА
Смоленская площадь, Москва.

ТУРЦИЯ: LIBRAIRIE HASCHETTE
469 Istiklal Caddesi, Beyoglu, Istanbul.

ФИНЛЯНДИЯ: AKATEEMINEN
KIRIAKAUPPA, 2, Keskuskatu, Helsinki.

ФРАНЦИЯ: EDITIONS A. PEDONE
13, rue Soufflot, Paris (Ve).

ЧЕХОСЛОВАКИЯ:
ARTIA LTD., 30 ve Smečkáč, Praha, 2.

ШВЕЙЦАРИЯ:
LIBRAIRIE PAYOT, S. A., Lausanne, Genève,
HANS RAUNHARDT, Kirchgasse 17, Zürich 1.

ШВЕЦИЯ: C. E. FRITZE'S KUNGL.
HOVBOKHANDEL A-B, Fredsgatan 2,
Stockholm.

ЮГОСЛАВИЯ:
CANKARJEVA ZALOZBA, Ljubljana, Slovenia.
DRZAVNO PREDUZECE
Jugoslovenska Knjiga, Terazije 27/11, Beograd.
PROSVJETA, 5, Trg Bratstva i Jedinstva, Zagreb.
PROSVETA PUBLISHING HOUSE
Import-Export Division, P.O. Box 559,
Terazije 16/1, Beograd.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

АРГЕНТИНА: EDITORIAL
SUDAMERICANA, S.A.
Alsina 500, Buenos Aires.

БОЛИВИЯ: LIBRERIA SELECCIONES
Casilla 972, La Paz.

LOS AMIGOS DEL LIBRO
Calle Perú esq. España, Casilla 450, Cochabamba.

БРАЗИЛИЯ: LIVRARIA AGIR
Rua México 98-B, Caixa Postal 3291,
Rio de Janeiro.

LIVRARIA FREITAS BASTOS, S.A.
Caixa Postal 899, Rio de Janeiro.

LIVRARIA KOSMOS EDITORA
Rua Rosario 135/137, Rio de Janeiro.

ВЕНЕСУЭЛА: LIBRERIA DEL ESTE
Av. Miranda, No. 52, Edif. Galipán, Caracas.

ГАИТИ: LIBRAIRIE "A LA CARAVELLE"
Port-au-Prince.

ГВАТЕМАЛА: LIBRERIA CERVANTES
5a. Av. 9 39, Zona 1, Guatemala.

SOCIEDAD ECONOMICA-FINANCIERA
6a. Av. 14-33, Guatemala.

ГОЛУДАРС: LIBRERIA PANAMERICANA
Tegucigalpa.

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА:
LIBRERIA DOMINICANA
Mercedes 49, Santo Domingo.

КОЛУМБИЯ: LIBRERIA AMERICA
Calle 51 Núm. 49-58, Medellín.

LIBRERIA BUCHHOLZ
Av. Jiménez de Quesada 8-40, Bogotá.

КОСТА РИКА: IMPRENDA Y LIBRERIA
TREJOS, Apartado 1313, San José.

КУБА: CUBARTIMPEX, Apartado Postal 6540,
La Habana.

МЕКСИКА: EDITORIAL HERMES, S.A.
Ignacio Mariscal 41, México, D.F.

ПАНАМА: JOSE MENENDEZ
Agencia Internacional de Publicaciones,
Apartado 2052, Av. 8A Sur 21-58, Panamá.

ПАРАГВАЙ: AGENCIA DE LIBRERIAS
DE SALVADOR NIZZA
Calle Pte. Franco No. 39-43, Asunción.

ПЕРУ: LIBRERIA INTERNACIONAL
DEL PERU, S.A., Casilla 1417, Lima.

LIBRERIA STUDIUM, S.A.
Amargura 939, Apartado 2139, Lima.

САЛЬВАДОР: MANUEL NAVAS Y CIA.
1a. Avenida Sur 37, San Salvador.

LIBRERIA CULTURAL SALVADOREÑA
2a. Av. Sur, San Salvador.

УРУГУВАЙ: REPRESENTACION
DE EDITORIALES, PROF. H. D'ELIA
Plaza Cagancha 1342, 1° piso, Montevideo.

LIBRERIA RAFAEL BARRETT
Ramón Anador 4030, Montevideo.

ЧИЛИ:
EDITORIAL DEL PACIFICO
Ahumada 57, Santiago.

LIBRERIA IVENS, Casilla 205, Santiago.

ЭКВАДОР: LIBRERIA CIENTIFICA
Casilla 362, Guayaquil.

LIBRERIA UNIVERSITARIA
Calle Garcia Moreno 739, Quito.

ОКЕАНИЯ

АВСТРАЛИЯ: UN ASSOCIATION
OF AUSTRALIA, McEwan House,
343 Little Collins St., Melbourne C.1, Vic.

WEA BOOKROOM, University, Adelaide, S.A.

UNIVERSITY BOOKSHOP, St. Lucia,
Brisbane, Qld.

THE EDUCATIONAL AND TECHNICAL BOOK
AGENCY, Parap Shopping Centre, Darwin, N.T.

COLLINS BOOK DEPOT PTY., LTD.
Monash University, Wellington Road, Clayton, Vic.

COLLINS BOOK DEPOT PTY., LTD.
363 Swanston Street, Melbourne, Vic.

THE UNIVERSITY BOOKSHOP, Nedlands, W.A.

UNIVERSITY BOOKROOM
University of Melbourne, Parkville N.2, Vic.

UNIVERSITY CO-OPERATIVE BOOKSHOP,
LTD., Manning Rd., University of Sydney, N.S.W.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ:
GOVERNMENT PRINTING OFFICE
Private Bag, Wellington (и Government Book-
shops в Auckland, Christchurch и Dunedin).

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

КАНАДА: THE QUEEN'S PRINTER/
L'IMPRIMEUR DE LA REINE
Ottawa, Ontario.

**СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ
АМЕРИКИ:**
UNITED NATIONS, Sales Section, New York.

Пуэрто-Рико:
PAN AMERICAN BOOK CO.
P.O. Box 3511, San Juan 17.

BOOKSTORE, UNIVERSITY
OF PUERTO RICO, Rio Piedras.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ИЗРАИЛЬ: BLUMSTEIN'S BOOKSTORES
35 Allenby Road и 48 Nachlat Benjamin St.,
Tel Aviv.

ИОРДАНИЯ: JOSEPH I. BAHOU & CO.
Dar-ul-Kutub, Box 66, Amman.

ИРАК: MACKENZIE'S BOOKSHOP, Baghdad.

ИРАН: MEHR AYIN BOOKSHOP
Abbas Abad Avenue, Isfahan.

ЛИВАН: KHAYAT'S COLLEGE BOOK
COOPERATIVE, 92-94, rue Bliss, Beyrouth.

[64 R 1]

Печатные издания Организации Объединенных Наций можно приобрести или заказать в книжных магазинах во всех странах мира за местную валюту. За дополнительными справками обращайтесь по адресу: United Nations, Sales Section, New York, N.Y. 10017, или United Nations, Sales Section, Palais des Nations, Geneva, Switzerland.